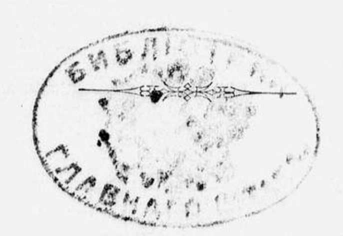
Воспоминанія Д. Никифорова.

МОСКВА

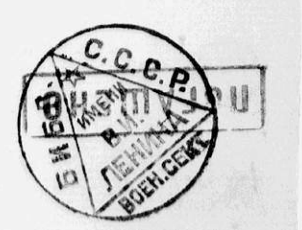
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ иллюстраціями событій того времени и портретами дѣятелей царствованія императора Александра II.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

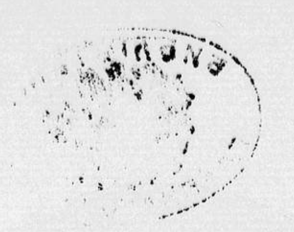
Дозволено цензурой. Москва, 7 ноября 1903 г.

Государь Императоръ Александръ II.

Съ литографіи, сдѣланной въ 1856 году И. Щедровскимъ, поднесенной Государю.

Изъ коллекціи С. П. Виноградова.

ГЛАВА I.

Кончина Императора Николая I.—Заключеніе мира.—Стихи на окончаніе войны.—Пріѣздъ въ Москву.—Первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ.—Приготовленіе къ коронаціоннымъ торжествамъ.—Графъ Закревскій.—Комендантъ Кизмеръ.—Губернаторъ Синельниковъ.—Предложеніе мнѣ мѣста плацъ-адъютанта.—Пріѣздъ иностранныхъ пословъ и Принцевъ.—Пріѣздъ царской фамиліи.—Парадный въѣздъ Государя въ Москву.—Отъѣздъ Государя въ с. Останкино.—Священное Коронованіе.—Дороговизна въ Москвѣ по случаю большого съѣзда.—Помѣщеніе посольствъ.—Балы у пословъ.—Графиня Раппъ.

Во время кончины Императора Николая I я находился на высотахъ Севастополя, и потому лично не могъ присутствовать въ Москвѣ, но изъ разсказовъ домочадцевъ могъ заключить о степени вліянія, оказаннаго смертью рыцаря Императора на московское общество.

Большинство, благоговѣя предъ личностью покойнаго Императора, было смущено неожиданной его кончиной. Многіе боялись, что черезчуръ уступчивый характеръ новаго Императора повліяетъ на ходъ продолжавшейся войны и умалитъ достоинство Россіи. Но была партія либераловъ, радовавшаяся кончинѣ Государя, и даже въ Успенскомъ Соборѣ во время присяги новому Императору говорившая, что съ воцареніемъ Александра II наступитъ новая эра свободы, задержанная усопшимъ.

Первый пріѣздъ Императора Александра II въ Москву былъ во время моего отсутствія изъ нея, потому я не могу высказать впечатлѣній москвичей во время его пріѣзда въ Первопрестольную.

Война продолжалась... Несмотря на отчаянное сопротивленіе Малаховъ Курганъ былъ взятъ, и вслѣдствіе потери этого важнаго пункта, южная часть Севастополя очищена нашими войсками.

Какъ послѣ сильной бури наступаетъ затишье, такъ и на холмахъ Севастополя, послѣ грома орудій и взрыва

минъ, наступила полная тишина. Раздѣлявшія насъ воды Севастопольской бухты служили намъ демаркаціонной линіею, черезъ которую не переступала ни та. ни другая сторона. Дипломатія работала о заключеніи мира. а мы тоскливо ожидали результата ихъ переговоровъ. Томленіе и бездѣйствіе было хуже битвы. Разнородные слухи мѣнялись ежедневно, такъ что никто не могъ отличить правды отъ выдумокъ. Наконецъ заключено перемиріе, а затѣмъ и полный миръ. Дозволено было посѣщать непріятельскій лагерь, и какая то тяжесть спала у всѣхъ съ души. Всѣ были довольны окончаніемъ войны. за исключеніемъ интендантскихъ чиновниковъ (сильно набившихъ себѣ карманъ) и крымскихъ невѣстъ, дѣлавшихъ себѣ относительно великолѣпныя партіи, такъ что неизвѣстный поэтъ увѣковѣчилъ ихъ въ слѣдующемъ стихоплетеніи:

Невѣстамъ крымскимъ неугодно,
И интендантству тожъ-желаніе народно
Чтобъ миру быть.
И вотъ всѣ сплошь къ Царю съ мольбою!
На тѣхъ вѣкахъ всего впервые
Сыны Россіи удалые
Столпились тутъ и идутъ прочь. Для многихъ
Блеснувшій лучъ надежды милой погибнетъ... Какъ и прежде
Въ какомъ-нибудь писцѣ невѣждѣ,
Придется чувства разжигать,
А тамъ дѣлиться со вдовами,
Таврида жалкими крохами.
И слезно просятъ всѣ Царя,
Чтобъ къ ихъ несчастью снисходя,
Онъ долю ихъ войной поправилъ,
О мирѣ думать бы оставилъ.
И къ нимъ прожоро-интендантство,
Пристало въ честное кампанство,
И завопило: Царь нашъ Царь!
Зачѣмъ наносишь намъ ударъ?
Не мы-ль Твое отъ Турокъ сѣно
Предавши пламени спасли,
Не мы-ли чинно и степенно
Нагонцевъ роты въ Крымъ ввели.
Не мы-ли падшій скотъ скупали,

Не мы-ли сгнившій хлѣбъ втоптали,
Глубоко въ землю, и степенно
Вели себя всегда почтенно.
Не то, что арміи офицеры.
Что ихъ манеры!
Топорны жалки и смѣшны,
Они хоть храбры, но грѣшны,
Всегда безъ мѣры напивались,
И даже пьяные валялись.
Въ театрахъ дѣлали скандалы;
Такіе стали ужъ нахалы,
Что самъ великій Бѣловодскій
Своею властью плацъ-маіорской
Ихъ усмирить не могъ.
А мы межъ тѣмъ: „Свидѣтель Богъ",
Всегда день черный вспоминали
И на день этотъ припасали.
Они же забіяки, ни себѣ
Въ крови добытаго въ трудѣ,
Ни для другихъ не припасутъ,
И до копѣйки все пропьютъ.
Война нужна! Пусть ихъ научитъ
Какъ нужно жизнью дорожить.
Необходимо должно, нужно,
Пускай ударятъ смѣло, дружно,
Врага сомнутъ и передъ свѣтомъ
Связавъ себя святымъ обѣтомъ,
Подобной мерзостью приказъ
Не тѣшатъ больше свѣта глазъ.

Получивъ отпускъ, я поѣхалъ къ роднымъ въ деревню, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Москву, гдѣ въ то время шли приготовленія къ коронаціи.

Въ маѣ 1856 года подъѣзжалъ я къ Бѣлокаменной по рязанскому шоссе. На послѣдней почтовой станціи Люберцы въ почтовую телѣжку заложили мнѣ хорошую тройку. На облучкѣ сѣлъ ямщикъ, молодой парень, три дня передъ тѣмъ женившійся. Ѣхалъ онъ первый разъ послѣ своей свадьбы. Веселое и довольное лицо его постоянно озарялось улыбкой.

Скоро показалась золотая шапка Храма Христа Спасителя, за ней колокольня Симонова монастыря, далѣе главы другихъ храмовъ.

Подъѣхали къ рогожской заставѣ. Человѣкъ пошелъ предъявлять подорожную. Ямщикъ подвязывалъ колокольчикъ.

Сидя на перекладной, я любовался на облитую солнцемъ Москву, позабывъ двухдневную тряску. Погода была превосходная. Служитель вернулся изъ караулки, шлагбаумъ поднятъ и мы тронулись по тряской Московской мостовой. Я мечталъ о свиданіи съ родными и не замѣтилъ, какъ мы миновали нѣсколько улицъ. Мечты мои прервались сильнымъ толчкомъ и телѣжка покачнулась на бокъ. Я едва удержался на мѣстѣ, инстинктивно ухватившись за край телѣги. Соскочило переднее колесо. Пока ямщикъ исправлялъ поврежденіе и отыскивалъ вывалившуюся чеку, я осматривалъ окружающіе меня дома и читалъ надписи ихъ владѣльцевъ. Катастрофа случилась около дома купца Аллилуева. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ быть въ Рогожской, домъ принадлежалъ той же фамиліи, и не было замѣтно снаружи въ немъ никакихъ перемѣнъ. Видно, что рогожцы народъ консервативный. Остановился я на углу Петровки и Кузнецкаго моста въ гостиницѣ Франція, содержимой въ то время знаменитымъ Морель— патріархомъ всѣхъ теперешнихъ содержателей оперетокъ, кафе-шантановъ и разныхъ увеселительныхъ садовъ.

Комнаты были доступной цѣны. Я платилъ за номеръ съ альковомъ для кровати—рубль. Обѣдъ стоилъ тоже рубль. Гостиница была первоклассная; въ настоящее время въ подобныхъ гостиницахъ такихъ цѣнъ не существуетъ. Переодѣвшись въ парадную форму, я отправился являться въ Комендантское правленіе.

Московскій комендантъ Генералъ-Лейтенантъ Кизмеръ былъ мой старый знакомый по Севастополю. Я немедленно былъ приглашенъ бывать у него, тѣмъ болѣе, что у насъ были общіе свойственники. Отъ коменданта я поѣхалъ на Поварскую къ крестному отцу моему и брату моего дѣда, у котораго былъ собственный домъ рядомъ съ церковью Симеона Столпника (теперь Грачева).

Дѣдъ былъ богатый Московскій баринъ, хлѣбосолъ, большой пріятель Графа Закревскаго, съ которымъ въ молодости служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ бытность Графа Министромъ.

Москва была полна пріѣзжими, и оживлена необыкновеннымъ суетнымъ движеніемъ на улицахъ. Всѣ готовились къ предстоящей коронаціи. Двойной комплектъ гвардейскихъ полковъ стоялъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ. Кромѣ дѣйствующихъ 12 полковъ, было 12 полковъ резервныхъ. Посрединѣ Ходынскаго поля устроена была огромная ротонда, въ которой давались танцовальные вечера.

Гвардейская кавалерія стояла частью въ Москвѣ, на многочисленныхъ въ то время постоялыхъ дворахъ, а частью въ окрестныхъ деревняхъ.

Московское общество проводило лѣто въ Москвѣ. Маменьки съ дочками ѣздили два раза въ недѣлю на танцовальные вечера въ Ходынскую ротонду, куда собиралась и гвардейская молодежь. Домъ Московскаго Генералъ-Губернатора былъ приготовленъ для жительства Великаго Князя Константина Николаевича. Графъ Закревскій жилъ въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера. Оберъ-Полиціймейстеръ въ Сущевской части. Дочь графа Закревскаго—Графиня Л. А. Несельроде жила на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ и ни на какіе выходы и балы не выѣзжала.

Въ Москвѣ всѣ стремленія, всѣ толки сводились къ одному—къ торжеству предстоящаго, въ скоромъ времени, священнаго коронованія.

* Чинъ коронаціи учрежденъ въ Россійскомъ Государствѣ со времени Великаго Князя Владиміра Всеволодовича, когда Греческій Царь Константинъ Мономахъ прислалъ этому Государю въ XII столѣтіи животворящій крестъ изъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ на золотомъ блюдѣ, святыя бармы или ожерелье съ иконами для ношенія на раменахъ, цѣпь аравійскаго золота и сердоликовую крабицу Августа Цезаря Римскаго.

---

*) Коранаціонный альбомъ, изданный Министерствомъ Императорскаго Двора.

Съ того времени Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ и нарекается Мономахомъ.

При перенесеніи престола въ Москву, чинъ этотъ и совершается въ ней въ Успенскомъ соборѣ.

Сохранилось описаніе торжествъ коронованій Великаго Князя Дмитрія Іоанновича (внука Іоанна III), Царя Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по примѣру Греческихъ Императоровъ, первый пріобщился въ св. Алтарѣ, какъ церковнослужители или первые христіане, особо отъ тѣла и особо отъ крови Христовой. Онъ былъ послѣднимъ изъ Россійскихъ Государей, вѣнчавшихся Мономаховыми регаліями.

Для общаго коронованія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изготовлены были новые одинаковые кресты, короны, бармы, скипетры и державы. Петръ I первый изъ царей торжественно короновалъ свою супругу Екатерину I.

При короновании Императора Петра II въ первый разъ вынесены были въ числѣ регалій государственное знамя, мечъ и печать, а съ Императорскою мантіею алмазная цѣпь ордена Св. Андрея Первозваннаго. При короновании Императрицы Анны Іоанновны въ первый разъ раздавались знатнымъ особамъ золотыя и серебряныя медали, вычеканенныя по случаю этого событія; обычай этотъ удержался до днесь.

Коронація Императрицы Елисаветы была торжественна; особо замѣчателенъ былъ въѣздъ Императрицы изъ с. Всесвятскаго, кортежъ заключался изъ 34 парадныхъ каретъ; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ. Такимъ же торжествомъ отличалась Коронація Императрицы Екатерины II.

Императоръ Павелъ I имѣлъ въѣздъ изъ Петровскаго дворца, построеннаго его матерью. Короновался въ далматики, съ нимъ же короновалась Императрица Марія Ѳеодоровна.

Императоръ Александръ I короновался въ военномъ мундирѣ, съ нимъ же короновалась Императрица Елисавета Алексѣевна.

Коронація Императора Николая I отличалась тѣмъ, что Его Величество возсѣдалъ не на персидскомъ тронѣ, а на алмазномъ тронѣ Царя Алексѣя Михаиловича, а Императрица Александра Ѳеодоровна на золотомъ тронѣ Царя Михаила Ѳеодоровича. Мνропомазаніе совершалось изъ драгоцѣнной крабицы Августа Цезаря Римскаго. Государь прикладывался ко кресту, осѣнявшему грудь Петра Великаго во время Полтавской битвы.

Вотъ данныя, на основаніи которыхъ было устроено торжественное коронованіе Императора Александра II.

Для устройства чина коронованія и предстоящихъ празднествъ учреждена была коммиссія подъ наблюденіемъ Министра Двора Графа Владиміра Ѳеодоровича Адлерберга. Въ званіе Верховнато Маршала облеченъ былъ Д. Т. С. I-го класса Князь Сергѣй Михаиловичъ Голицынъ.

Пышность, сопровождавшая торжества ни въ какихъ странахъ, ни въ какія времена не бывалая. Воздвигнутый повелѣніемъ Императора Николая Кремлевскій дворецъ соединялъ въ себѣ древнія драгоцѣныя святыни, вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ по своему устройству единственное въ мірѣ для предстоящихъ празднествъ помѣщеніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ 760 лѣтъ тому назадъ поставлены первые великокняжескіе покои, гдѣ въ началѣ XVI столѣтія Великій Князь Василій Іоанновичъ соорудилъ золотыя и жилыя хоромы, сохраненныя въ первобытномъ видѣ, только обновленныя. Грановитая Палата, съ Краснымъ крыльцомъ, Святыя Сѣни, Тайникъ, Терема, Царицыны Палаты и вообще всѣ сокровища русской старины, собранныя въ оружейной палатѣ. Святыни церковныя и святыни историческія, служа основаніемъ Императорскому Кремлевскому дворцу, окружены новыми постройками, соотвѣтствующими расширенію Имперіи. Весь второй этажъ вновь возведенной постройки заключаетъ въ себѣ нѣсколько роскошныхъ залъ, получившихъ названіе въ память россійскихъ знаковъ отличія.

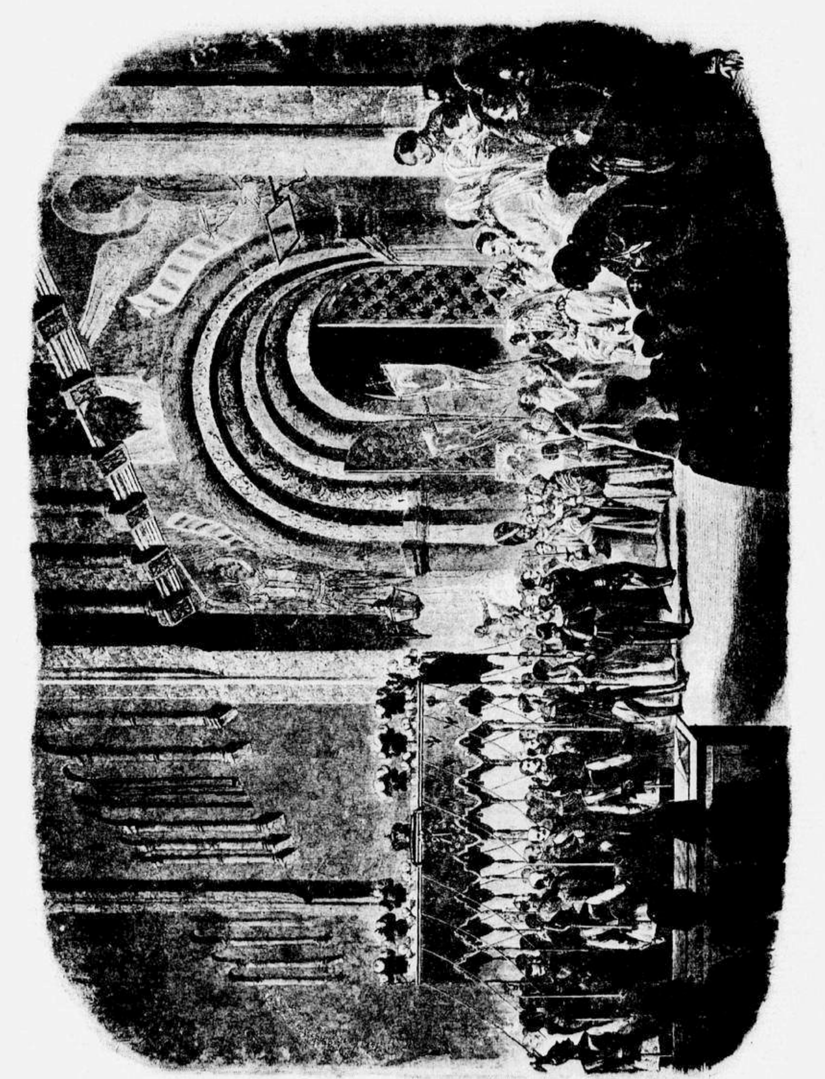
Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ состоялъ Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Гражданскимъ Губернаторомъ былъ Генералъ-Маіоръ Синельниковъ.

Еще до пріѣзда Царской фамиліи разнесся слухъ, что Намѣстникомъ Кавказа назначается Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій, любимый адъютантъ Государя, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола. Слухъ этотъ подтверждался еще тѣмъ, что войска, временно посланныя на Кавказъ во время Восточной войны оставлены были на Кавказѣ. Говорили, что система веденія кавказскихъ войнъ будетъ радикально измѣнена. Массой войсковыхъ силъ кавказскія независимыя племена будутъ раздавлены и на Кавказѣ водворится счастливая и спокойная идиллія. Московскія кумушки и бабушки засуетились, стараясь всѣми способами прикомандировать своихъ любимцевъ къ новому восходящему свѣтилѣ. Многимъ это и удалось.

Во время сбора войскъ на Ходынскомъ полѣ, для присутствія на коронаціонныхъ торжествахъ, Губернаторомъ Синельниковымъ былъ устроенъ павильонъ на Ходынскомъ полѣ, гдѣ молодежь собиралась танцовать два раза въ недѣлю. Я помню, что я пріѣхалъ туда въ первый разъ и былъ пораженъ красотой г-жи Дубельтъ, дочери А. С. Пушкина, такъ выдѣлялась она изъ толпы своихъ сверстницъ.

Въ Москвѣ было два коменданта. Старшій генералъ-лейтенантъ П. П. Кизмеръ былъ только что переведенъ изъ Севастополя (гдѣ занималъ такую же должность). Онъ занималъ большую квартиру въ потѣшномъ дворцѣ въ Кремлѣ (бывшій домъ бояръ Милославскихъ), третій и четвертый этажъ дворца; но бывъ холостымъ, ему много было и третьяго этажа, гдѣ находилось 12 большихъ комнатъ; четвертый же этажъ былъ не меблированъ и оставался пустымъ.

Комендантское Правленіе, занимавшее второй этажъ, на время коронаціи, было перемѣщено за Москву рѣку въ домъ Ильинскаго, гдѣ теперь Маріинское женское училище. Для скорѣйшаго сообщенія Кремля съ Комендантскимъ Правленіемъ, былъ сдѣланъ временный деревянный мостъ черезъ рѣку. Въ помѣщеніи Комендантскаго Правленія въ Кремлѣ была устроена квартира дежурнаго Генерала, Генералъ-Адъютанта Катенина. Второй комендантъ въ

Митрополитъ Филаретъ произноситъ рѣчь Императору Александру II, когда Онъ приблизился къ паперти Успенскаго Собора.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Москвѣ былъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Саморуго. Государыня Императрица Марія Александровна во время представленія заинтересовалась оригинальностью фамиліи Барона и спросила, откуда происходитъ его родъ. Баронъ отвѣтилъ Ея Величеству, что родъ его происхожденія итальянскаго. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Московскій Комендантъ Генералъ Кизмеръ предложилъ мнѣ занять при немъ должность плацъ-адъютанта, освободившуюся за переходомъ плацъ-адъютанта Золотарева адъютантомъ къ Графу Закревскому. Тотчасъ написано было требованіе въ полкъ о высылкѣ моего формулярнаго списка и доложено Графу Закревскому, по полученіи согласія котораго я считалъ себя почти уже опредѣленнымъ на мѣсто. Часто судьба, или случай разрушаетъ почти оконченное зданіе.

Вслѣдъ за пріѣздомъ Двора въ Москву, Министръ Двора Графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ, обозрѣвая что-то въ Кремлѣ, былъ недоволенъ распоряженіями Маіора—отъ воротъ полковника Ильина, и выразилъ ему свое неудовольствіе въ рѣзкой формѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Ильинъ былъ совершенно правъ. Графъ извинился передъ нимъ, сказавъ: «я виноватъ, проси у меня что хочешь». Полковникъ Ильинъ просилъ, чтобы Графъ Владиміръ Федоровичъ ходатайствовалъ у Графа Закревскаго о назначеніи сына его Петра Ивановича на имѣющуюся вакансію Плацъ-Адъютанта. Графъ Адлербергъ согласился и письмо къ Графу Закревскому было отправлено. Въ письмѣ Графъ упомянулъ, что назначеніе Ильина Графъ принимаетъ за личное себѣ одолженіе.

На другой день Закревскій потребовалъ меня къ себѣ,— показалъ письмо и сказалъ, что при всемъ желаніи исполнить обѣщаніе, мнѣ данное, онъ не можетъ идти противъ желанія Графа Адлерберга. Графъ обѣщался хлопотать о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ 3-й Гвардейской Дивизіи, которая по окончаніи Коронаціонныхъ празднествъ остается въ Москвѣ для занятія карауловъ.

Бывъ частнымъ образомъ прикомандированъ къ ордонансъ-гаузу для изученія службы, я долженъ былъ удалиться въ отпускъ, продолженный мнѣ Корпуснымъ Коман-

диромъ Липранди. Но телескопъ перевернулся и показалъ новые виды.

На вечерѣ у Коменданта Кизмера, въ числѣ приглашенныхъ гостей находился Государственный Секретарь Владиміръ Ивановичъ Будковъ. Я игралъ въ ералашъ въ дамской партіи. Владиміръ Ивановичъ Будковъ сидѣлъ около нашего стола и сыпалъ каламбуры и экспромты не великопостнаго пошиба. Дамы смѣялись—одинъ я сидѣлъ угрюмый. Послѣ одного каламбура Будковъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „отчего я набрасываю тѣнь на окружающія меня звѣзды?" Одна изъ красавицъ передала ему случившееся со мной обстоятельство и при окончаніи прибавила: „Вотъ Вы умный человѣкъ, пособили бы ему". А какая будетъ мнѣ награда? сказалъ Будковъ. „Я васъ поцѣлую", былъ отвѣтъ. Руку при свидѣтеляхъ, отвѣтилъ Будковъ. Всѣ посмѣялись и конечно приняли за шутку, позабыли разговоръ. Спустя нѣсколько дней былъ объявленъ Высочайшій приказъ: „Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ I въ 1814 году приказать изволилъ: чтобы на должности плацъ-адъютантовъ назначались офицеры изъ числа раненыхъ, между тѣмъ усматривается, что приказъ этотъ не исполняется. Почему Государю Императору угодно было подтвердить, чтобы должности эти замѣщались ранеными офицерами. Когда представленіе Ильина достигло Главнаго Штаба, его вернули Графу Закревскому съ отказомъ. Я былъ вновь представленъ и утвержденъ въ должности. Графу Адлербергу послали отъ Закревскаго извинительное письмо въ невозможности исполнить его просьбу. Все это сдѣлалъ Владиміръ Ивановичъ, благодаря своей необычайной памяти вспомнилъ существованіе стараго приказа и напомнилъ о немъ Военному Министру Сухозонету.

* Уже въ концѣ іюля начали прибывать иностранные Принцы и окредитованные послы. Прибыло восемь принцевъ крови и 138 членовъ дипломатическаго корпуса.

Войскъ гвардіи и гренадеръ сосредоточено было въ Москвѣ до 80 тысячъ.

* Коронаціонный Альбомъ.

Оффиціальныя церемоніи начались съ прибытіемъ изъ С.-Петербурга Императорскихъ регалій. Августа 11-го и 12-го прибыли въ Москву Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини: Елена Павловна и Екатерина Михаиловна съ супругомъ, Принцъ Ольденбургскій съ супругой и дѣтьми. Августа 13 прибыла вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна, пожелавшая присутствовать на коронаціи. Государынѣ сопутствовала Великая княгиня Марія Павловна—вдова Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, Великій Князь Николай Николаевичъ съ супругою Александрою Петровною.

Государь Императоръ прибылъ 14 августа въ 10 часовъ 25 мин. вечера на станцію Химки вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Александровной, въ сопровожденіи наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Великихъ Князей Александра, Владиміра, Алексѣя Александровичей, Великой Княжны Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны съ Августѣйшими ихъ дѣтьми и Великой Княгини Маріи Николаевны.

Въ Химкахъ была первая встрѣча, и отъ станціи экипажи направились по вновь устроенному шоссе до Петровскаго дворца. Путь освѣщался иллюминаціей. Весь путь до Петровскаго дворца былъ занятъ несмѣтною толпою. Дорожный экипажъ Государя остановился у воротъ дворца. Государь вышелъ изъ кареты, встрѣченный Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ Закревскимъ и другими властями; отвѣтивъ на ихъ привѣтствіе, Государь поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Преображенскаго полка и взошелъ во дворецъ, гдѣ прослушалъ краткое молебствіе, снова вышелъ на крыльцо, принялъ ординарцевъ и, сказавъ нѣсколько словъ присутствующимъ властямъ, удалился на покой.

15 и 16 августа Государь осматривалъ войска, собранныя на Ходынскомъ полѣ и подъ Москвою.

Торжественный въѣздъ въ столицу былъ назначенъ 17 августа въ три часа дня.

Въ 12 часовъ начали строиться на предназначенныхъ мѣстахъ—кавалерія вдоль шоссе, за городомъ, пѣхота—по улицамъ.

Большинство домовъ на Тверской было украшено флагами, коврами, цвѣтами и гирляндами. Члены дипломатическаго корпуса помѣщались въ роскошномъ домѣ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (теперь Елисѣева), гдѣ хозяева угощали ихъ роскошнымъ завтракомъ. Высшее общество Москвы наполняло трибуны Англійскаго клуба, нарочно устроенныя на дворѣ зданія. У тріумфальныхъ воротъ, на площади старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, при пересѣченіи Садовой съ Тверской, на Страстной площади, у Воскресенскихъ и Спасскихъ воротъ выстроены были галлереи въ древне-русскомъ стилѣ, все это сплошь было переполнено публикой.

Послѣ 9 выстрѣловъ изъ орудій, поставленныхъ на разводной площадкѣ Кремля, загудѣли всѣ колокола церквей. Затѣмъ тронулось шествіе изъ Петровскаго дворца. Шествіе открывалъ Полицмейстеръ и 12 жандармовъ. Затѣмъ ѣхали войска, дворяне, депутаты азіатскихъ народовъ. За ними Государевъ дворъ, лакеи и егеря.

За ними въ открытомъ фаэтонѣ въ 6 лошадей ѣхали два церемоніймейстера съ жезлами. Потомъ ѣхалъ оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ, украшеннымъ знаменитымъ изумрудомъ. Далѣе слѣдовалъ церемоніймейстеръ и 25 камеръюнкеровъ верхами, за ними церемоніймейстеръ и 11 камергеровъ.

Слѣдующіе номера составляли четырехмѣстныя кареты, въ которыхъ ѣхали вторые чины двора, за ними первые чины двора, далѣе слѣдовали Члены Государственнаго Совѣта. Потомъ Оберъ-Гофмейстеръ Графъ А. П. Шуваловъ, лейбъ-эскадронъ Кавалергардовъ. За нимъ Государь Императоръ въ лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. Поодаль ѣхали Великіе Князья: Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Князь Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, Принцъ Петръ Ольденбургскій,

Его Высокогерческое Высочество Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлецкій и иностранные гости, Министръ Двора и свита Государя. Ея Императорское Величество Государыня Александра Ѳеодоровна въ золотой каретѣ временъ Императрицы Екатерины II, запряженной 8-ю гнѣдыми лошадьми съ сидящими на ременахъ пажами, окруженная придворными служителями и казаками, въ сопровожденіи Генералъ-Адъютанта верхомъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ каретѣ, подаренной въ 1746 году Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Великимъ Емператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Карета окружена такъ же, какъ у Императрицы Александры Ѳеодоровны. Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія Княгини Марія Павловна и Александра Іосифовна. Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Елена Павловна и Марія Николаевна. Лейбъ эскадронъ кирасирскаго полка заключалъ великолѣпный отдѣлъ каретъ. Статсъ дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины и фрейлины въ четвероместныхъ каретахъ.

При вступленіи въ столицу произведенъ 71 выстрѣлъ. Генералъ Губернаторъ послѣ встрѣчи присоединился къ свитѣ. Въ земляномъ городѣ встрѣтила дума. Въ бѣломъ городѣ—дворянство. У Воскресенскихъ воротъ Губернаторъ, гдѣ Государь сошелъ съ коня и совмѣстно съ обѣими Императрицами, выслушавъ краткое молитвословіе, приложился къ иконѣ. У Спасскихъ воротъ встрѣтилъ Государя Комендантъ. У Успенскаго Собора Сенатъ. Въ придверіи Собора Ихъ Величества на паперти были встрѣчены Св. Синодомъ. Въ Соборѣ ожидали знатныя особы обоего пола. Когда Государь вступилъ въ Соборъ, то сдѣлано было 85 пушечныхъ выстрѣловъ. При вступленіи Государя во Дворецъ послѣ посѣщенія Соборовъ, Государь, встрѣченный Маршаломъ священнаго Коронованія Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, прошелъ въ покои, причемъ было сдѣлано 101 пушечныхъ выстрѣловъ. Ослѣпительныя позолотою экипажи, блескъ мундировъ, украшеніе домовъ, лошадей и вообще все шествіе, при блескѣ солнечныхъ

лучей было необычайно и народъ оглашалъ воздухъ привѣтственными кликами.

18 августа Государь присутствовалъ на парадѣ Преображенскаго полка, затѣмъ былъ въ Оружейной Палатѣ, при прибивкѣ новаго Государственнаго знамени взамѣнъ ветхаго стараго. Въ 5 час. пополудни Государыня Императрица Александра Θеодоровна отбыла на свою дачу Александрію, а Государь Императоръ съ семействомъ въ Останкино, принадлежащее графу Шереметеву, гдѣ Государь пробылъ до 25 числа. Государь тамъ говѣлъ и причастился Святыхъ Таинъ. Ежедневно отъ Московскаго коменданта посылался рапортъ Государю съ плацъ-Адъютантомъ. Государь не тревожилъ старика Кизмера дальними поѣздками.

Старинный дворецъ Села Останкина къ пріѣзду Государя былъ заново реставрированъ и могъ служить достойнымъ пребыванія въ немъ Державнаго вождя русскаго Государства.

*25 августа въ четвертомъ часу Императорскія регаліи перенесены изъ Оружейной палаты въ Андреевскую залу при обычномъ церемоніалѣ. Большая Императорская корона сдѣлана при Императорѣ Павлѣ I и цѣнится болѣе 3 милліоновъ руб. Кромѣ брилліантовъ въ ней вставленъ рядъ рѣдкихъ жемчуговъ и огромный рубинъ, купленный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Малая корона Императрицы цѣнится въ 15 тысячъ. Въ скипетрѣ вставленъ брилліантъ, пріобрѣтенный при Императрицѣ Екатеринѣ II, считающійся однимъ изъ первыхъ въ мірѣ.

Съ 25 числа происходило ежедневное торжественное объявленіе народу о священномъ коронованіи, для чего ежедневно назначались три Генералъ-Адъютанта, два коронаціонныхъ Оберъ-Церемоніймейстера, два Сенатскихъ секретаря, всѣ верхами, при нихъ два эскадрона—одинъ Кавалергардскаго, а другой отъ Лейбъ-гвардіи коннаго полка съ трубачами. При нихъ служители 12 заводныхъ лошадей въ статс ливреяхъ.

Отрядъ раздѣлялся на двое и каждый шествовалъ по назначеннымъ ему мѣстамъ. Иностранные послы и посланники были извѣщены о днѣ коронаціи двумя церемоніймейстерами.

*) Коронаціонный Альбомъ.

Древній Успенскій Соборъ, построенный Великимъ Княземъ Іоанномъ III, былъ украшенъ роскошнѣйшимъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата, съ коронами на верху его. Подъ балдахиномъ стоялъ тронъ. На особомъ возвышеніи посреди амвона были поставлены для Его Императорскаго Величества престолъ Царя Іоанна III, а для Государыни Императрицы Маріи Александровны престолъ Царя Михаила Θеодоровича. По лѣвую сторону былъ приготовленъ столъ для Императорскихъ регалій. Вправо возвышалось особое Императорское мѣсто для Государыни Императрицы Александры Θеодоровны. Подъ балдахиномъ поставленъ былъ престолъ Царя Алексѣя Михайловича для Императрицы Александры Θеодоровны. Мѣста для присутствующихъ въ соборѣ во время священнаго коронованія были богато украшены золотыми бахромами и кистями. У стѣнъ внутри собора были приготовлены мѣста для иностранныхъ пословъ, посланниковъ, придворныхъ дамъ и другихъ особъ.

Грановитая Палата, гдѣ по окончаніи церковной церемоніи былъ торжественный столъ, тоже была заново украшена.

Дипломатическій корпусъ собрался у французскаго посла Герцога Морни, въ квартирѣ его близъ Страстнаго Монастыря, откуда предшествуемый жандармскимъ эскортомъ прибыли къ 9 часамъ въ Успенскій Соборъ и размѣстились въ предназначенныхъ имъ мѣстахъ.

Синодальные члены находились въ Соборѣ, облаченные въ новыя ризы, нарочно для того изготовленныя. Представители другихъ христіанскихъ исповѣданій тоже находились въ соборѣ.

Четыре кавалергардскихъ офицера заняли мѣста на ступеняхъ амвона и тогда началось молебствіе.

На пути въ Успенскій Соборъ были разставлены, начиная отъ трона Андреевской залы, Дворцовые гренадеры, кавалергарды и лейбъ-гвардія коннаго полка.

Прочія войска имѣли, пѣхота по одной ротѣ, а кавалерія по одному пѣшему взводу внѣ дворца, въ самомъ же

дворцѣ стояли по одному взводу: кавалергардовъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка въ Георгіевской залѣ и по одному взводу отъ 4-хъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ во Владимірской залѣ и взводъ лейбъ-кирасирскаго полка въ Святыхъ Сѣняхъ.

Первымъ былъ вынесенъ на красное крыльцо балдахинъ, подъ которымъ должна была шествовать въ Успенскій Соборъ Императрица Александра Θеодоровна. Ея Императорское Величество шествовала, имѣя ассистентами двоихъ своихъ сыновей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Балдахинъ несли 8 Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ, а шнуры отъ штанговъ поддерживали 8 Тайныхъ Совѣтниковъ.

Когда Императрица заняла приготовленное для нея мѣсто, то на красное крыльцо вынесенъ былъ 32 штабъ-офицерами балдахинъ, приготовленный для Государя Императора и Государыни Императрицы. Балдахинъ изъ золотой парчи, украшенный страусовыми перьями приняли 32 Генералъ-Адъютанта. Верховный учредитель доложилъ, что все готово; тогда Государь, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ прибылъ въ тронную залу, возсѣлъ тамъ на тронъ, послѣ чего по сигналу трубача началось торжественное шествіе.

1. Взводъ кавалергардовъ.
2. 24 пажа и 24 камеръ-пажа.
3. Два церемоніймейстера.
4. Волостныя Головы.
5. Головы купечества.
6. Представители иностраннаго купечества.
7. Городская Дума.

Затѣмъ представители всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій.
Губернскіе Предводители Дворянства.
Сенаторы и Члены Государственнаго Совѣта.
Церемоніймейстеры.
Верховный Церемоніймейстеръ.
Два герольда въ уборѣ.
Императорскія регаліи.
Взводъ Кавалергардовъ.
Гофъ-маршалъ.

Графъ Закревскій

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ
Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Оберъ - Гофъ - Маршалъ

Верховный Маршалъ Князь С. М. Голицынъ.

Его Императорское Величество, имѣя по сторонамъ Великаго Князя Константина Николаевича и Его Императорское Высочество принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, а позади Министровъ Императорскаго Двора и Военнаго и дежурство, въ лентѣ Св. Владиміра и цѣпи св. Андрея Первозваннаго.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна, имѣя ассистентами Ихъ Великогерцогскихъ Высочествъ Принца Александра Гессенскаго и Герцога Георга Мекленбургъ-Стрѣлецкаго. Государыня была въ лентѣ Св. Екатерины. За ней шли статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

Взводъ кавалергардовъ.

Россійское дворянство, Мануфактуристы, Именитое купечество и взводъ кавалергардовъ.

Священное Коронованіе произошло въ Успенскомъ Соборѣ, по окончаніи котораго на Императрицу Марію Александровну кромѣ короны возложенъ былъ знакъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Изъ Собора шествіе направилось по устроенному помосту въ Архангельскій, а потомъ въ Благовѣщенскій соборы, откуда Государь прослѣдовалъ по соединительной площадкѣ на Красное крыльцо, откуда троекратно кланялся народу и возвратился во внутренніе покои. Въ 3 часа былъ торжественный столъ.

Дипломатическій корпусъ не былъ приглашенъ къ обѣду, но былъ до него угощаемъ завтракомъ въ золотой палатѣ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Иллюминація повторилась 27 и 30 августа. Наградъ была масса; болѣе всѣхъ былъ награжденъ герцогъ Морни, который въ теченіе мѣсяца удостоился быть награжденнымъ знаками орденовъ св. Александра Невскаго, св. Владиміра и св. Андрея Первозваннаго. Облегчены повинности и прощены недоимки до 600 рублей.

На другой день послѣ коронаціи приносили поздравленія въ Андреевской залѣ. Всѣхъ блюдъ было поднесено 81; изъ

нихъ золотыхъ 10, серебряныхъ 61 и 10 различнаго достоинства. Въ тотъ же вечеръ былъ балъ въ грановитой палатѣ. 28-го былъ пріемъ гражданскихъ чиновъ, а 29-го дамъ первыхъ 6-ти классовъ. 30-го былъ большой выходъ къ обѣднѣ у Спаса за золотой рѣшеткой, а вечеромъ торжественный спектакль во вновь отдѣланномъ послѣ пожара 1853 года Большомъ театрѣ. Спектакль состоялъ изъ оперы «l'Elezire d'amore и балета «Маркитантка», были устроены великолѣпные буфеты во всѣхъ коридорахъ и фойе.

31 августа былъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для высшихъ властей. 1-го сентября въ Александровской залѣ для Губернскихъ Предводителей Дворянства, Городскихъ головъ и представителей иррегулярныхъ войскъ. 2 сентября былъ балъ въ Александровскомъ залѣ. Ужинъ въ Георгіевскомъ. 3-го были маневры. 4-го сентября былъ обѣдъ отъ Московскаго купечества въ городскомъ манежѣ близъ Кремля, а вечеромъ балъ у князя С. М. Голицына. 6 сентября посламъ въ Георгіевской залѣ, 8 сентября народный праздникъ на 672 столахъ на Ходынскомъ полѣ. 9 сентября большой маскарадъ во дворцѣ, гдѣ было 8000 приглашенныхъ дворянства и купечества. 10 балъ въ Благородномъ Собраніи. 11 балъ у англійскаго посла, 13 обѣдъ предводителямъ дворянства. 15 балъ у австрійскаго посла, 16 балъ у французскаго посла и обѣдъ купечеству во дворцѣ. 17 фейерверкъ противъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ назначенный день коронаціи, ясная и теплая погода обѣщала превосходный полуосенній день. Кремль съ утра наполнился народомъ. Государь съ Августѣйшимъ семействомъ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ наканунѣ коронаціи. Разводная площадка была запружена народомъ; внутри соборной площадки, на устроенныя на ней эстрады пускали только по выданнымъ прежде билетамъ. Первымъ былъ вынесенъ балдахинъ вдовствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ которомъ она тотчасъ же и прослѣдовала въ Успенскій Соборъ. Вскорѣ вынесенъ былъ балдахинъ для Государя и Государыни, несомый Генералъ-Адъютантами, подъ которымъ Ихъ Величества и прослѣдовали въ Соборъ.

Восторгъ народа, при видѣ Ихъ былъ неописуемъ, особенно, когда по совершеніи уже коронаціоннаго Таинства Ихъ Величества возвращались изъ Собора въ коронахъ, а Императрица въ возложенной на нее при коронаціи лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Долго, даже послѣ торжественнаго обѣда въ Грановитой Палатѣ, когда всѣ удалились изъ дворца, разводная площадка была переполнена народомъ, выражавшимъ свою радость безчисленными криками ура.

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Блисталъ своими огнями и старый Кремль. Съѣздъ въ Москву Дворянства былъ огромный. Тогда еще не обѣднѣвшее дворянство стремилось выказать вѣрноподданическія чувства своему Государю. Всѣ стремились разными способами попасть на торжества, балы и смотры, на первые два—это было довольно трудно, не имѣлось такихъ обширныхъ помѣщеній, которыя могли бы удовлетворить просьбы желающихъ.

Петербургская знать была полностью въ Москвѣ, и имѣя ходы въ администраціи и придворныхъ сферахъ, удовлетворялась первая.

Дороговизна въ Москвѣ чувствовалась всѣми, особенно вздорожали наемъ экипажей и лошадей. До коронаціонныхъ торжествъ наемъ кареты на день стоилъ въ Москвѣ 4 рубля, въ дни коронаціи менѣе 20 рублей было немыслимо имѣть экипажъ и то не изъ лучшихъ. За квартиры брали въ коронаціонный мѣсяцъ стоимость ея въ другое время въ годъ, конечно они должны были быть меблированы и снабжены посудой и бѣльемъ для постелей.

Во время коронаціи Императора Александра II я пробылъ въ Москвѣ, и хотя не офиціально, но пользовался правами будущей моей должности, а болѣе состоялъ при дамской половинѣ семейства коменданта. Во время торжественнаго въѣзда я сидѣлъ у Страстного монастыря на площади, въ домѣ бывшемъ тогда Оберъ-Полиціймейстера Тимашева-Берингъ, а потомъ барона Шеппингъ; теперь проданъ Базыкину. При солнечной ясной погодѣ видъ на кортежъ, на просторной площади, восхитителенъ. Всѣ говорили о не-

обыкновенномъ выѣздѣ французскаго посланника графа Морни и замѣчательныхъ брилліантахъ Австрійскаго посла графа Эстергази. Придворные экипажи и лошади были на подборъ; особенно обратила мое вниманіе запряжка цвѣта Изабеллы, необыкновеннымъ своимъ колоритомъ. Государь на другой же день по въѣздѣ уѣхалъ жить въ с. Останкино, имѣніе графа Шереметева, гдѣ говѣлъ. Французскій посолъ графъ Морни нанялъ два смежныхъ дома противъ Страстного монастыря—домъ Римско-Корсаковой (теперь 7 гимназія) и домъ Рахманова (теперь Живаго), оба дома были соединены проломомъ въ соединяющихъ ихъ стѣнахъ. Говорили, что первое время, графъ былъ у ногъ своей хозяйки Римско-Корсаковой, но увидавъ впослѣдствіи княжну Трубецкую, перемѣнилъ маневръ и началъ ухаживать за послѣдней, на которой впослѣдствіи и женился. Говорили много про эксцентрическія выходки Корсаковой, но онѣ не подѣйствовали на влюбленнаго графа. Эстергази занялъ на Пречистенкѣ домъ Толмачева (теперь Домовладѣльческаго Общества) и кромѣ найма за помѣщеніе въ домѣ, заплатилъ 15 тысячъ за право срубить деревья сада предъ домомъ. На этомъ мѣстѣ выстроена была палатка, въ которой ужинали во время бала. Англійскій посолъ лордъ Гренвиль нанялъ домъ графини Граціани (теперь Морозова) тоже на Пречистенкѣ, немного подалѣе. Балъ его замѣчателенъ былъ тѣмъ, что за ужиномъ подали вареные раки, съ непріятнымъ запахомъ, на что выпущено было много остротъ и каламбуровъ. Самый блестящій балъ былъ у Морни, особенно были замѣчательны вина за ужиномъ. Но все это ничего нестоило оборотливому французу. Графъ, по праву посла ввезъ въ Россію безпошлинно, такое огромное количество вина, что продажа остатковъ его, покрыла всѣ его коронаціонные расходы. Въѣздъ Государя былъ изъ Петровскаго дворца. Впереди каретъ Императрицъ ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ камеръ-юнкера и камергеры попарно. Лошади были доставлены изъ Кіева и Варшавы подъ начальствомъ жандармскаго полковника Трепова. Лошади были до того хорошо выѣзжаны, что исполняли сами устную команду Полковника, который шелъ между лошадьми посрединѣ дороги и

просилъ только одного, чтобы сидѣли смирно и не дергали понапрасно поводовъ. Всѣ покорились его просьбѣ, за исключеніемъ камеръ-юнкера Иванова, бывшаго впослѣдствіи помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Ивановъ пожелалъ непремѣнно ѣхать на своемъ превосходномъ пародерѣ и какъ полковникъ ни отговаривалъ его, онъ остался непреклоненъ. Поѣздъ тронулся отъ дворца въ ясное тихое утро; все шло благополучно, передніе ряды достигли Тріумфальныхъ воротъ, когда Государь показался изъ дворца, грянулъ залпъ орудій, стоявшихъ на Ходынскомъ полѣ. Лошадь г-на Иванова взвилась на дыбы,—ѣздокъ не удержался. Блеснули въ воздухѣ бѣлыя ножки, золотой мундиръ и Ивановъ свалился въ ровъ. Крики: «держи лошадь» раздались по линіи, лошадь вскорѣ была задержана и все пришло въ порядокъ, только парный камеръ-юнкеръ В. А. Дашковъ, долженъ былъ продолжать путь въ одиночествѣ. Присутствовалъ я также на куртагѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ. Народный праздникъ не удался: съ утра погода была ненастная, шелъ дождь и когда, передъ пріѣздомъ на праздникъ Государя Императора, начали пробовать не замокла ли веревка и хорошо ли поднимается флагъ Императорскаго павильона, то народъ принялъ это за начало праздника, кинулся на столы и вмигъ все было расхищено. Когда я только что выѣхалъ за Тверскую заставу за часъ до начала праздника, то встрѣтилъ уже толпу, возвращающаго народа. Дождь понемногу усиливался и наконецъ обратился въ ливень. Когда Государь пріѣхалъ въ павильонъ то отъ праздника ничего не осталось, только жалкіе разрушенные остатки исправно поливалъ дождь. Въ циркѣ въ мокрыхъ трико скакали наѣздники и кривлялись клоуны. Государь скоро уѣхалъ.—за нимъ тотчасъ же начала разъѣжаться публика. Разъѣздъ былъ безпорядоченъ, экипажи ѣхали чуть не въ шесть рядовъ, а у заставы такъ скопились, что всѣ кареты остановились. Я ѣхалъ въ открытыхъ дрожкахъ и везъ съ собою правовѣда Кобылинскаго. Дрожки остановились между двухъ каретъ, движенія впередъ никакого. Дождь все усиливался. Изъ одной кареты вы-

шелъ Адъютантъ и спросилъ меня, какъ фамилія правовѣда. Оказалось въ каретѣ сидѣлъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, начальникъ училища. Мой правовѣдъ страшно испугался, но благодаря Бога, все обошлось благополучно. Военный парадъ былъ великолѣпенъ. Парады 1883 и 1896 сравнительно миніатюрны. Фейерверкъ, устроеный въ Лефортовѣ, противъ Кадетскихъ корпусовъ также не удался. Была тихая безвѣтренная и сырая погода. Дымъ отъ первыхъ ракетъ не уносило въ сторону и онъ такъ сгущался, что съ половины мы слышали только громъ и трескъ взрывовъ и въ туманѣ какіе-то огненные языки. Эффекта никакого. Фейерверкомъ окончилось праздненство и начался разъѣздъ Императорской фамиліи и приглашенныхъ гостей. Тогда началась посланническая торговля. Чрезвычайные послы привезли винъ и другихъ товаровъ безпошлинно въ Москву для своего употребленія. Навезено было столько, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ все это распродавалось. Болѣе всѣхъ торговалъ графъ Морни. Во время коронаціи пріѣзжала въ Москву графиня Раппъ, дочь знаменитаго генерала Наполеона I, который защищалъ и не сдавалъ Данцига, несмотря на паденіе и плѣненіе Императора. Говорили, что графиня Раппъ была замужемъ, но разсталась съ мужемъ и носила свою дѣвичью фамилію. Графиня пріѣхала съ сыномъ мальчикомъ 12—14 лѣтъ, при немъ гувернеръ и нѣсколько человѣкъ мужской и женской прислуги. Наняла графиня въ Гагаринскомъ переулкѣ большой домъ Костіевской въ 15 комнатъ и расположилась тамъ большой барыней. Наняла карету, лошадей и ѣздила по всѣмъ посламъ и знати. Графиня хлопотала получить аудіенцію у Государя и очень волновалась, что Морни не оказывалъ ей никакого содѣйствія. Она разсказывала, что искала содѣйствія Государя на полученіе ею большой суммы денегъ, слѣдующихъ ей за заслуги отца. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось сопутствовать ей къ нашимъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ и Императорскаго двора, графу Адлербергу. Но кажется всѣ ея хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Уѣзжая во Францію, графиня приглашала меня посѣтить ее

въ Парижѣ гдѣ у нея былъ отель въ С. Жерменскомъ предмѣстьѣ. Когда я пріѣхалъ въ 1861 году въ Парижъ, то ея отель былъ проданъ, и она жила, хотя въ хорошей квартирѣ, но въ третьемъ или четвертомъ этажѣ и жаловалась, что Наполеоновское правительство разорило ее процессомъ, несмотря на заступничество русскаго правительства. Вообще вся эта исторія была какая-то странная, и всѣ ея рѣчи недосказанныя.

Графъ Закревскій, жившій во время коронаціи въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, по выѣздѣ изъ Генералъ-Губернаторскаго дома Великаго Князя Константина Николаевича, переѣхалъ въ свою квартиру. Берингъ изъ Сущевскаго частнаго дома въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Москва понемногу успокоивалась. Въ день коронаціи, сопровождая высокопоставленныхъ дамъ, я сидѣлъ въ комендантскихъ мѣстахъ, между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ Соборами, такъ что выходъ съ краснаго крыльца и прослѣдованіе въ Успенскій соборъ было мнѣ хорошо видно. Надъ Императрицей Александрой Θеодоровной несли балдахинъ именитые Московскіе дворяне, въ числѣ которыхъ былъ и мой дѣдъ.

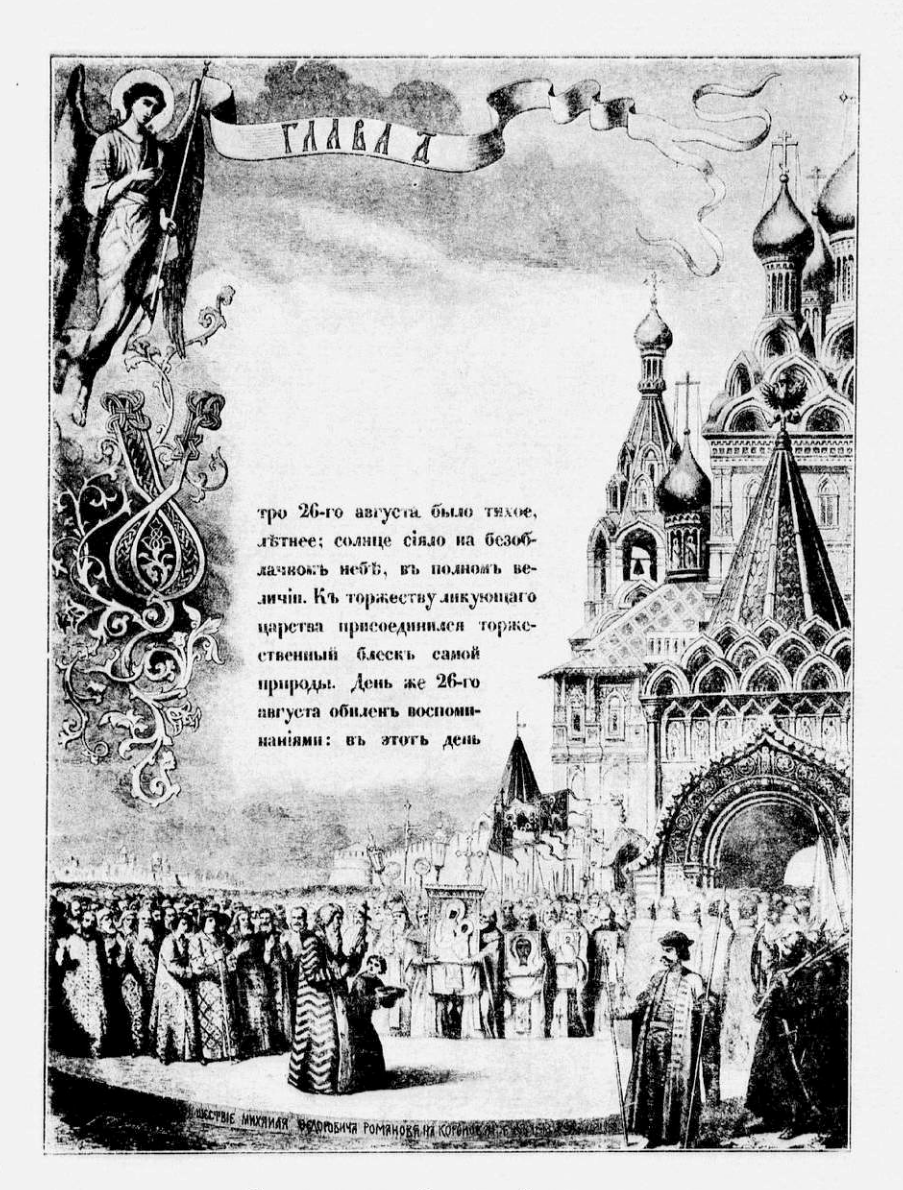
ГЛАВА II.

Мое утвержденіе въ должности плацъ-адъютанта.—Обязанности моей новой должности.—Генералъ Кизмеръ.—Баронъ Саморуго.—Независимость офицеровъ отъ полицейскихъ чиновъ.—Похороны отставного Генералъ-маіора Нарышкина.—Балы въ Московскомъ обществѣ.—Дома: Князя Львова, Рюминыхъ, Графини Паниной, Головинъ Никитскій, Головинъ Покровскій, Графъ Закревскій, Воейковы, Оболенскіе. Оболонская, Кудашева и другіе.—Балъ у Храповицкихъ. - Утренній балъ въ собраніи.

Въ декабрѣ 1856 года вступилъ я въ исправленіе моей должности. Служба плацъ - адъютанта въ Москвѣ была не трудная. По штату полагалось 12 плацъ-адъютантовъ при комендантѣ, но ихъ было 11; должность одного плацъ-адъютанта была превращена въ должность второго коменданта,

которую занималъ генералъ - маіоръ баронъ Саморуго. Утреннія занятія были не продолжительны, затѣмъ въ комендантскомъ управленіи оставался одинъ дежурный адъютантъ. Другой назначался дежурнымъ по городу, и долженъ былъ сидѣть дома, на случай пожара въ городѣ или другого экстреннаго происшествія, куда онъ обязательно долженъ былъ немедленно являться. Остальные адъютанты распредѣлялись такъ: по одному должны были присутствовать въ Большомъ и Маломъ театрахъ. Если въ Благородномъ Собраніи былъ балъ или концертъ, то туда тоже назначался дежурнымъ адъютантъ. Такое же было дежурство и въ другихъ клубахъ, если тамъ назначалось общественное увеселеніе. По распоряженію Государя Императора Николая I, такъ высоко ставившаго воинское званіе, никакая полицейская власть не имѣла никакого права, не только арестовать, но даже удалить или сдѣлать замѣчаніе офицеру, чѣмъ нибудь нарушившему общественныя правила. О всякомъ проступкѣ офицера тотчасъ полиціей докладывалось дежурному плацъ - адъютанту и послѣднимъ дѣлалось соотвѣтствующее распоряженіе. Да иначе и быть не могло. Полиція въ большинствѣ случаевъ состояла изъ служебныхъ отбросовъ, которые не только тайно, но даже явно брали взятки, не стѣсняясь ни общественнымъ мнѣніемъ, ни тысячью глазъ, смотрящихъ на это беззаконіе. Офицеръ ни въ какомъ отношеніи не былъ подчиненъ наружной полиціи, которая могла только донести комендантскому управленію о сдѣланномъ имъ нарушеніи. Плацъ-адъютантъ даже и въ день свободный отъ служебныхъ занятій, имѣлъ безплатный входъ во всѣ театры и увеселительныя мѣста. Старики - адъютанты старались избѣгать нарядовъ въ маскарады, мѣняясь съ молодежью и брали на себя дежурство въ Комендантскомъ управленіи или дежурство по городу. Кизмеръ любилъ бывать въ хорошемъ обществѣ высшаго круга, и если почему нибудь не могъ посѣтить бала или раута, то требовалъ, чтобы я утромъ до выѣзда его изъ дома сообщалъ ему выдающіяся событія вчерашняго бала.

Въ старину въ Кремлѣ, въ домѣ бояръ Милославскихъ,

Первая коронація дома Романовыхъ.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

отца первой супруги Царя Алексѣя Михайловича, переименованнаго приИмператорѣ Петрѣ I въ потѣшный дворецъ помѣщалось Московское Комендантское управленіе, квартира 1-го Московскаго коменданта, и Военно Окружной Судъ. Состоя адъютантомъ при комендантѣ генералъ лейтенантѣ Иванѣ Ивановичѣ Кизмеръ, мнѣ было хорошо извѣстно обстоятельство жизни этого учрежденія, которое и прилагаю тутъ.

По кончинѣ перваго московскаго коменданта генералъ-лейтенанта Дебанъ-Скоротецкаго, въ 1855 году, на занимаемое имъ мѣсто Государемъ Императоромъ Александромъ II былъ назначенъ въ Москву севастопольскій комендантъ генералъ - лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ, выдержавшій на своемъ прежнемъ посту первую часть осады города Севастополя.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ 1802 г. въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Во время назначенія его московскимъ комендантомъ онъ былъ сѣдовласымъ старцемъ, средняго роста, тучнаго тѣлосложенія. Генералъ Кизмеръ никогда женатъ не былъ; проведя всю свою жизнь холостымъ, любилъ разсказывать про веселые годы своей молодости. Разсказывая про первый пріѣздъ свой въ Москву въ 1802 году, когда онъ остановился въ первопрестольной у какихъ-то своихъ родственниковъ, онъ повѣствовалъ про веселую жизнь въ Москвѣ молодыхъ пріѣзжихъ петербургскихъ офицеровъ того времени. Жизнь въ тогдашней Москвѣ почти ничего ему не стоила. Ежедневные званные обѣды и вечера поглощали все время. Единственный расходъ, который онъ производилъ на себя, была наемная коляска парой; но она стоила ему всего 2 рубля ассигнаціями въ день. Подъ старость онъ любилъ окружать себя веселою женскою молодежью. На вечерахъ его въ общирной комендантской квартирѣ было постоянно пѣніе и музыка.

Особенно увлекала всѣхъ своею красотой и голосомъ княгиня Мещерская. Онъ также былъ не прочь посѣщать вечера, устраиваемые для веселящейся молодежи. Графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде, дочь тогдашняго генералъ-

губернатора графа Закревскаго, прозвала его вѣтреною блондинкой, намекая этимъ на совершенно бѣлую и густую его шевелюру. Кизмеръ терпѣть не могъ, тогда кто-нибудь называлъ его Иваномъ Ивановичемъ, и выдавалъ себя за истаго русскаго, хотя по вѣроисповѣданію былъ лютераниномъ. Кизмеръ былъ аккуратенъ въ своихъ дѣлахъ, какъ истый нѣмецъ, и не любилъ, когда кто нибудь, даже за глаза, говорилъ, что онъ нѣмецъ. Самъ же любилъ, когда ему разсказывали анекдотъ про его предшественника Дебанъ-Скоротецкаго, фамилію котораго никакъ не могли запомнить солдаты. Коменданту донесли, что солдаты коверкають ее на свой ладъ. На инспекторскомъ смотру онъ спросилъ солдата: кто комендантъ Москвы? Бравый служака, вытянувшись въ струнку, безъ запинки отвѣтилъ: «Демонъ-Замоскворѣцкій, ваше превосходительство!» Для легкости обученія такъ заставляли ефрейтора заучать новобранцевъ мудреное прозвище генерала, чтобъ удержать его въ солдатской памяти. «Самъ ты чортъ»,--отвѣтилъ комендантъ и молча покончилъ смотръ.

Весь настоящій потѣшный дворецъ, то-есть бывшій домъ бояръ Милославскихъ, родителей первой супруги царя Алексѣя Михайловича, былъ занятъ комендантомъ и его канцеляріей. Въ нижнемъ этажѣ была квартира аудитора. Антресоли занимало комендантское управленіе. Третій, а также четвертый этажи предназначались для квартиры коменданта.

Кизмеръ занималъ только третій этажъ, въ которомъ было около 15 комнатъ, четвертый же этажъ стоялъ пустымъ со смерти коменданта генерала Сталя, у котораго была большая семья, едва умѣщавшаяся въ двухъ этажахъ. Познакомился я съ Кизмеромъ еще въ Севастополѣ, когда, по должности ординарца адмирала Истомина, сдавалъ ему знамена на храненіе отъ войскъ, помѣщавшихся въ передовыхъ траншеяхъ крѣпости, но коротко сошелся съ нимъ по возвращеніи моемъ изъ Севастополя. Его родственница, вышла замужъ за моего родственника, Прокоповича-Антонскаго, и потому въ Москвѣ я былъ принятъ имъ какъ свой человѣкъ. Комендантъ предложилъ мнѣ поступить къ нему

адъютантомъ. Пока шла переписка, я находился больше при многочисленной фалангѣ его родственницъ, остановившихся у него по случаю пріѣзда на коронацію Императора Александра II, и обязанъ былъ сопровождать ихъ на всѣ торжества коронаціи. Вторымъ комендантомъ Москвы былъ въ это время баронъ Саморуго, попавшій въ комендантское управленіе изъ карабинернаго полка въ Москвѣ, расположеннаго въ то время въ Крутицкихъ и Красныхъ казармахъ. Во время коронаціонныхъ торжествъ 1856 года, когда представляли Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ второго коменданта, то фамилія его такъ поразила Императрицу, что она тутъ же спросила его какой онъ національности по происхожденію. «Я итальянецъ», отвѣтилъ баронъ Саморуго.

Ежедневно, къ 11 часамъ утра, Кизмеръ въ коляскѣ отправлялся въ генералъ-губернаторскій домъ съ рапортомъ, откуда возвращался въ первомъ часу и совершалъ обычную свою прогулку по Александровскому саду, затѣмъ возвращался домой для обычныхъ занятій и офиціальныхъ выѣздовъ. Обѣдалъ комендантъ ровно въ 4 часа. Кромѣ родственниковъ его изъ семейства Костіевскихъ и меня, его адъютанта, къ обѣду къ нему никто не приглашался. Послѣ обѣда—часовой сонъ въ креслѣ, а въ 7 часовъ—поѣздка куда-нибудь на музыкальный или карточный вечеръ. Въ театръ комендантъ ѣздилъ не часто, хотя имѣлъ въ обоихъ театрахъ въ первомъ ряду даровыя кресла.

Поступилъ я адъютантомъ къ Кизмеру послѣ службы моей на Кавказѣ и на Малаховомъ курганѣ въ Севастополѣ, гдѣ требовалось дѣло, а не китайскія церемоніи и потому я плохо или, вѣрнѣе сказать, почти вовсе не зналъ гарнизонной службы. Въ первый разъ когда мнѣ пришлось ѣхать съ комендантомъ въ его коляскѣ, я, разговаривая съ нимъ, машинально приложилъ руку къ козырьку каски, увидавъ вытянувшагося въ струнку и остановившагося передъ нами солдата. «Что вы дѣлаете!» вдругъ услышалъ я окрикъ моего генерала. Не понявъ причины его возгласа, я въ недоумѣніи, прервавъ мою рѣчь, обратилъ взоръ мой на взволнованное лицо генерала, недоумѣ-

вая, чѣмъ бы могъ я провиниться въ почтительной рѣчи, обращенной мною къ моему принципалу.

«При старшихъ младшій не можетъ отвѣчать на поклонъ», объявилъ мнѣ мой начальникъ. Многолѣтняя гарнизонная служба генерала, выработала въ немъ службиста старыхъ временъ, не мирившагося даже съ гуманною вѣжливостью къ подчиненному, несмотря на безконечную его доброту.

Когда у него вечеромъ не было никого постороннихъ и онъ не ѣхалъ въ гости, я и старая знакомая его, генеральша Костіевская, съ присоединеніемъ четвертаго лица, составляли его партію въ ералашъ. Игра была копеечная, но генералъ горячился за своею партіей, особенно когда ему приходилось быть партнеромъ г-жи Костіевской, изъ-за чего происходили комическія сцены, при которыхъ нужно было имѣть много силы воли, чтобы не разсмѣяться въ лицо начальству.

Генералъ Кизмеръ вышелъ въ отставку (это былъ первый примѣръ въ Москвѣ, когда комендантъ не окончилъ своей жизни на служебномъ посту), защищая своего подчиненнаго. Стоялъ при немъ по письменной части плацъ-адъютантъ, полковникъ Лынскій. Лынскій арестовалъ въ купеческомъ собраніи графа Г. за ношеніе военной формы, въ бытность графа уже въ отставкѣ. Во время пути отъ купеческаго собранія въ комендантское управленіе графъ упросилъ Лынскаго заѣхать въ ресторанъ поужинать, на что Лынскій изъявилъ согласіе. По окончаніи веселаго ужина Лынскій самовольно отпустилъ графа Г. домой. Кто-то донесъ генералъ-губернатору Тучкову объ этомъ, и когда Кизмеръ явился на другой день съ рапортомъ, то получилъ сильный нагоняй отъ Тучкова. Защищая Лынскаго, онъ возразилъ Тучкову, что онъ получилъ не вѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ онъ знаетъ хорошо своего адъютанта, не способнаго на такой поступокъ. Результатъ ихъ объясненій былъ тотъ, что Кизмеръ, обидѣвшись, подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ награжденіемъ чиномъ генерала отъ-кавалеріи. Оставивъ должность коменданта, онъ жилъ недолго и занималъ нѣсколько комнатъ

у бывшаго своего субалтернъ-офицера, тогда генералъ-лейтенанта Николая Александровича Бутурлина, домъ котораго былъ на Арбатѣ и въ послѣднее время принадлежалъ купцу Собашникову.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ похороненъ на лютеранскомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ.

На мѣсто Кизмера Московскимъ комендантомъ былъ назначенъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Корниловъ. Новаго коменданта я зналъ еще въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, когда я ходилъ изъ корпуса въ праздничные дни въ отпускъ къ родственнику его бывшему Тамбовскому губернатору, а потомъ сенатору Александру Алексѣевичу Корнилову, женатому на графинѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Толстой. Какъ теперь помню пріѣздъ Петра Петровича къ Александру Алексѣевичу въ первый день пасхи отъ заутрени зимняго дворца, тотчасъ по производствѣ его въ генералъ-маіоры, и разсказъ его о неудобствѣ лосинныхъ принадлежностей, которые присущи были въ то время генеральской формѣ. Петръ Петровичъ имѣлъ большую семью и большая квартира Московскаго коменданта была весьма ему кстати.

Послѣ кончины его осталась большая семья, заботы о которой принялъ на себя братъ его, членъ государственнаго совѣта Федоръ Петровичъ Корниловъ.

На мѣсто П. П. Корнилова назначенъ Московскимъ комендантомъ генералъ отъ инфантеріи Фридериксъ.

Въ январѣ 1857 года, возвратясь поздно съ какого-то бала, я нашелъ у себя приказъ Московскаго коменданта Кизмера присутствовать въ 10 часовъ слѣдующаго утра на похоронахъ отставного генеръ-маіора Кирилла Михайловича Нарышкина. Генералъ Нарышкинъ въ то время, хотя не состоялъ на дѣйствительной службѣ, но имѣя офицерскій Георгіевскій крестъ, по воинскому уставу имѣлъ право при погребеніи на воинскія почести. На слѣдующій день къ назначенному времени, я былъ уже въ домѣ Нарышкина, находящемся на Пречистенскомъ бульварѣ, между домомъ канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и церковнымъ домомъ Ржевской церкви, теперь

Рябушинскаго. Передъ домомъ вдоль бульвара расположился Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, расположенный въ то время въ Москвѣ для занятія карауловъ столицы. Семья Нарышкиныхъ происходя отъ общаго корня семьи Царицы Натальи Кирилловны, была уважаемая въ Москвѣ. Покойный генералъ имѣлъ трехъ сыновей.

Старшій—Михаилъ—флигель - адъютантъ Александра II, былъ женатъ на извѣстной красавицѣ, фрейлинѣ Великой Княгини Елены Павловны, Штрадманъ. Михаилъ Кирилловичъ былъ впослѣдствіи Казанскимъ Губернаторомъ, а сынъ его состоитъ въ настоящее время Совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ. Затѣмъ другой сынъ его Александръ воспитанникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ былъ женатъ на Нейдгардъ. Третій сынъ Николай — воспитанникъ Пажескаго корпуса, былъ женатъ на Софьѣ Дмитріевнѣ Селезневой, утонулъ въ мельничномъ прудѣ во время переѣзда его въ бродъ на взбѣсившейся лошади. Дочь генерала была замужемъ за полковникомъ Аверкіевымъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій графа Закревскаго.

Вся московская чиновная знать присутствовала при отпѣваніи, во главѣ съ Генералъ-Губернаторомъ. Послѣ отпѣванія гробъ повезли для погребенія въ Донской Монастырь: Литовскій полкъ послѣдовалъ за кортежемъ. Когда тѣло было предано землѣ и сдѣланъ установленный залпъ изъ оружія, то солдатамъ роздана была чарка водки, пироги и еще что-то. Офицеры были приглашены къ завтраку въ трапезную монастыря. Послѣ завтрака всѣмъ офицерамъ розданы были золотыя кольца съ вырѣзанною надписью имени, отчества и фамиліи покойнаго и дата дня его кончины. Это былъ единственный случай, при обрядѣ котораго мнѣ пришлось присутствовать. Говорятъ, что обычай этотъ соблюдался встарину многими богатыми магнатами, но теперь вышелъ изъ употребленія.

Домъ Нарышкиныхъ былъ проданъ наслѣдниками купцу Колесову за тридцать тысячъ рублей. Имъ проданъ купцу Некрасову за девяносто тысячъ, а теперь его купилъ

де-Біонкуръ, что-то, около 200 тысячъ. Такъ поднялась цѣнность домовъ въ Москвѣ.

Положеніе дома замѣчательно красиво на высокомъ берегу Пречистенскаго бульвара и ручья Чертолья. Въ двухъ шагахъ отъ Храма Христа Спасителя и его сада, парадными окнами домъ выходитъ на солнечную сторону. Встарину при Нарышкиныхъ парадная лѣстница вела съ подъѣзда двора, теперь же входъ устроенъ съ улицы.

Москва въ зиму 1856 — 1857 г. веселилась. Ежедневно были гдѣ-нибудь концертъ или танцовальный вечеръ. Крымская война обогатила многихъ; урожай былъ хорошій, цѣна на хлѣбъ возвышенная. Притомъ, при крѣпостномъ правѣ прислуга, лошади и провизія были свои. Вечеринки стоили весьма мало денегъ, да и угощеніе было проще настоящаго Между тѣмъ веселья было много. Много гвардейскихъ офицеровъ, имѣвшихъ родныхъ въ Москвѣ, взяли по окончаніи войны продолжительные отпуска и проживали въ Бѣлокаменной. Москва не могла пожаловаться на недостатокъ кавалеровъ. Были дома, гдѣ были назначены еженедѣльные танцовальные вечера.

Приливъ денегъ въ помѣщичьи руки, возвращеніе молодежи изъ арміи, расположеніе части гвардейскаго корпуса для караульной службы въ Москвѣ,—все это способствовало увеличенію здѣсь количества вечеровъ и баловъ. Въ зиму 1856—1857 и въ слѣдующую 1857—1858 года количество танцовальныхъ вечеровъ было такъ велико, что молодежь веселилась чуть не ежедневно. Кавалерамъ приходилось, начавъ свой вечеръ гдѣ-нибудь на Покровкѣ, вслѣдствіе массы приглашеній кончить его на Арбатѣ или Пречистенкѣ. Эти вечера устраивались совершенно патріархально. Съѣзжались обыкновенно между 9 и 10 часами вечера. Никакихъ буфетовъ не устраивалось. Въ началѣ вечера разносили только чай съ печеньями, затѣмъ конфеты, фрукты, мороженое и прохладительные—оршадъ и лимонадъ. Болѣе до ужина ничего не подавалось. Ужинъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ—рыбы, мяса и пирожнаго. Послѣ жаркого подавали по бокалу шампанскаго, и гости, потанцовавъ немного послѣ ужина, разъѣзжались.

Не то теперь! Прежній танцовальный вечеръ на 70 или 100 человѣкъ обходился отъ 150 до 200 рублей. Теперь нельзя обернуться 3000 и 5000 руб. Во-первыхъ, заведено устраивать непремѣнно буфетъ съ глыбами льда и замороженнымъ шампанскимъ, которое и молодежъ и старики истребляютъ съ начала до конца вечера. При котильонѣ необходимы игрушечныя побрякушки и декадентскіе ордена, на которые выходитъ масса денегъ. За ужиномъ принято устилать скатерть живыми цвѣтами, за недостаткомъ и дороговизною которыхъ въ Москвѣ выписываютъ ихъ изъ Ниццы. Всѣ эти накладные безполезные расходы дѣлаютъ то, что количество такихъ вечеровъ въ нашемъ обществѣ сильно сократилось. Только биржевики, бумагопрядильщики и сахарозаводчики могутъ теперь удивлять публику своими безумными тратами. Въ старину, когда шампанское продавалось 3 рубля бутылка, его подавали только за ужиномъ, а теперь, когда цѣна его болѣе чѣмъ удвоилась, его пьютъ не переставая въ теченіе всей ночи, какъ будто для этого и пріѣхали на вечеръ. Всѣ жалуются на скуку, но виноваты въ ней сами, примѣшивая къ увеселеніямъ такую большую долю тщеславія. Изъ тщеславія выписываются хоры музыки за 600 верстъ и платятъ вмѣсто 300 рублей 1500 р., только чтобы сказали, что за нее заплачена такая сумма. Изъ тщеславія заказываютъ ужинъ въ «Эрмитажѣ», платя за него баснословныя цѣны. Между тѣмъ какъ въ доброе старое время ужины готовили свои повара изъ привезенной своей деревенской провизіи. Во время танцевъ прохлаждались водицами, и все это обходилось дешево и было веселѣе. Зато и вчера бывали почти ежедневно. Туалеты барышень были проще и почти всегда безъ кричащихъ нынѣшнихъ отдѣлокъ. Только маменьки, одѣтыя въ тяжелыя бархатныя и шелковыя платья, обвѣшивали себя всѣми имѣвшимися у нихъ драгоцѣнностями и чинно сидѣли у стѣнокъ зала, какъ бы показывая женихамъ будущее наслѣдство ихъ дочекъ. Но если платья маменекъ шились изъ дорогого и плотнаго матеріала, зато и носились Богъ знаетъ сколько, почти безъ всякихъ перемѣнъ. Патріархальность пропала теперь: всѣ старанія

Государыни Императрицы Александра Θеодоровна и Марія Александровна. Великія Княгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна на публичномъ маскарадѣ 9-го Сентября въ Кремлевскомъ дворцѣ, устроенномъ на 8000 человѣкъ.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

устремлены на выказываніе «капитала», а внѣ роскошныхъ праздниковъ хозяева домовъ ходятъ въ своихъ комнатахъ въ одиночествѣ, экономіей возмѣщая произведенныя траты.

Въ семействѣ князя Львова на Никитской танцовали по средамъ, у Рюминыхъ на Воздвиженкѣ по четвергамъ, у графа Закревскаго по пятницамъ, у князя Михаила Андреевича Оболенскаго по средамъ, у Николая Гавриловича Головина по понедѣльникамъ. Были вечера у Паниныхъ, Воейковыхъ, Оболонской, княгини Кудашевой и другихъ въ разные дни. Были балы у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ и одинъ весьма торжественный въ началѣ 1858 года. Главное, что общество было дружно и, пріѣзжая на балъ или вечеръ, вездѣ встрѣчали своихъ хорошихъ знакомыхъ и были какъ дома. Не надо было, танцуя съ какой нибудь барышней, выдумывать разговоры, у всѣхъ было много общихъ интересовъ, и всякій болѣе или менѣе зналъ, не только семью своей дамы, но и окружающихъ ее родныхъ до десятаго колѣна. Пріѣзжая въ театръ, онъ былъ окруженъ ложами, наполненнымя своими знакомыми, такъ что въ антрактахъ не могъ даже обойти всѣхъ. Не такъ, какъ теперь, когда бываешь радъ, если встрѣтишь одно и два знакомыхъ лица, а остальная публика выплыла съ Рогожской и Таганки, какъ тараканы изъ щелей.

Зима прошла весело и наконецъ наступилъ послѣдній зимній утренній балъ въ дворянскомъ собраніи въ субботу на масляницѣ въ февралѣ 1857 года. Балъ этотъ былъ пробный шаръ молодыхъ весталокъ. Всѣ барышни, предназначенныя къ выѣздамъ въ слѣдующую зиму, появлялись на этомъ балу. Свѣжая молодежь, не измученная еще безсонными бальными ночами, привлекала массу мужчинъ любоваться разцвѣтающею молодою жизнью. Балы эти посѣщались всѣмъ московскимъ обществомъ и были многолюдны. Я танцовалъ мазурку на этомъ балу съ Софіей Дмитріевной Селезневой, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Нарышкина, а по кончинѣ его за Хомякова. Балъ остался въ моей памяти еще тѣмъ, что едва не стоилъ мнѣ жизни. Выходя на подъѣздъ, я былъ остановленъ одной моей знакомой барышней, жаловавшейся, что она не можетъ до-

биться своей кареты. Я тотчасъ же отправился отыскивать ея экипажъ. Разгоряченный, въ холодныхъ мелкихъ галошахъ, я долго бродилъ по колѣно въ снѣгу. Въ то время снѣгъ съ улицъ почти не свозили. Была оттепель и мокрый снѣгъ забрался мнѣ въ галоши. Съ бала я долженъ былъ ѣхать на обѣдъ, гдѣ и сидѣлъ въ сырыхъ сапогахъ. Меня знобило, но я не обратилъ вниманія. Въ десятомъ часу пріѣхалъ я домой, чтобы переодѣться и ѣхать на танцовальный вечеръ. Но далѣе дома не поѣхалъ: головная боль, свинцомъ налитая голова и сильный жаръ въ ногахъ заставили меня слечь въ постель. На утро я никого не узнавалъ. У меня открылся тифъ, продержавшій меня въ постели до Святой недѣли. Только теплая погода выгнала меня на чистый воздухъ изъ душной квартиры. Не могу тутъ не вспомнить доктора Минкевича, одного изъ ассистентовъ Иноземцева, лѣчившаго меня и ухаживающаго за мной, какъ за роднымъ. Тѣмъ болѣе, что въ то время я не имѣлъ большихъ средствъ и во время болѣзни ничего ему не платилъ, такъ что онъ не зналъ, чѣмъ будетъ вознагражденъ впослѣдствіи. Это была плеяда докторовъ, не похожихъ на нынѣшнихъ эскулаповъ, вывѣшивающихъ у себя въ передней жидовскую плату, требуемую ими впередъ гешефта.

Во време главенствованія графа Закревскаго Москва освѣщалась простыми масляными фонарями съ четырьмя крестообразно помѣщенными фитилями, издававшими болѣе копоти, чѣмъ свѣта. Освѣщеніе производилось отъ Московскаго брандъ-маіора, пожарными служителями, часто не зажигавшими нѣкоторые фонари, чтобы остатки конопляного масла съѣдать съ гречневой кашей. Къ утру большинство фонарей едва мигало отъ недостатка масла. Графъ Закревскій часто посылалъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ провѣрять въ дальнихъ улицахъ и переулкахъ, сколько было незажженныхъ фонарей и на утро пенялъ о томъ Берингу. А все таки жилось въ Москвѣ отраднѣй теперешняго вѣка электричества. На душѣ было отраднѣй и свѣжей и люди были душевны и неэгоистичны. Когда завелись въ Москвѣ первые спиртовые фонари, то желая сохранить спиртъ въ лампахъ для горѣнія, а не для желуд-

ковъ пожарныхъ, къ нему примѣшивали какую-то зловонную жидкость, по теперешнему денатурализировали. Оберъ-Полиціймейстеръ Берингъ, желая испытать, могутъ ли пить эту смѣсь пожарные служителя, велѣлъ позвать одного изъ нихъ и, подавая ему рюмку, спросилъ: можетъ ли онъ выпить эту смѣсь? Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ пожарный и тотчас же опрокинулъ рюмку въ ротъ.—«Ну, что каково? спросилъ Берингъ. Ничего, Ваше Превосходительство, крѣпконько, а пить можно, отвѣтилъ служака.

Вообразите себѣ изумленіе начальства.

Весна опять оживила меня и я скоро поправился. Ежедневныя поѣздки въ Петровскій паркъ, куда выѣзжало кататься все Московское фешенебельное общество, беззаботная жизнь, скоро возстановили мое здоровье. Въ іюнѣ Москва опустѣла: дѣдъ, въ домѣ котораго я жилъ, уѣхалъ заграницу лѣчиться въ Киссингенъ съ тѣмъ, чтобы провесть зиму въ Ниццѣ, и я остался жить одинъ въ большомъ домѣ на Поварской. Въ концѣ іюля я уѣхалъ изъ Москвы въ дереню къ роднымъ въ 28 дневный отпускъ.

Несмотря на усиленную охрану въ Московскомъ Кремлѣ и часовые караулы у всѣхъ выѣздныхъ воротъ Московской крѣпости въ зиму 1857 года случилось тутъ загадочное происшествіе. Украли одну изъ пушекъ, оставленныхъ намъ французскими войсками въ 1812 году, расположенныхъ на постаментѣ кремлевскаго арсенала.

Когда утромъ, при смѣнѣ караула, была обнаружена пропажа, то страхъ и тревога обуяла всѣхъ прикосновенныхъ къ надзору лицъ. Графъ Закревскій немедленно поднялъ на ноги весь составъ наружной и сыскной полиціи и пушка вскорѣ была найдена на Грачевкѣ въ подвалѣ мелочной лавочки, куда похитители успѣли ее сбыть. На ней виднѣлись ясные слѣды удара топора, которымъ старались её разсѣчь, чтобы впослѣдствіи расплавить куски.

Найденный виновникъ разсказалъ и способъ похищенія. Мѣдная пушка небольшого размѣра была свалена съ піедестала на салазки и прикрыта рогожами, чего зазѣвавшійся часовой не замѣтилъ. Когда салазки везли въ Тро-

ицкія ворота, то на вопросъ часовыхъ, «что везете», воры отвѣтили «свиную тушу», чѣмъ и удовлетворились стражи.

Пушка была водворена на прежнее свое жительство, гдѣ и пребываетъ доднесь.

ГЛАВА III.

Отъѣздъ дѣда за границу.—Жизнь въ Москвѣ. В. П. Крекшина.—Свиданіе Наполеона съ Государемъ въ Штутгардѣ. — Слухи о негласномъ комитетѣ, устроенномъ въ Петербургѣ.—Чернышевъ.—Анненковы.—Свадьба Логоновской.—Комиссія постройки Храма Христа Спасителя.

Когда дѣдъ весною 1857 года уѣхалъ за границу, то я остался въ домѣ нашемъ на Поварской въ одиночествѣ, ведя обычную жизнь тогдашней молодежи. Въ Москвѣ дѣдъ жилъ открыто, баловъ не давалъ, но зато у него были безпрестанные званые обѣды съ сенаторами. Постоянные посѣтители его были сенаторъ Мясоѣдовъ, Ахлестышевъ, Чертовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Лисовскій, Яхонтовъ, Толмачевъ, Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Н. А. Щербатовъ, Чегодаевъ, комендантъ генералъ-лейтенантъ Кизмеръ, губернаторъ и другіе высокопоставленные лица. Все это были, въ большинствѣ случаевъ, люди, принесшіе заслуги отечеству на военномъ поприщѣ въ 1812, 49 и 55 годахъ. Не думаю, чтобы они были сильны въ знаніи юриспруденціи. Часто они подсмѣивались, послѣ сытнаго обѣда, другъ надъ другомъ и разсказывали про себя разные анекдоты изъ своей юридической практики.

Рядомъ съ домомъ дѣда былъ домъ вдовы генералъ-маіора Варвары Петровны Крекшиной, по первому мужу Пуколовой, рожденной Мордвиновой. Мать этой Крекшиной была простая калмычка Оренбургскихъ степей. Впослѣдствіи Мордвиновъ, женившись на ней, узаконилъ дочь и выдалъ ее замужъ за Пуколова, правителя дѣлъ Святѣйшаго Синода и любимца всемогущаго въ то время Графа Аракчеева, который оформилъ все для своей будущей жены. Варвара Петровна Крекшина (тогда еще Пуколова) играла большую роль въ Царствованіи Императора Александра I,

по близкимъ отношеніямъ своимъ съ знаменитымъ въ то время Аракчеевымъ. Я помню одинъ ея разсказъ. По окончаніи каждаго смотра или развода Аракчеевъ заѣзжалъ къ ней. Какъ балованная барыня, она лежала до 12 часовъ въ постели. Генералы, пріѣзжавшіе къ ней ждали ея выхода въ пріемной залѣ, а главное имъ хотѣлось показаться Аракчееву, когда онъ проходилъ въ будуаръ къ своей красавицѣ и уходилъ обратно отъ нея. Въ одинъ изъ дней посѣщенія ея Аракчеевымъ, она заспорила въ чемъ-то съ нимъ и держала пари à discrétion. Аракчеевъ проигралъ. Что же сдѣлала проказница. Она потребовала, чтобы Аракчеевъ вывезъ ее въ одной батистовой рубашкѣ на своихъ плечахъ въ залу собравшемуся генералитету, и верхомъ на плечахъ всесильнаго временщика объѣхала въ такомъ видѣ залъ. Аракчеевъ былъ такъ ею очарованъ, что исполнялъ ея прихоти. Мужъ ея Пуколовъ, бывъ правителемъ дѣлъ у Аракчеева, не мѣшалъ своей женѣ и тѣмъ устраивалъ свою карьеру. Но своенравная красавица влюбилась въ молодого гусара Крекшина, и хотя онъ посѣщалъ ее весьма скрытно, но Аракчеевъ узналъ про ихъ свиданія. Говорятъ даже, что онъ былъ предупрежденъ покойнымъ Государемъ Александромъ I. Пуколова жила на дачѣ. Ночью дача была окружена многочисленными секретами. Когда Крекшинъ шелъ къ ней ночной порой, то былъ схваченъ караульными и отведенъ на гаутвахту. На утро Крекшина везли уже на курьерской тройкѣ съ жандармомъ, какъ переведеннаго въ армейскій полкъ. Пуколова въ тотъ же день поскакала въ мѣсто ссылки Крекшина къ нему и впослѣдствіи по смерти перваго мужа вышла за него замужъ. Я засталъ Крекшину почту восьмидесятилѣтнею старухою, но еще бодрой и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, который она поддерживала, обтираясь ежедневно квасцовой водой съ какой-то примѣсью, рецептъ которой она вывезла изъ Парижа отъ всесвѣтной красавицы M-elle Mars. Она въ то время, не видѣлась съ своими дѣтьми и внуками. Жизнь вела оригинальную. Madame le Normand предсказала ей, что она умретъ ночью въ постели. И вотъ Крекшина, желая по возможности отсрочить часъ своей

смерти, устроила оригинальный режимъ. Ложилась въ постель, когда вставало солнце, а поднималась съ нея, когда солнце садилось. Всю ночь играла въ карты въ старинный преферансъ,—другихъ игръ не признавала. Когда ей предлагали играть въ табельку, то всегда отвѣчала: — какая, батюшка, тамъ кобелька?—я кобелькой не занимаюсь. Ежедневно собирались къ ней партнеры и всѣ старались пріѣхать поранѣе, желая попасть за ея столъ; это былъ вѣрный выигрышъ. Барыня была весьма богатая, и нарочно проигрывала, ставя крупные ремизы, чтобы заинтересовать игроковъ и заставить ихъ играть до утра. Въ 8 часовъ подавали чай, въ первомъ часу ужинъ и потомъ подъ утро опять чай, послѣ котораго она ложилась спать, а оставшіеся гости разъѣзжались. Постояннымъ ея партнеромъ былъ секретарь Сената А. В. С.......ій; который рѣдкій вечеръ не бралъ съ нея пятидесяти или болѣе рублей. Онъ былъ очень внимателенъ къ старухѣ и забавлялъ ее разными штуками. Напримѣръ, изображалъ весьма похоже, какъ жужжитъ муха и при этомъ ловилъ ее. Жужжалъ у него и комаръ надъ ухомъ и прихлопывалъ онъ его довольно громко на своей головѣ. Когда не было за столомъ горячаго или интереснаго разговора, то старуха обращалась къ нему: Пожужжи Сима,—и Сима жужжалъ. Старуха хохотала и ставила ремизъ и Сима былъ въ восторгѣ. Остальные партнеры смѣнялись поочередно. Былъ у нее также интересный субъектъ—Бочичкаровъ, сынъ когда-то богатаго откупщика, но въ то время уже безъ всякихъ средствъ.. обязанность его была быть грѣлкой. Являлся онъ ежедневно толстый, рыхлый, облитый одеколономъ, въ вязаныхъ шерстяныхъ шарфахъ, точно замоскворѣцкая купчиха. Во время чая и ужина онъ сидѣлъ со всѣми гостями, но послѣ ужина долженъ былъ ложиться сверхъ одѣяла на постель Крекшиной и спать до того времени, когда она сама ложилась въ постель, тогда Бочичкаровъ будился и прогонялся, и старуха ложилась подъ одѣяло въ нагрѣтую Бочичкаровскимъ тѣломъ постель. Крекшина никогда не снимала съ себя атласной юбки, и въ ней спала. Говорили, что у ней въ юбкѣ зашиты билеты опекунскаго совѣта. Однимъ словомъ, эта была личность въ родѣ графини изъ Пиковой дамы.

Въ концѣ зимы Крекшина примирилась съ своими внучатами и у ней появились въ домѣ два внука Платонъ и Валеріанъ Платоновичи, а потомъ пріѣхала изъ за границы и внучка Зинаида Платоновна, воспитывавшаяся въ Sacré Coeur и домъ ея началъ принимать болѣе семейный характеръ. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей ея остались у меня въ памяти полковникъ Михаилъ Александровичъ Писаревъ, сынъ Варшавскаго Генералъ-Губернатора, родственникъ и чиновникъ особыхъ порученій графа Закревскаго, и адъютантъ графа капитанъ Дубельтъ; послѣдній жилъ у Крекшиной въ мезонинѣ, по дружбѣ Крекшиной къ дядѣ его знаменитому начальнику штаба корпуса жандармовъ генералу Дубельту. Писаревъ былъ женатъ на царевнѣ Грузинской и жилъ на Остоженкѣ въ собственномъ домѣ, гдѣ теперь высится домъ дѣтскихъ пріютовъ. Домъ этотъ былъ проданъ имъ за восемь тысячъ рублей, потому что не имѣлъ почти никакого фундамента и во многихъ частяхъ былъ выстроенъ изъ мелкаго лѣса, стояками; почему былъ ужасно холоденъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось, въ бытность мою членомъ совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, натолкнуться на такое дѣло. Извѣстный устроитель благотворительныхъ дѣлъ Сафоновъ представилъ домъ этотъ въ совѣтъ, какъ пожертвованіе одного лица за извѣстную награду. Домъ былъ оцѣненъ имъ въ тридцать семь тысячъ. Долгу Московскаго Кредитнаго Общества было на немъ 27 тысячъ, а остальныя 10 тысячъ онъ жертвовалъ. Когда я возсталъ противъ такой оцѣнки, какъ лично учавствовавшій въ продажѣ этого дома за восемь тысячъ, то отъ Сафонова и его сторонниковъ долженъ былъ выдержать цѣлую бурю. Домъ былъ пріобрѣтенъ Совѣтомъ по настоянію Сафонова. Но когда хотѣли его передѣлывать, то оказалось, моя правда, домъ не имѣлъ основанія и выстроили новый. Кромѣ пожертвованныхъ 10 тысячъ Совѣтъ остался долженъ Кредитному Обществу 27 тысячъ за одно пустое мѣсто въ концѣ Остоженки. Но нѣтъ худа безъ добра. Г. Сафоновъ имѣлъ въ новомъ домѣ великолѣпную квартиру въ двухъ этажахъ, въ третьемъ

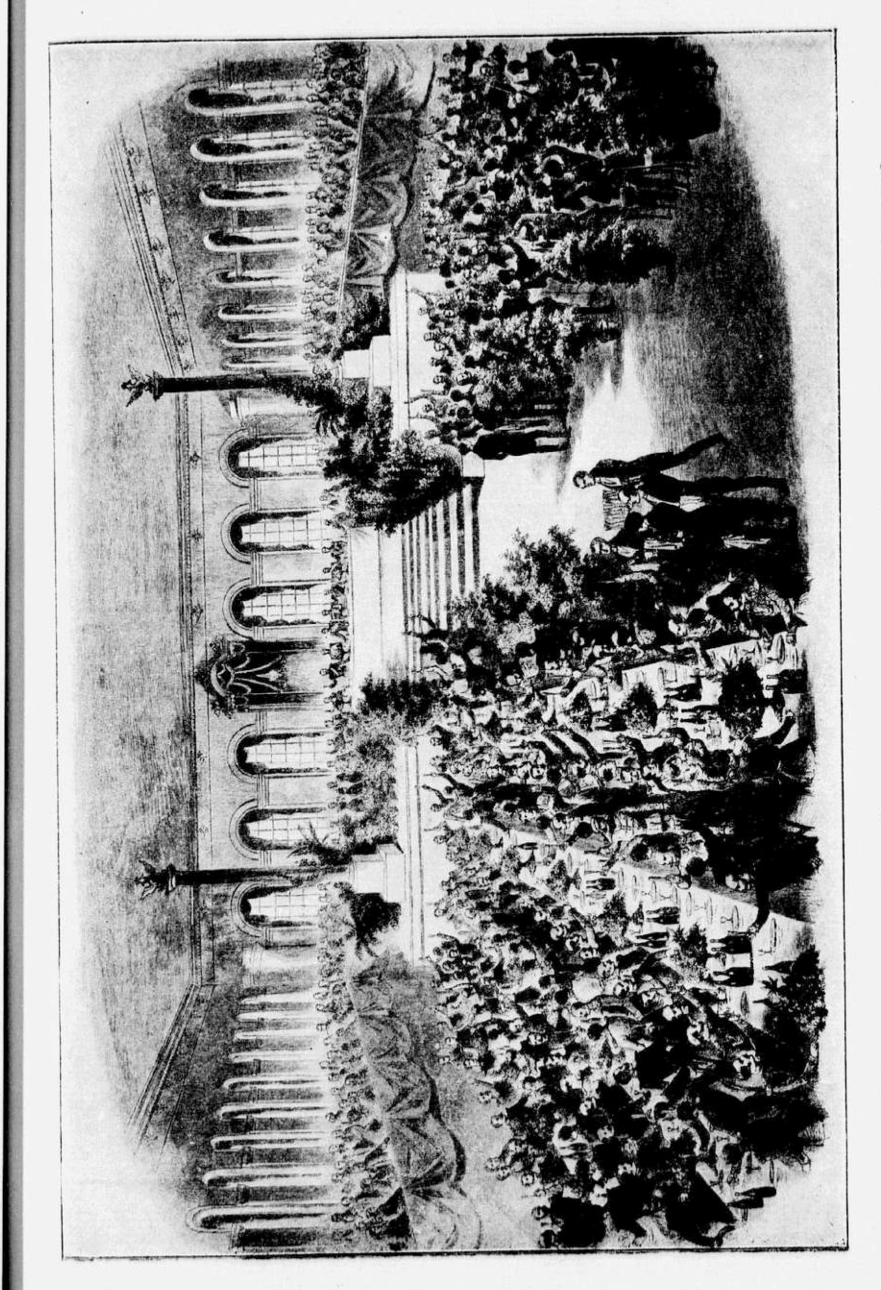
помѣщается пріютъ, а въ четвертыхъ мансардахъ спальня дѣтей пріюта.

Толки москвичей о слухахъ, пущенныхъ изъ Петербургскихъ сферъ о составѣ негласнаго комитета, изыскивающаго способъ улучшенія быта крѣпостного сословія, были разнорѣчивы. Составъ перваго Комитета имѣлъ консервативное большинство. Во главѣ его стоялъ князь Орловъ, членами были Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Гр. Ланской, Министръ Двора графъ Адлербергъ, Министръ Финансовъ Брокъ, Государственныхъ Имуществъ Муравьевъ, Путей Сообщенія Чевкинъ. Начальникъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи графъ Блудовъ, шефъ жандармовъ князь Долгорукій, Членъ Государственнаго Совѣта баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ Завѣдывающимъ дѣлами Комитета былъ Бутковъ. Всѣ надѣялись на старыхъ консерваторовъ, опасенія были только про Ланскаго и Ростовцева, которые по московскимъ слухамъ были ненавистниками дворянскаго сословія.

Все что дѣлалось въ Комитетѣ, хотя секретно, тотчасъ же передавалось графу Закревскому, отъ него зналъ мой дѣдъ, а частью и я.

Адресъ, который ожидали въ Петербургѣ отъ Московскаго дворянства не былъ поданъ потому, что сторонниковъ къ подачѣ его было весьма небольшое количество. Всѣ ждали новыхъ вѣстей изъ Петербурга. Говорили, что подобныя начинанія были въ царствованіе Императора Николая I въ юго-западномъ краѣ и въ балтійскихъ провинціяхъ при Александрѣ I, потому торопиться нечего, можетъ быть все ограничится одними разговорами.
Государь былъ въ Москвѣ проѣздомъ лѣтомъ 1857 года; я помню разводъ, который производилъ Государь на дворцовой площадкѣ въ Кремлѣ, гдѣ принималъ также конныхъ ординарцевъ отъ гусарскаго и уланскаго полковъ.

Въ сентябрѣ 1857 года въ Штутгардѣ стараніями короля Виртембергскаго устроено было свиданіе Императора Александра II съ Наполеономъ III. Свиданіе было давно подготовлено по желанію Наполеона III его уполномоченнымъ графомъ Морни.

Обѣдъ, предложенный отъ Московскаго купечества россійскому войску въ экзерциргаузѣ близъ Кремля 4 Сентября 1856 года.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Герцогъ Морни, сумѣвшій очаровать своею кажущеюся преданностью Государя Императора и увѣреніемъ любви своей къ Россіи и ко всему русскому, женившись на княжнѣ Трубецкой, считался истиннымъ другомъ Россіи. Разговоры о вліяніи его на русскую политику, повторялись всѣми, такъ что новый министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь Горчаковъ находился тоже подъ обаяніемъ чаръ герцога Морни.

12 сентября пріѣхалъ въ Штутгардъ Императоръ Александръ II, а 13 Наполеонъ III. Первое время все шло благопріятно и ожидали хорошихъ результатовъ отъ этой встрѣчи двухъ императоровъ, такъ что Валевскимъ и Горчаковымъ были заготовлены акты соглашенія о закрытіи Дарданелъ и устройства Дунайскихъ княжествъ. Но впослѣдніе часы пребыванія Государя, Наполеонъ, ободренный любезностью Александра II осмѣлился заговорить съ нимъ о Польшѣ. Разговоръ этотъ оскорбилъ Государя. Онъ тотчасъ прервалъ его, сказавъ, что никто болѣе его не желаетъ Польшѣ спокойствія и преуспѣнія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды. Едва Наполеонъ III вышелъ отъ Государя, то онъ обратясь, къ одному изъ лицъ свиты, сказалъ: «Со мною посмѣли заговорить о Польшѣ». Громко сказанныя слова скоро дошли до Москвы и возбудили въ гостиныхъ и клубахъ нескончаемые разговоры, весьма нелестные для Наполеона и французовъ. Много толковъ возбудилъ инцидентъ этотъ въ черноокнижной Англійскаго клуба, а оттуда по всѣмъ гостинымъ Москвы, начиная отъ кабинета графа Закревскаго до боковушки отставного ротмистра въ одномъ изъ переулковъ Старой Конюшенной. Достигшая въ Москву вѣсть объ адресѣ Виленскаго дворянства, подавшаго его вслѣдствіе старанія генералъ-губернатора Назимова, разразилось надъ Москвой подобно громовому удару.

Въ этомъ году двоюродный братъ графа Моркова устроилъ въ домѣ своей тетки графини Морковой залъ для домашнихъ любительскихъ спектаклей. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ самъ. Не признанный впослѣдствіи Гарикъ, завоевалъ сначала вниманіе общества. Въ то время,

для представленія драматическихъ спектаклей былъ только одинъ Малый Императорскій театръ, потому публика жадно накинулась на посѣщеніе Борисоглѣбскаго театра. Чернышовъ вообразилъ себя крупной величиною и выступилъ на подмосткахъ Императорскаго театра, гдѣ въ то время была образцовая труппа. Но Гарикъ Борисоглѣбскаго театра оказался пигмеемъ предъ трупой малаго театра и быстро скрылся въ провинціальную пучину. Устраивались театры у г-жи Кушниковой (рожденной Засѣцкой) въ Конюшкахъ въ домѣ Посникова, но тамъ никакихъ Гариковъ не появлялось, а труппа держалась только благодаря любезности хозяйки и миловидной прелести нѣкоторыхъ дѣвицъ; особенно выдающимися изъ нихъ были сестры Анненковы. Старшая Софья была замѣчательная пѣвица, голосъ ея былъ бы выдающимися и на большой сценѣ. Другая сестра Надежда, стройная, и красивая, играла большую роль въ свѣтѣ. Выйдя замужъ за Акифьева, она впослѣдствіи развелась съ нимъ и вторично вышла замужъ за Его Императорское Высочество Герцога Николая Лейхтенбергскаго, отъ котораго имѣла двухъ сыновей. Квартира Анненковыхъ въ Колошиномъ переулкѣ, въ домѣ Бове, была ежедневно посѣщаема, по утрамъ молодежью. Масса вздыхателей являлась на поклоненіе красотѣ. Старшая сестра ихъ (бывшая фрейлина Великой Княгини Александры Іосифовны) жила въ чужихъ краяхъ, пользуясь лѣченіемъ отъ болѣзни.

Въ 1857 году во время службы моей плацъ-адъютантомъ, я нечаянно попалъ на балъ-экспромтъ, который остался въ моей памяти. На этомъ балѣ присутствовали служащіе и строители Храма Христа Спасителя. Товарищъ мой плацъ-адъютантъ Лынской просилъ меня присутствовать на свадьбѣ его племяницы вдовы Логановской (рожденной Герке), выходящей за офицера Австрійскаго Гвардейскаго полка (фамилію не помню). Въ 1856—1857 году 3 гвардейская дивизія занимала караулы въ Москвѣ. У вдовы Логановской былъ домъ на углу Моховой улицы, противъ Румянцевскаго Музея, оставленный ей по завѣщанію покойнымъ мужемъ ея, извѣстнымъ скульпторомъ Логановскимъ, барельефы котораго украшаютъ въ настоящее время

наружныя стѣны Храма Спасителя. Домъ этотъ, выстроенный по предполагаемому прежде урегулированію улицы, теперь оказался выступившимъ страннымъ угломъ на Моховую, и составляетъ ея безобразіе. Молодые вскорѣ послѣ свадьбы уѣхали въ Петербургъ, продавъ домъ. Домъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, бывъ долгое время во владѣніи графа Толстого, потомъ другихъ лицъ, но остался при прежней своей неказистой физіономіи, такъ какъ при перестройкѣ его слѣдовало отрѣзать большую часть для расширенія улицы, на что не рѣшался ни одинъ владѣлецъ дома, по не сговорчивости нашихъ отцовъ города.

На этомъ балѣ я познакомился со всѣми дѣятелями постройки Храма. Отецъ Логановской г. Герке былъ экзекуторомъ комиссіи, строящей храмъ. Кромѣ Логановской другая дочь его была за архитекторомъ Каменскимъ и еще двѣ дочери тоже за лицами, соприкасающимися къ постройкамъ. Однимъ словомъ, это былъ pater familias всѣхъ служащихъ въ комиссіи. Вообще всѣ служащіе составляли дружную семью и всѣ дѣла обдѣлывались по семейному. Сора изъ избы не выносили. Правитель дѣлъ Жарковъ, бывшій крѣпостной князя Сергѣя Михайловича Голицына и его ставленникъ, подрядчикъ Оболонской и другіе жили дружно. Рука руку мыла. Всѣ по окончаніи работъ вышли изъ дѣла съ деньгами. Дружная семья составляла аккуратно журналы, а наши высшіе дѣятели, члены комиссіи подписывали аккуратно составленные журналы.

ГЛАВА IV.

Зима 1857—1858 года.—Домъ Раевскихъ.—Балъ у Храповицкихъ.—Проекты освобожденія крестьянъ.—Головины.—Оболенскіе.—Тиръ-Артари-Коломбъ.—Шевалье.

Въ сентябрѣ 1857 года начали сбираться въ Москву изъ своихъ имѣній московскіе обыватели. Это былъ первый съѣздъ послѣ разрѣшенія всѣмъ ѣздить за границу, не испрашивая дозволенія начальства. Всѣ сколько нибудь,

состоятельныя лица ринулись на воды: въ Германію и Швейцарію, а потомъ, конечно, въ Парижъ, широко открывшій свои объятія иностранцамъ, и болѣе къ ихъ карманамъ, набитымъ золотомъ и депозитками. Общество собиралось довольно медленно, не слышно было ни вечеровъ, ни баловъ. Кое-кто показывался въ театрахъ. Первый балъ былъ у Раевскихъ, на Большой Дмитровкѣ, 24 ноября въ Екатерининъ день, день ангела единственной его дочери, вышедшей потомъ замужъ за графа Ностица. Балъ имѣлъ свою оригинальность, чисто помѣщичью стараго закала. Несмотря на сборъ почти всего Московскаго высшаго общества, самъ хозяинъ мало старался занимать своихъ гостей. Это исполняла добрѣйшая и милѣйшая дочь его. Самъ же хозяинъ одѣлялъ конфетами и фруктами разныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, смотрѣвшихъ изъ дверей буфета и официантской, и иногда вылетавшими даже въ пріемную и залъ. Съ начала декабря начались снова балы во всѣхъ домахъ, гдѣ имѣли взрослыхъ дочерей. У князя Львова выѣзжали двѣ дочери; старшая въ концѣ зимы была объявлена невѣстой князя Долгорукова, а вторая впослѣдствіи вышла замужъ за князя Горчакова, а по кончинѣ мужа впослѣдствіи за В. А. Безобразова. У Рюминыхъ назначены были четверги съ неизмѣннымъ Алексѣемъ Николаевичемъ Тепловымъ, въ полковничьемъ кавалергардскомъ мундирѣ. Изъ двухъ незамужнихъ барышень, младшая вышла впослѣдствіи за сосѣда моего по Тамбовскому имѣнію Муханова, другая же сестра осталась въ дѣвицахъ.

Въ зиму 1857—1858 года былъ большой балъ у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Голохвастова (теперь Полякова). Онъ отличался особымъ многолюдствомъ. Танцовальная зала не была обширна, поэтому танцовали въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Было два дерижора. Домъ и рѣшетка дома, выходящая на Тверской бульваръ, были иллюминованы. Впослѣдствіи единственная дочь Храповицкаго вышла замужъ за князя Николая Николаевича Оболенскаго, скончавшагося командиромъ гвардейскаго корпуса. Кромѣ описаннаго семейства Храповицкихъ, въ Москвѣ издавна проживалъ другой Храповицкій, Иванъ

Семеновичъ, у котораго былъ домъ на Нижней Кисловской улицѣ (теперь пансіонъ Перепелкиной). Богатый баринъ. Дочь Ивана Семеновича Храповицкаго была замужемъ за извѣстнымъ адмираломъ Логиномъ Логиновичемъ графомъ Гейденомъ, скончавшимся на 96 году своей жизни. Сынъ Ивана Семеновича—Семенъ Ивановичъ, отставной кавалергардскій полковникъ женился уже по кончинѣ отца. Онъ имѣлъ сына и четырехъ дочерей. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ Московскимъ вице-губернаторомъ въ коронацію Императора Николая I, и всегда любилъ разсказывать, какъ онъ сталъ сукно къ ногамъ Государя во время совершенія чина коронаціи. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ большой хлѣбосолъ—любилъ угощать москвичей. Онъ былъ посаженымъ отцомъ жены моей во время нашей свадьбы и нѣсколько дней спустя совершенія бракосочетанія задалъ намъ обѣдъ, на которомъ присутствовала вся Москва.

Балы у князя Львова и у Рюминыхъ были еженедѣльно, у перваго каждую среду, а у вторыхъ каждый четвергъ, бывало неожиданно собиралось такое большое общество, что ставило въ затрудненіе хозяйскаго эконома. На этихъ балахъ блистали своей красотой московскія невѣсты. Кромѣ кн. Львовыхъ остались въ моей памяти княжны Щербатовы, старшая теперь графиня Уварова, вторая Левшина. двѣ графини Растопчины съ мамашей, всегда въ неизмѣнной прическѣ висячихъ буклей съ обѣихъ сторонъ лица; одна изъ молодыхъ графинь любила надѣвать на голову золотой обручъ; Пашковы, двѣ барыни Аладины, двѣ Стрекаловы, двѣ Тепловы, Викулина (мать которой была рожденная баронесса Дельвигъ), графиня Бобринская (рожденная Колпашникова) впослѣдствіи графиня Крейцъ. Двѣ Мендъ, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Олсуфьева, а потомъ за Кроткова. Изъ дамъ танцовали: Рахманова (рожденная Голохвастова), впослѣдствіи вышедшая замужъ за генерала Моллеръ — ея сестра Есипова; графиня Денгофъ—рожденная Хлюстина, мужъ которой, прусскій офицеръ, всюду являлся въ красномъ мундирѣ прусскаго гвардейскаго полка, что обращало вниманіе всѣхъ; Елисавета

Н. Ляссотовичъ, В. А. Бестужева, Голицына, Оболенская и сонмъ другихъ. Все это веселилось, не предчувствуя, что скоро наступитъ разгромъ дворянскому сословію.

У Николая Гавриловича Головина на Никитскомъ бульварѣ танцовали по понедѣльникамъ. Въ антрактахъ между танцами хозяйка читала стихи своего произведенія, а младшая дочь ея Ольга съ помощью матери и старшей сестры своей Людмилы, показывала фокусы, отгадывая, что вы думали или писали. Вообще это была какая-то восторженная семья. Головинъ впослѣдствіи былъ уѣзднымъ Московскимъ предводителемъ дворянства, тотчасъ по объявленіи эмансипаціи и считался самымъ ярымъ крѣпостникомъ.

Кромѣ дома Николая Гавриловича Головина была еще другая семья Головиныхъ, называемая въ обществѣ Покровскими Головиными или Головинъ Шишка. Вторые Головины имѣли домъ въ Успенскомъ переулкѣ близъ Покровки, а хозяинъ имѣлъ на лысой головѣ большую шишку, вѣнчавшую ее какъ рогъ изобилія. У Головиныхъ были двѣ дочери—Марія, вышедшая замужъ за Штакельберга и Нанси (Анастасія), оставшаяся дѣвой, и сынъ Евгеній, подъ названіемъ Pierre le Grand, хотя онъ былъ не великъ, но зато мечталъ о себѣ много. Покровскіе-Головины давали часто балы въ своемъ палаццо и считались богатыми людьми. Были у нихъ еще двоюродные братья, одинъ изъ которыхъ былъ впослѣдствіи женатъ на Кошелевой, извѣстной подъ названіемъ тѣнь Бены (Бена была ея сестра, славившаяся красотой). Былъ еще Головинъ совѣстный судья, женатый на дочери фабриканта серебряныхъ издѣлій Сазиковой, но послѣдній Головинъ изъ другой оперы и описываемымъ Головинымъ совсѣмъ не родня. Всѣ эти Головины разсѣялись какъ дымъ съ горизонта московской жизни.

Бывали еще балы у Анны Степановны Воейковой, но туда изъ дамскаго высшаго общества многія не ѣздили. Мужъ ея Петръ Степановичъ, по прозванію Стаканычъ съ начала вечера зазывалъ мужчинъ въ свой кабинетъ, гдѣ стаканы играли первенствующую роль.

Выѣзжали еще въ общество дочери князя Николая Александровича Щербатова, Московскаго уѣзднаго Предводителя Дворянства, а впослѣдствіи Московскаго Губернатора, но у нихъ большихъ сборищъ не бывало, говорили, по случаю нездоровья княгини. Старшая дочь Варвара впослѣдствіи вышла замужъ за графа Гудовичъ, а вторая Марія осталась дѣвицей, была еще третья, которая въ мое холостое время еще не выѣзжала.

Молодежи было много. Премьеромъ, или какъ называли его Gros Lot былъ Григорій Александровичъ Чертковъ, на свободу котораго была масса претендентокъ. Графъ Уваровъ, князь В. Г. Шаховской, женившійся на кн. Львовой, Щербатовы, В. А. Шереметевъ, Киселевы Николай и Павелъ теперь графъ, Самарины, Талызины, гр. Морковы, однимъ словомъ, полная плеяда. Дирижеромъ на балахъ былъ премьеръ дирижеръ Ипатъ Арсеньевичъ Бартеневъ, въ то время уже заслуженный ветеранъ дирижерства, его смѣнилъ Лопухинъ, а потомъ рыжій князь Ухтомскій. Ипатъ Бартеневъ удивлялъ всѣхъ своею изворотливостью, не имѣя никакого состоянія, онъ не только бывалъ вездѣ, но умудрялся участвовать во всѣхъ складчинахъ и пирушкахъ молодежи.

По средамъ бывали также танцовальные вечера у князя Михаила Андреевича Оболенскаго, управляющаго Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Семейство его заключалось изъ жены, дочери Анны Михайловны, вышедшей замужъ за князя Григорія Хилкова и сына Алексѣя, большого любителя собирать разныя коллекціи, что было ему доступно, благодаря большому состоянію его матери, не жалѣвшей для него денегъ. Отецъ, Михаилъ Андреевичъ, собиралъ историческіе портреты, которые дочь его Анна Михайловна Хилкова пожертвовала въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Я узналъ о томъ, обозрѣвая канцелярію Архива, гдѣ увидѣлъ на стѣнѣ потретъ князя Вяземскаго, Министра Екатерины II, копія съ работы Лампія, который я самъ подарилъ князю Михаилу Андреевичу. Сынъ его Алексѣй оставилъ коллекцію инструментовъ на полный струнный оркестръ, пожертвованный княгиней Хилковой въ

Московскую Консерваторію. Всякій день былъ балъ или концертъ, гдѣ участвовали дамы и мужчины изъ общества. Но на безпечное общество гроза надвигалась, раскаты ея слышались въ отдаленіи. Начали поговаривать о грядущей эмансипаціи. Проекты сыпались какъ градъ во время бури. Громилъ въ дворянской залѣ Безобразовъ, Голохвастовъ въ своей рѣчи назвалъ петербургскихъ чиновниковъ опричниками. Графъ Орловъ-Давыдовъ на выборахъ 1862 года высказывалъ мнимо сокровенныя мысли покойнаго Государя Александра II, но то были все слова и слова. Между многими проектами эмансипаціи крестьянъ остался одинъ, довольно оригинальный въ моей памяти. Не помню, кто предложилъ такую комбинацію. Противъ освобожденія крѣпостныхъ было мало протестантовъ, но дѣло шло о землѣ, которою хотѣли надѣлить крестьянъ. Купить ее было не на что. Правительство само было въ стѣсненномъ денежномъ положеніи, истративъ много денегъ на Крымскую войну. Займы были туги—за границей намъ плохо вѣрили. Вотъ что придумали. За отходившую отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ землю выдавать стоимость земли талонъ, приносящій 5%. Всякій, имѣющій талонъ правительства, могъ купить принадлежащую казнѣ землю съ аукціоннаго торга, заявивъ о томъ подлежащему начальству. Лицу, за которымъ осталась земля, вмѣнить въ обязанность уплатить стоимость земли, не иначе, какъ вышеозначенными талонами. Этимъ достигалась двоякая цѣль. Первая: помѣщикъ, уступая свою землю тотчасъ могъ замѣнить ее подобною же изъ числа казенныхъ земель, отъ чего оскудѣнія дворянскаго землевладѣнія не произошло бы и не было бы надобности, какъ теперь поддерживать благосостояніе помѣщиковъ. Второе: цѣнность талоновъ была бы номинальная, а можетъ быть даже и выше своей стоимости, такъ какъ никто не могъ бы купить землю иначе, какъ уплативъ за нее талонами. Когда же выпустили выкупныя свидѣтельства, то они первое время продавались по 70 копѣекъ за рубль. Помѣщикъ, теряя 20% на крестьянской приплатѣ оцѣнки, которую крестьне въ большинствѣ случаевъ не платили, теряя болѣе трети, на неравномѣрной оцѣнкѣ по

1-ый Московскій Комендантъ
И. И. Кизмеръ.
Съ фотографическаго портрета 1856 года.

уѣздамъ, гдѣ почва весьма разнообразна и, получая 70 копѣекъ за рубль по облигаціямъ, не выручалъ и половины стоимости своей земли, чрезъ что разорялся, не бывъ конечно подготовленъ къ новому хозяйству вольно-наемнаго труда. Потому жертвы помѣщиковъ, на которыхъ обрушилась эмансипація, были огромны, и многихъ свели въ преждевременную могилу.

Во время баловъ и вечеровъ въ кабинетахъ хозяина велись дебаты объ освобожденіи и выкупѣ. Лица, желавшія сдѣлать при этомъ карьеру, или ничего не имѣющія за душой и жившія жалованьемъ, требовали чуть не отобранія всего имущества отъ помѣщиковъ, говоря, что предки давно получили работой своихъ крѣпостныхъ стоимость земли. Крѣпостники съ пѣной у рта, называли это просто грабежомъ, страсти были сильно возбуждены. Слухи одни преувеличеннѣе другихъ ходили въ народѣ и обществѣ. Обѣ партіи другъ у друга выпытывали ихъ сокровенныя мысли. Мнѣ попался нечаянно проектъ, поданный къ графу Закревскому, для препровожденія выше, гдѣ предполагалось не только выкупить землю, но и уплатить за отходящихъ крестьянъ. Проектъ этотъ канулъ въ лету. Въ ожиданіи освобожденія балы и вечера сократились. Всѣ спѣшили продавать свои имѣнія во что бы то ни стало. Опекунскій Совѣтъ сначала сократилъ, а потомъ совсѣмъ прекратилъ выдачу подъ залогъ имѣній ссуды. Этимъ воспользовались разные дѣльцы и понакупили за ничто великолѣпныя имѣнія, которыя окупились одной выкупной ссудой. Хлѣбъ сильно поднялся въ цѣнѣ.

Сборищемъ Московской молодежи была гостиница Шевалье (въ Газетномъ переулкѣ) впослѣдствіи Шевріе. Особенно молодежъ собиралась туда ужинать по окончаніи театра, когда тамъ жилъ Гр. А. Чертковъ во время постройки своего дома на Мясницкой. Другое сборище молодежи были тиръ—Артари—Коломбъ, на Садовой у Красныхъ воротъ, куда послѣ двухъ часовъ собиралась молодежь практиковаться въ пистолетной стрѣльбѣ. Многіе доходили до виртуозности, сажая пулю въ пулю. Изъ хорошихъ стрѣлковъ я помню: Новосильцева, Николая и Павла Кисе-

левыхъ, П. Ф. Самарина, П. А. Талызина, графа Моркова. Тамъ проводила молодежь утро послѣ завтрака и потомъ разъѣзжалась дѣлать свѣтскіе визиты. Лѣтомъ до отъѣзда въ деревни молодежь собиралась въ купальнѣ Гока на Москвѣ-рѣкѣ.

ГЛАВА V.

Домъ Графа Закревскаго.—Послѣдній балъ въ собраніи въ присутствіи Графа Закревскаго. 1 мая при Гр. Закревскомъ.—Графъ Закревскій въ роли Судьи.—Славянофилы.—П. В. Хавскій и И. М. Снѣгиревъ.

По пятницамъ собирались у графини Закревской въ ея половинѣ. Большинство молодежи занимались разговорами или играли въ petits jeux, а графиня играла въ свое любимое лото. Графиня очень волновалась во время игры, хотя ставки были ничтожны. На ея кругломъ столѣ собиралась партія высокопоставленныхъ дамъ, спѣшившихъ занять мѣсто за ея столомъ. Какъ столъ этотъ измѣнился, когда графъ вышелъ въ отставку и поселился въ Леонтьевскомъ переулкѣ въ своемъ домѣ. Я посѣщалъ ихъ и тамъ по нѣсколько разъ въ недѣлю и видѣлъ воочію эту метаморфозу. Графъ послѣ легкаго ужина удалялся въ свой кабинетъ, и тогда шумъ въ гостиной усиливался за круглымъ столомъ, не сдерживаемый болѣе присутствіемъ графа Арсенія Андреевича. Несмотря на кажущуюся строгость какъ начальника, онъ былъ самый снисходительный мужъ и мужъ много страдавшій, благодаря своей семейной жизни. Въ нѣкоторыя пятницы, когда собиралось много молодежи, то танцовали. Много было разсказовъ про неправильныя дѣйствія графа Закревскаго. Можетъ быть и правда въ отношеніи формальностей, но не въ отношеніи логической правды. Графъ въ душѣ бы правдивый человѣкъ и терпѣть не могъ ростовщиковъ. Законъ не давалъ никакихъ правъ администраціи и суду дѣйствовать противъ нихъ и тутъ въ крайнихъ случаяхъ графъ употреблялъ данную ему свыше власть, не руководствоваться закономъ. Вотъ два факта мнѣ достовѣрно извѣстные, по которымъ можно судить о его правдивости.

Молодой купецъ, получивъ по смерти отца состояніе закутилъ съ пріятелями. Во время кутежа онъ увлекся одной авантюристкой. Особа эта такъ умѣла опьянить своими чарами уже сильно нагрѣтую голову винными парами своего поклонника, что черезъ нѣсколько дней у ней оказалось векселей на все состояніе купца. Когда винные пары немного испарились изъ отуманенной головы, то купчикъ увидѣлъ себя покинутымъ обольстительницей и всѣми своими пріятелями и съ массою векселей на шеѣ. Тогдашніе частные повѣренные объявили ему, что по закону ничего сдѣлать невозможно. По совѣту добрыхъ людей купчикъ рѣшился обратиться къ милости Закревскаго. Дѣло было лѣтомъ, графъ жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Ивановскомъ, въ двухъ верстахъ отъ г. Подольска. Купчикъ отправился туда, и раннимъ утромъ былъ уже на мѣстѣ. Прислуга объявила ему, что графъ принимаетъ въ 10 часовъ утра. Въ ожиданіи урочнаго часа, купецъ отправился въ паркъ и усѣлся тамъ на скамьѣ. Къ нему подошелъ неизвѣстный ему человѣкъ въ сюртукѣ и сѣлъ рядомъ, на ту же скамью. Разговоръ скоро завязался.—Вы зачѣмъ пріѣхали въ Ивановское? сказалъ незнакомецъ.—Просить графа Закревскаго о заступничествѣ, отвѣтилъ купчикъ. Что за дѣло у васъ? разскажите мнѣ. У меня есть знакомые между служащими при графѣ,—можетъ быть я помогу моимъ совѣтомъ. Купчикъ со слезами на глазахъ разсказалъ незнакомцу всю перипитію своего кутежа и увлеченія прелестной особой. Незнакомецъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. По окончаніи разсказа сказалъ: У меня есть знакомые между приближенными графа, я постараюсь черезъ нихъ довести происшедшее съ вами до его свѣдѣнія—только скажите мнѣ по совѣсти—правдиво ли вы разсказали мнѣ все дѣло. Графъ не любитъ неправды, и если обнаружится ложь въ вашемъ разсказѣ, то онъ взыщетъ съ васъ строго за клевету. Купчикъ увѣрилъ его со слезами на глазахъ, что все разсказанное имъ святая истина. Ступайте въ домъ, сказалъ незнакомецъ и ждите въ пріемной выхода графа.

Купчикъ тотчасъ отправился въ домъ и сталъ ожидать

выхода графа. Каково было его изумленіе—когда дверь въ пріемную отворилась и предъ нимъ предсталъ незнакомецъ въ генералъ-адъютантской формѣ, окруженный блестящимъ штабомъ.

Купецъ упалъ на колѣни и просилъ простить его за безцеремонное обращеніе съ графомъ въ саду. Графъ немедленно приказалъ ему встать и спросилъ его: Все ли, что ты мнѣ разсказывалъ, правда? Все истинно, отвѣтилъ купецъ. Ступай и жди до моего рѣшенія во флигелѣ. Тутъ же былъ отправленъ курьеръ въ Москву, чтобы къ утру была доставлена прелестница съ векселями.

На слѣдующее утро, въ обычный часъ, въ пріемной графа стояли купчикъ и прелестная особа. Графъ вышелъ въ обычный часъ.—Разскажи вкратцѣ, какъ было дѣло, сказалъ онъ купцу. Купецъ повторилъ разсказъ. Покажи векселя обратился онъ къ особѣ. Векселя были поданы. Графъ осмотрѣлъ ихъ внимательно.

Сколько выдали Вы денегъ, спросилъ онъ у дамы? Я получила ихъ за долголѣтнюю мою жизнь съ нимъ и за жертвы и здоровье, принесенныя мною ему.

Когда ты съ ней познакомился? спросилъ графъ купца. Двѣ недѣли, былъ отвѣтъ. Дама не возражала. Въ мигъ векселя были изорваны въ клочки и полетѣли на полъ. Ступайте вонъ и не попадайтесь мнѣ въ другой разъ. Вотъ истинный разсказъ; судите сами можно ли осуждать графа. Произволъ, конечно, есть. Лучше ли было бы, если бы купецъ былъ разоренъ и деньги, нажитыя его отцомъ и дѣдомъ перешли въ карманъ авантюристки. Нынѣшніе юристы конечно, скажутъ: да. Пусть гибнетъ человѣкъ за минутную слабость и за то, что не исполнилъ ихъ китайскихъ формальностей. Но, по моему, нѣтъ. Много зла приноситъ намъ китайщина юриспруденціи. Поменьше бы ее—было бы лучше.

Вотъ другой случай, въ которомъ я игралъ нѣкоторую роль. Въ Москвѣ жила богатая барыня, вдова бывшаго Варшавскаго генералъ-губернатора А. М. Писарева. Имѣя троихъ сыновей и двухъ дочерей. Несмотря на свое колоссальное состояніе, барыня постоянно нуждалась въ день-

гахъ. Всеобщій благодѣтель Христофоръ Дмитріевичъ С....въ былъ всегда къ ея услугамъ, ссужая ее деньгами по 18 процентовъ въ годъ. При перепискѣ векселей на слѣдующій годъ, онъ требовалъ кромѣ процентовъ, еще и подарки въ три тысячи. Что всегда и получалъ. Такимъ образомъ долгу накопилось около пятидесяти тысячъ, а проценты росли и росли. Чтобы покрыть долги А. М. Рѣшилась продать подмосковное имѣніе Люблино и домъ у Каменнаго моста. Съ С....вымъ было условлено, что онъ получитъ въ счетъ капитала тридцать тысячъ, проценты за годъ и въ три тысячи подарокъ, а остальные отсрочиваетъ на годъ. Домъ и имѣніе были запроданы И. Н. Воейкову. По просьбѣ графа Закревскаго въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе мой дѣдъ. Наканунѣ совершенія купчей въ Московской Гражданской Палатѣ, пріѣхала къ намъ А. М. совершенно разстроенная и сообщила, что сейчасъ былъ у ней С....въ и требуетъ отъ нея еще подарка въ три тысячи, въ противномъ случаѣ грозится остановить совершеніе купчей, представивъ ко взысканію всѣ находившіяся у него заемныя письма. Выслушавъ ея сообщеніе—дѣдъ отправилъ меня съ докладомъ къ графу, такъ какъ вечеромъ безъ особенной крайней надобности не выѣзжалъ. Послѣ подробнаго доклада моего графу, онъ потребовалъ дежурнаго адъютанта, которому приказалъ потребовать завтра утромъ Спиридонова къ себѣ. Мнѣ же приказалъ на слѣдующее утро отправиться въ Гражданскую Палату и дожидаться тамъ окончанія совершенія купчей и по окончаніи пріѣхать доложить ему. Конечно все было исполнено аккуратно.

На утро Спиридоновъ былъ въ пріемной графа, имѣя въ карманѣ заемныя письма Писаревой и написанное прошеніе о наложеніи запрещенія. Проходитъ часъ — графъ не выходитъ, идетъ докладъ, проходитъ два и три часа; Спиридонова не требуютъ къ графу. Тогда онъ обращается къ дежурному адъютанту съ просьбой доложить графу, что у него есть дѣло въ Палатѣ, и онъ проситъ его принять немедленно. Когда адъютантъ доложилъ графу просьбу С....ва, то получилъ отвѣтъ: пусть подождетъ, я занятъ. Между тѣмъ въ Палатѣ купчая совершалась весьма быстро и ког-

да была готова и вручена по принадлежности, то я отправился къ графу съ докладомъ. Въ пріемной засталъ нѣсколько лицъ, въ числѣ прочихъ и С....ва графъ меня тотчасъ принялъ въ кабинетъ. Ну, что, спросилъ графъ готово? Купчая вручена по принадлежности, отвѣтилъ я. Графъ тотчасъ же всталъ изъ за письменнаго стола и вышелъ въ пріемную. Обратясь къ С....ву сказалъ, я пригласилъ тебя спросить, не желаешь ли ты пожертвовать на отдѣлку домовъ въ Измайловской Военной богадѣльнѣ? С.......въ, низко кланяясь, началъ извиняться, что времена такія, денегъ никто не платитъ, и что онъ и такъ уже много пожертвовалъ. Ну какъ тебѣ угодно, сказалъ графъ и обратился къ другимъ просителямъ. Спиридоновъ тотчасъ же вышелъ и полетѣлъ въ Гражданскую Палату. Но тамъ сказали ему, что купчая совершена и потому они ничего не могутъ сдѣлать. На другой день я отвезъ ему тридцать тысячъ капитала, въ три тысячи подарокъ и проценты на оставшійся долгъ. Потери для него не было никакой. Вотъ какія дѣйствія осуждаютъ нынѣшніе либералы. Формочка не соблюдена.

Въ 1859 году, на послѣдній день масленицы, московская молодежь, посѣщавшая великосвѣтскіе вечера, устроила танцовальный день въ боковыхъ залахъ собранія, въ благодарность семьямъ, у которыхъ она бывала зимою. Провалившійся потолокъ большой залы угрожалъ паденіемъ, и залъ былъ закрытъ для публики. Танцовали въ Екатерининской и Гагаринской залахъ. Обѣдъ былъ сервированъ въ проходной къ буфету комнатѣ и сосѣдней. Приглашенныхъ было около двухсотъ человѣкъ. По окончаніи обѣда гости уѣзжали для перемѣны туалетовъ, но къ 9 часамъ балъ былъ снова въ полномъ разгарѣ. Устроителями веселаго дня были знаменитые дирижеры Ипатъ Арсеньевичъ Бартеньевъ и Лопухинъ, будущій предсѣдатель саратовской судебной палаты. Весь beau-monde того времени почтилъ балъ своимъ присутствіемъ.

На этомъ балу московскій генералъ-губернаторъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій присутствовалъ въ послѣдній разъ. Дочь его въ послѣдніе дни передъ масляницей вышла замужъ за князя Друцкаго-Соколинскаго и уѣхала съ нимъ за границу. Москва ничего не знала про совершившееся событіе. Изъ постоянныхъ пріѣздовъ состоявшаго при графѣ чиновника Троицкаго, устроителя этой свадьбы, къ покойному моему дѣду и недовольства семьи графа ихъ домашнимъ докторомъ Николаевымъ я догадывался, что творится что-то особенное съ графиней Лидией Арсеньевной, но подробности были такъ скрыты, что никто даже изъ приближенныхъ лицъ не зналъ истины. Графъ прибылъ на балъ съ супругой. Необыкновенное спокойствіе ни малѣйшимъ образомъ не выдавало тревожнаго состоянія его взволнованнаго сердца. По обыкновенію, графъ до самаго обѣда простоялъ подъ портретомъ императрицы Екатерины II, бесѣдуя поочередно съ подходившими къ нему лицами. Ни малѣйшаго признака волненія не было замѣтно въ немъ. Между тѣмъ дочь его въ то время уѣзжала за границу съ неправильно выданнымъ ей заграничнымъ паспортомъ, и ему грозило неудовольствіе Государя и, можетъ-быть, на закатѣ дней позорная отставка, въ награду за пятидесятилѣтнюю боевую и административную службу. Въ пять часовъ онъ уѣхалъ домой обѣдать, но вечеръ окончилъ съ нами. Впослѣдствіи, по увольненіи графа отъ должности генералъ-губернатора, мы узнили, что недовольство семьи докторомъ Николаевымъ было за отказъ его быть свидѣтелемъ на свадьбѣ Лидіи Арсеньевны. Свадьба скрывалась до Свѣтлаго праздника, и только наканунѣ перваго дня Пасхи графъ увѣдомилъ о ней Государя. Отставка съ сохраненіемъ только званія генералъ-адъютанта Императора Николая I была отвѣтомъ на письмо графа.

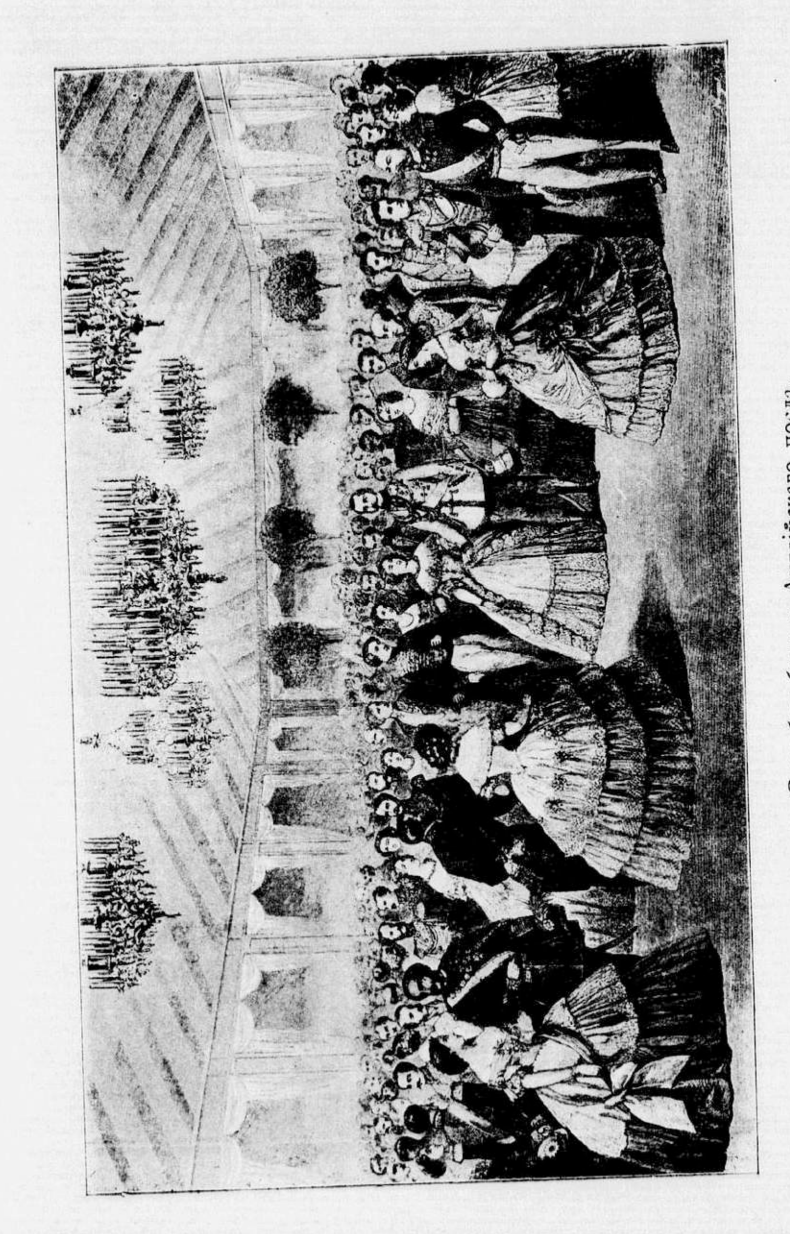
Я былъ у Графа на другой день по полученіи указа, нашелъ его очень разстроеннымъ и первыя слова имъ произнесенныя были: «Уволили, какъ будочника». Графъ вскорѣ переѣхалъ въ Газетный переулокъ, домъ Бутовскаго, теперь Князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римско-Корсакова, гдѣ теперь театръ Художественнаго Общества. Домъ Графа въ Леонтьевскомъ переулкѣ (теперь Сорокоумовскаго) былъ занятъ семействомъ Пашковыхъ, и только чрезъ полтора года Графъ могъ переѣхать на жительство въ свой домъ.

По выходѣ графа въ отставку только два раза видѣлъ я его на танцовальныхъ вечерахъ, и то у него въ домѣ. Въ первый разъ—когда онъ жилъ въ домѣ Римскаго-Корсакова, гдѣ теперь Художественный театръ а въ другой разъ—въ его собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, теперь домѣ Сорокоумовскаго.

Балъ молодежи удался вполнѣ. Многіе были заинтересованы появившеюся на балу только что объявленною невѣстой князя Сергѣя Петровича Волконскаго, Натальей Александровной Пфеллеръ, поразившей всѣхъ своею красотой и особенно граціозностью.

Традиціонный день 1 мая во время генералъ-губернаторства графа Закревскаго справлялся торжественно и весело московскими обитателями. Еще наканунѣ отправлялись въ Сокольничью рощу люди съ палатками и мебелью для устройства временнаго помѣщенія и пиршества во время гулянья.

Съ 4 часовъ пополудни тянулись по улицамъ модныя коляски и допотопныя колымаги, запряженныя парами и цугами съ форейторомъ. Тысячные рысаки чередовались съ деревенскими россинатами, давно позабывшими день своего появленія на свѣтъ Божій. Все это стремилось къ Сокольникамъ и къ 7 часамъ наполняло всѣ дороги рощи. Въ 8 часу съ блестящею свитой появлялся генералъ-губернаторъ верхомъ. Немного впереди ѣхалъ вѣчный полицеймейстеръ г. Москвы, Иванъ Ивановичъ Сычинскій, привезенный въ 1828 году знаменитымъ адмираломъ графомъ Гейденомъ послѣ Наваринской битвы изъ Греціи и помѣщенный имъ въ кадетскій корпусъ. За графомъ слѣдовалъ верхомъ оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, адъютанты и военные чиновники для порученій графа. Шествіе замыкалъ полицеймейстеръ подполковникъ Н. И. Огаревъ. Графъ объѣзжалъ все гулянье верхомъ и по наступленіи темноты возвращался домой. Покуда графъ оставался въ рощѣ, все было чинно и тихо, но съ его отъѣздомъ на полянкахъ, занятыхъ различными палатками съ продажею всевозможныхъ явствъ, а главное—питей, начинался разгулъ, далеко разносившійся по рощѣ. Тогда большинство экипажей разъѣзжалось или отправлялось во многочислен-

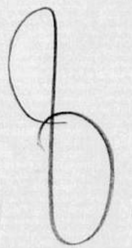
11 Сентября балъ у Англійскаго посла.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

ныя дачи, гдѣ въ этотъ день устраивались вечера и ужины. Въ этотъ день москвичи показывали другъ другу вновь прiобрѣтенные ими экипажи. Были такiе, что выписывали къ этому дню экипажи изъ Парижа и Вѣны. Я помню экипажъ à la Daumont, съ жокеями въ бѣлыхъ лосиныхъ штиблетахъ и рейтузахъ, привезенный тамбовскимъ помѣщикомъ Н. Н. Новиковымъ изъ Парижа. Простонародье съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣло на заморскую диковинку. Въ углубленiи рощи, на ея полянкахъ, установленныхъ столиками съ самоварами, веселился простой народъ. Между толпами простонародья сновали раечники, шарманки и акробаты, на постланныхъ коврикахъ, на землѣ, показывавшихъ свое незатѣйливое искусство. Дачные вечера продолжались до утренней зари, и возвращающiеся домой гости, при солнечномъ свѣтѣ, могли видѣть многочисленные группы сладко спавшихъ на зеленой муравѣ гулякъ. Снисходительная полицiя того времени снисходительно смотрѣла на невольную ночевку безъ прописки вида. Только утромъ тревожили ее лица, пострадавшiя во хмѣлю отъ дѣятельности артистовъ ночного дѣла. Трудно было разобраться въ этомъ хаосѣ при ограниченныхъ средствахъ полицейскаго персонала. Постепенный упадокъ помѣщичьяго хозяйства отразился на традицiонномъ гуляньѣ 1 мая. Гдѣ тысячи экипажей наполняли дороги Сокольничьей рощи, теперь едва можно увидѣть ихъ нѣсколько десятковъ. Умираетъ все, что жило полною жизнью въ былое время.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Москвѣ сосредоточивалась плеяда русскихъ литературныхъ силъ, такъ называемой славянофильской партiи, во главѣ которой стоялъ Хомяковъ, И. С. Аксаковъ съ двумя сыновьями, Погодинъ, Шевыревъ, библiографъ Соболевскiй, Самаринъ, князь В. Черкасскiй, Кетчеръ, М. С. Щепкинъ и Логиновъ. Къ этой плеядѣ прилипились двое богатыхъ коммерсантовъ В. А. Кокоревъ и К. Т. Солдатенковъ, которые своими денеждыми средствами способствовали распространенiю различныхъ знанiй.

На средства А. И. Кошелева издавался журналъ «Бесѣда» и начата была газета «Парусъ», прекратившая свое

существованіе на второмъ номерѣ за статьи Аксакова и Погодина. «Парусъ» былъ подцензурный. Пропустившій его печатаніе цензоръ фонъ-Крузе лишился за пропускъ статей мѣста. По поводу его удаленія ходило четверостишіе:

Пугая стаю ястребиную,
Съ стези цензурной онъ слетѣлъ,
Какую жъ пѣсню лебединую
Себѣ на парусѣ онъ спѣлъ?

Бесѣда тоже существовала недолго и прекратила свое существованіе по несочувствію къ ней публики. Говорили въ обществѣ, что бесѣду погубили «сухіе туманы», статьи, о которыхъ печаталось въ Бесѣдѣ.

Надо отдать справедливость, что славянофильскій кружокъ сильно ратовалъ за улучшеніе быта крѣпостного сословія, стараясь казаться его представителями и руководителями. Нерѣдко дѣйствія ихъ возбуждали злобу, а иногда улыбку. Я помню въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, во время представленія въ Маломъ театрѣ, въ ложу бенуара вошла семья, одѣтая въ коричневыя, особеннаго покроя поддевки, чѣмъ обратила на себя общее вниманіе. Всѣ бросились узнавать другъ отъ друга. Что это за иностранцы? Оказалось, что это была семья Хомяковыхъ и костюмъ ихъ долженъ былъ изображать древне-русскую одежду. Также неумѣстное подражаніе Американскому либерализму невольно вызывало улыбку на устахъ не экзальтированныхъ людей. Когда въ 1858 году были объявлены учрежденіе Комитетовъ для улучшенія быта крѣпостныхъ, то Московскіе либералы устроили обѣдъ въ купеческомъ клубѣ въ память начала новой эры въ Россіи. На этотъ обѣдъ собрались всѣ жаждующіе популярности.

Во время заздравныхъ тостовъ, зажигательныя рѣчи ораторовъ проповѣдывали полное равенство всѣхъ сословій, уничтоженіе привилегій, чиновъ, орденовъ и всякихъ отличій. Между застольными гостями присутствовало нѣсколько лицъ, украшенныхъ орденами и звѣздами. Такая рѣчь заставила сконфузиться обѣдающихъ звѣздоносцевъ, я видѣлъ, какъ одинъ откупной звѣздоносецъ быстро нагнулся подъ столъ, прикрылся скатертью и тамъ снялъ съ себя

звѣзду ордена. Много либеральныхъ ораторовъ было приглашено богатыми коммерсантами Кокоревымъ и Солдатенковымъ, которые и заплатили за ихъ обѣдъ условленную плату. Обѣдъ былъ по подпискѣ. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ извѣстный артистъ и сочинитель экспромтовъ актеръ Ленскій. Когда онъ по окончаніи обѣда пріѣхалъ въ клубъ, то на вопросъ присутствовавшихъ: Какъ прошелъ обѣдъ?» онъ отвѣтилъ четверостишіемъ:

Обѣдъ былъ безподобенъ
И было много тамъ ума,
И рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма.

т. е. Кузьма Терентьевичъ Содатенковъ, одинъ изъ учредителей обѣда.

Шевырева, удалившагося изъ Москвы послѣ столкновенія своего съ графомъ Бобринскимъ, я въ 1862 году встрѣтилъ въ Парижѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи изъ русской исторіи. Пріѣхавъ въ Парижъ въ мартѣ, я долженъ былъ на другой же день отвезти письмо къ одной русской и засталъ ее за сборами на лекцію Шевырева, я сопровождалъ ее туда. Шевыревъ читалъ извлеченіе изъ исторіи царствованія Царя Алексѣя Михайловича, а именно, составленный имъ Соколиный уставъ. Лекціи читались гдѣ-то на набережной р. Сены. Обширныя залы были полны какъ русской, такъ и иностранной публикой.

Изъ числа старыхъ литературно административныхъ лицъ весьма часто обѣдывали у насъ И. М. Снегиревъ и Петръ Васильевичъ Хавскій. Оба дѣятеля временъ Императора Александра I. П. В. Хавскій, бывшій сотрудникъ М. М. Сперанскаго, по редактированію свода законовъ Россійской Имперіи былъ тяжестью своихъ лѣтъ согбенный старикъ, хотя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ недавно только женившійся, кажется въ третій разъ. И. М. Снегиревъ съ ехидной усмѣшкой всегда въ томъ надъ нимъ подтрунивавшій. П. В. Хавскій, напротивъ всегда относившійся серьезно къ своей рѣчи и тутъ обстоятельно разсказывалъ случайное знакомство свое на улицѣ съ послѣдней своей супругой, когда ему пришлось помочь ей переправиться черезъ

грязь Московской улицы. П. В. былъ любитель церковной старины и издатель вѣчнаго календаря. Вообще обращенiе его съ изысканiями по русской старинѣ были серьезно и математически точны.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, при насмѣшливости и нѣкоторый юмористичности своего характера нерѣдко довольно не серьезно относился къ получаемымъ имъ историческимъ свѣдѣнiямъ и часто мѣшалъ историческiй фактъ съ анекдотомъ нерѣдко скабрезнаго пошиба.

Бывшiй профессоръ, цензоръ, историческiй изслѣдователь церковной и гражданской старины, послѣднiе годы своей жизни проводилъ печально. Нелады въ семейной жизни, а также недостатокъ денежныхъ средствъ вызывали постоянно жалобы его на судьбу. Средства его (по его личнымъ отзывамъ) были настолько ограничены, что онъ нерѣдко обращался къ знакомымъ съ займомъ мелочныхъ суммъ. Послѣднiе дни ихъ жизни я потерялъ ихъ изъ вида и кончина ихъ была во время пребыванiя моего въ чужихъ краяхъ.

ГЛАВА VI.

Созывъ экстреннаго собранiя Московскаго Дворянства.—Возвращенiе дѣда изъ-за границы.—Освященiе Исакiевскаго Собора.—Временный отпускъ, а впослѣдствiи моя отставка.—Поѣздка и жизнь въ деревнѣ.—Побоище студентовъ съ пожарными.—Отставка Беринга и назначенiе кн. Крапоткина.—Балъ въ купеческой семьѣ.

Въ январѣ 1858 года созвано было экстренное собранiе Московскаго дворянства, на которомъ послѣ многихъ дебатовъ постановлено было поднесть на Высочайшее имя адресъ дворянства, въ которомъ они просятъ учредить комитетъ, долженствующiй изыскать способы улучшить положенiе крѣпостного сословiя. Адресъ дворянства былъ не первый и второй, какъ ожидалъ Государь, а весьма запоздавшiй, что огорчило Его. Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1858 году Государь высказалъ это дворянству во время представленiя ихъ въ Кремлѣ. Много толковъ возбуждалось въ Московскомъ Обществѣ толкованiя слова усадьба. Что понимать

подъ этимъ словомъ? Мѣсто, занятое постройками дома, сараевъ, кладовыхъ и скотныхъ дворовъ или присоединить къ нимъ огороды, выгоны, коноплянники, гумна, сады и другiе прилегающiя угодья. Вообще шатанiе мыслей въ обществѣ было всеобщее. Многiе рѣшились продать имѣнiя во что бы то ни стало, боясь лишиться всего своего состоянiя и думая сохранить отъ продажѣ хоть что-нибудь.

Весной слѣдующаго 1858 года возвратился изъ-заграницы мой дѣдъ, я поѣхалъ встрѣчать его въ Петербургъ и попалъ на освященiе Исакiевскаго Собора. Вернувшись въ Москву я зажилъ семейною жизнью. Толки объ эмансипацiи заставили меня лѣтомъ взять отпускъ, а затѣмъ и совсѣмъ выйти въ оставку, чтобы заняться имѣнiемъ и подготовиться къ переходу на новое хозяйство. Кромѣ того болѣзнь дѣда, заставлявшая его большую часть года проводить за границей и невозможность ему самому заниматься хозяйствомъ въ нѣсколькихъ губернiяхъ, заставляли меня удѣлять свое время на поѣздки и ревизiи по его имѣнiямъ. Толки объ эмансипацiи крестьянъ росли и росли.

Комитеты въ губернскихъ городахъ работали надъ улучшенiемъ быта крѣпостныхъ. Всѣ дебаты ихъ сообщались въ Москву, гдѣ въ то время было по зимамъ сборище всего русскаго дворянства и гдѣ кипѣла ненависть противъ Петербургскаго чиновничества. Много было толковъ про дебаты Тульскаго дворянства и особенно про губернскаго предводителя Минина, а при предводителѣ Арсеньевѣ удаленiе изъ залы собранiя князя Владимiра Черкасскаго. Слухи изъ Петербурга были неутѣшительны для дворянства. Многiе начали продавать имѣнiя за безцѣнокъ, такъ что покупатели получили впослѣдствiи въ возвратъ всю уплаченную ими сумму изъ выкупныхъ и оставшаяся земля пришлась имъ даромъ. Конечно наживались разные Кулупаевы и Разуваевы и разные волостные писаря и кулаки. Несмотря на грядущую печальную будущность дворянства балы и вечера не уменьшались. Были переѣхавшiе богатые лица изъ Петербурга, открывшiе въ Москвѣ прiемные дни съ раутами и балами.

Въ эту зиму случилось побоище между студентами и пожарными служителями, гдѣ-то на Грачевкѣ. Студенты не

хотѣли пускать полицію въ занимаемый ими домъ. По распоряженію оберъ-полиціймейстера Тимашева-Берингъ, была вызвана пожарная команда, которая, выломавъ двери и окна по приставнымъ лѣстницамъ ворвалась въ квартиру и забрала студентовъ. Берингъ за побоище былъ уволенъ въ отставку и на мѣсто его назначили оберъ-полиціймейстромъ флигель-адъютанта князя Крапоткина. Новаго оберъ-полиціймейстера видѣлъ я ежедневно около часа дня. Я жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской, близъ церкви Симеона Столпника. Ежедневно около перваго часа дня я слышалъ стукъ его пролетки и топотъ скачущаго за нимъ верхового пожарнаго. Князь послѣ обычнаго доклада генералъ-губернатору, дѣлалъ визитъ извѣстной красавицѣ Софьѣ Петровнѣ Нарышкиной, жившей на Поварской въ домѣ Осовскаго, теперь домъ Самарина.

Въ губернскихъ городахъ были учреждены комитеты; члены комитета въ своихъ мнѣніяхъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Большинство принадлежало къ консервативной партіи, хотя были и комитеты и съ противоположнымъ направленіемъ.

Главный Петербургскій комитетъ, сначала состоявшій изъ консервативнаго элемента, день ото дня мѣнялъ свою окраску и къ концу, послѣ выхода изъ состава его князя Орлова, превратился въ ярко-либеральный. Перемѣнѣ этой много способствовала великая княгиня Елена Павловна и великій князь Константинъ Николаевичъ оба сильно протежировавшіе Николаю Александровичу Милютину, который, благодаря ихъ поддержкѣ сдѣлался руководителемъ дѣлъ комитета. Получивъ власть въ свои руки, онъ вызвалъ себѣ на помощь изъ Москвы Юрія Федоровича Самарина. Тогда комитетъ, учрежденный для свода постановленій губернскихъ комитетовъ, перестaлъ обращать на нихъ свое вниманіе и редактировалъ статьи самопроизвольно, руководствуясь только своими вкусами. Вызовъ депутатовъ изъ губерній въ Петербургъ былъ одною лишь проформою. Никто ихъ серьезно не слушалъ, и мнѣнія ихъ клались подъ сукно. Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, онъ выразилъ Московскому дворянству свое неудовольствіе по

случаю медленности работъ въ комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянскаго сословія, а главное на постановленіе комитета, что усадебной осѣдлостью предположено ими было считать только дворъ и постройки, на немъ возведенныя. Государь сказалъ «что онъ подъ именемъ усадебной осѣдлости считаетъ кромѣ двора, огороды, выгоны, сады и гумна».

ГЛАВА VIII.

1860 г.—Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ.—Московскіе пожары.—П. А. Тучковъ.—Балъ въ купеческой семьѣ.

Вмѣсто Графа Закревскаго временно занялъ мѣсто Московскаго Генералъ-Губернатора Графъ С. Г. Строгоновъ. Все затихло въ Москвѣ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ почти никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ. Москва скоро опустѣла, всѣ какъ-то рано разъѣхались по деревнямъ тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ начались сильные пожары, и, какъ говорили, отъ поджоговъ. Я тоже уѣхалъ въ Тамбовское имѣніе, гдѣ въ тиши пробылъ, занимаясь хозяйствомъ до поздней осени. Въ концѣ лѣта Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Все сразу измѣнилось, подулъ какой-то либерально чиновническій духъ. Аристократическій штабъ Закревскаго растаялъ. Тучковъ перевелъ съ собою своихъ ординарцевъ и адъютантивъ изъ корпусного штаба, которымъ онъ передъ тѣмъ командовалъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія Московское купеческое общество только что начинало стремиться войти въ общеніе съ образованнымъ Московскимъ дворянскимъ обществомъ. На купеческихъ балахъ по немногу начали появляться дворянская молодежь изъ общества. Дамское же общество рѣдко показывалось на купеческихъ вечерахъ.

Въ числѣ Московскихъ комерсантовъ былъ нѣкто Сорокинъ, балъ у котораго я хочу описать.

Сорокинъ былъ чистый русскій самородокъ, сперва мѣщанинъ безъ всякаго образованія, при ограниченныхъ средствахъ къ жизни, но съ русской смѣкалкой, впослѣдствіи достигъ своимъ умомъ видваго положенія въ средѣ Московскаго купечества; составилъ состояніе и, состоя подъ протекціей многихъ высокопоставленныхъ лицъ обѣихъ столицъ, со включеніемъ Графа Закревскаго въ то число, имѣлъ даже вѣсъ въ администраціи. Сорокинъ былъ контрагентомъ Баташевскимъ и Шипилевскихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ и составилъ себѣ этой агентурой большое состояніе, а благотворительною своею дѣятельностью получилъ почетное званіе и многіе ордена.

Имѣнія моихъ родныхъ въ Тамбовской губерніи граничили съ Баташевскими землями и заводами и нерѣдко при покупкѣ хлѣба для заводовъ мы заключили различныя сдѣлки съ Сорокинымъ. Кромѣ того Сорокинъ рылъ желѣзную руду въ имѣніи Графини Закревской, въ недальнемъ разстояніи отъ Саровской пустыни и доставлялъ ее на Илевскій, тогда Баташевскій заводъ. Вслѣдствіе дружескихъ отношеній между дѣдомъ моимъ П. П. Никифоровымъ и Графомъ Закревскимъ, нерѣдко Сорокинъ прибѣгалъ къ содѣйствію дѣда въ дѣлахъ своихъ съ Гр. Закревскимъ.

Вотъ результатъ нашего знакомства съ Сорокинымъ. Вертясь между образованнымъ обществомъ дѣловыхъ людей Петербурга и Москвы и заводской администроціи, Сорокинъ усвоилъ себѣ пользу образованія. Сыновья его кончили курсъ въ Московскомъ Университетѣ, а дочери воспитывались французскими и нѣмецкими преподавательницами. По этому можно поставить домъ его въ число образованныхъ купеческихъ семей. Въ то время я былъ только что испеченный молодой офицеръ и жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской улицѣ. Сорокина едва зналъ. Однажды, потребованный въ кабинетъ дѣда, я засталъ у него Сорокина. Высокій, юркій брюнетъ быстро поднялся съ кресла, при моемъ появленіи. Быстрыя черныя глазки безпокойно бѣгали во лбу его, не останавливаясь на предметахъ ни на секунду. Когда я молча поздоровался съ нимъ, то дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ; Сорокинъ желаетъ обра-

Иванъ Семеновичъ Храповицкій.
Бывшій Московскій Вице-Губернаторъ въ 1826 году.
Съ старинной литографіи, собранія С. П. Виноградова.

титься къ тебѣ за содѣйствіемъ въ одномъ дѣлѣ, надѣюсь, что ты постараешься исполнить его просьбу, къ которой присоединяюсь и я. На мой вопросъ Сорокину, чѣмъ могу я служить ему? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что выдаетъ замужъ свою дочь за Моршанскаго купца Котельникова, свадьба будетъ въ Тамбовской губерніи, но предварительный свадебный балъ будетъ въ Москвѣ, въ его домѣ, на набережной, близъ Каменнаго моста, потому онъ проситъ меня посѣтить его балъ и содѣйствовать его успѣху, привезя съ собою по возможности какъ можно больше танцующихъ кавалеровъ. Когда я по окончаніи разговора обѣщалъ ему исполнить по возможности его просьбу, то онъ, нагнувшись почти къ уху, шепнулъ мнѣ: «нельзя ли съ титульчиками.» Я насилу могъ скрыть невольно просившуюся на лицѣ моемъ улыбку...

Въ назначенный день я съ товарищемъ моимъ Графомъ Владиміромъ Морковымъ и двумя другими лицами, явились на балъ Москворецкой набережной. Довольно обширный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами былъ освѣщенъ люстрами и канделябрами. Хозяинъ представилъ насъ своему семейству и нѣсколькимъ болѣе почетнымъ гостямъ. Между присутствующимъ женскимъ персоналомъ не было у насъ ни одной знакомой личности, такъ что мы старались болѣе по возможности придерживаться семейства хозяина. Занимать разговоромъ нашихъ дамъ было затруднительно—ихъ интересы и наши были настолько противоположны, что точка соприкосновенія витала гдѣ-то въ далекомъ пространствѣ. Я былъ еще въ лучшемъ положеніи, какъ помѣщикъ одной губерніи съ хозяевами, потому зналъ нѣкоторыхъ лицъ по наслышкѣ, но товарищи мои должны были поэтизировать. Всѣ дѣвицы говорили по французски, притомъ довольно правильно; нельзя было того сказать про ихъ русскій говоръ—онъ пестрѣлъ простонародными выраженіями и неправильностью сложенія рѣчи, а главное отзвукомъ глухой деревни. Это можно наблюдать даже въ настоящее время въ семьяхъ вновь испеченныхъ милліонеровъ. Причину подобной русской рѣчи можно приписать первоначальному обученію деревенскихъ нянекъ, которымъ

ввѣряется первая забота о дѣтяхъ въ купеческихъ семьяхъ. Балъ былъ весьма приличенъ, хотя общество чувствовало себя стѣсненнымъ и несвободнымъ между лицами совсѣмъ между собою незнакомыми. По окончаніи танцевъ былъ ужинъ съ массою поздравительныхъ тостовъ и обиліемъ налитаго и пролитаго шампанскаго.

На другой день мы поѣхали къ Сорокину съ утреннимъ визитомъ и возбудили въ хозяевахъ замѣтное любопытство къ одной принадлежности нашего костюма. Балъ былъ лѣтомъ. Въ Парижѣ была мода въ лѣтнее время дѣлать утренніе визиты въ лаковыхъ башмакахъ, на верху которыхъ виднѣется шолковый чулокъ; въ такомъ костюмѣ поѣхали и мы. Хозяева косо смотрѣли на наше новшество, какъ будто бы подозрѣвая, что мы изъ неуваженія къ нимъ явились въ ночныхъ туфляхъ.

ГЛАВА IX.

1861 г.—Освобожденіе крестьянъ.—Поѣздка моя въ Тамбовскую губернію.—Смѣшной бунтъ. Прибытіе Государя въ Москву.—Покупка дачи Тучкову.—Битва подъ Дрезденомъ.—Балъ у П. А. Тучкова.—Пріѣздъ въ Москву.—Гр. Морковъ.—Гр. Закревскій.—Супруга Ген.-Губ. Тучкова.—Семья Челищевыхъ.—Хлюстины.

Въ понедѣльникъ первой недѣли, на папертяхъ церквей и полицейскихъ будкахъ появился прибитый манифестъ, уничтоженія крѣпостного права, и объявленіе новаго положенія о крестьянахъ. Первое время все было тихо, дворовымъ было объявлено, что они должны оставаться въ услуженіи еще два года.

На второй недѣлѣ я выѣхалъ изъ Москвы въ деревню, хотя многіе меня отъ этого отговаривали. Увѣряли, что въ провинціи начались безпорядки. Мирно доѣхалъ я въ Тамбовскую губернію. Все шло попрежнему. Всѣ были такъ ошеломлены неожиданнымъ, хотя и давно предполагаемымъ событіемъ, что первое время ходили какъ пришибленные. Но это была тишина передъ бурей. Весь постъ прошелъ благополучно и кромѣ нѣсколькихъ случаевъ опившихся мужиковъ на базарахъ, не было слышно никакихъ безпорядковъ. Работы шли обычнымъ порядкомъ.

Святая была поздняя. Въ концѣ Святой недѣли я поѣхалъ верхомъ въ лѣсъ другой нашей деревни, отстоявшей отъ господскаго дома въ 5 верстахъ. Проѣзжая въ трехъ верстахъ отъ дома я встрѣтилъ толпу разряженныхъ бабъ, бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ, шедшихъ въ усадьбу. Толпа очень мирно поздоровалась со мной и прошла мимо. Часа черезъ два, возвращаясь домой, я встрѣтилъ мирно возвращающихся женщинъ домой и первое, что мнѣ бросилось въ глаза при въѣздѣ въ усадьбу, это то, что весь обширный дворъ нашъ былъ усѣянъ связками льна и конопли. Зимой никакихъ женскихъ работъ въ имѣніи у насъ не производилось. Всякая тягловая баба осенью получала извѣстное количество трепанаго льна или кудели, въ продолженіе зимы должна была спрясть и выткать 15 аршинъ холста и весной сдать холстъ въ экономію. Какой-то грамотѣй вычиталъ въ положеніи, что никакихъ дополнительныхъ работъ, кромѣ указанныхъ въ Положеніи, не допускается, и надоумилъ бабъ отнесть непряденый ленъ на барскій дворъ. Приказчикъ не принялъ ленъ, объяснивъ имъ, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Тогда бабы побросали связки льна на дворѣ и ушли домой. Дали знать исправнику. По пріѣздѣ его бабы тотчасъ же выдали зачинщиковъ; когда ихъ арестовали, то остальныя деревни мигомъ разобрали свои связки и бабій бунтъ кончился. Происшествіе это послужило мнѣ въ пользу. Крестьяне увидали, что самовольничать имъ нельзя и сидѣли послѣ того смирно. Я въ туже весну сговорился съ крестьянами, а лѣтомъ заключилъ съ ними добровольную сдѣлку на выкупъ земли. Это была первая сдѣлка въ уѣздѣ. Лѣто прошло спокойно. Отецъ отдалъ мнѣ съ братомъ имѣніе и самъ переѣхалъ въ городъ. Трудно было старымъ людямъ видѣть разгромъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ. Первое, что мы сдѣлали, это уничтоженіе огромной дворни, которая уничтожала добрую треть доходовъ имѣнія. Но многіе такъ обжились, что не хотѣли трогаться съ насиженныхъ мѣстъ, особенно имѣвшіе большія семьи. Мы вынуждены были

многимъ положить небольшія пенсіи, до истеченія двухлѣтняго срока, чтобы только заставить ихъ удалиться изъ усадьбы.

Лѣтомъ генералъ-губернаторъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ жилъ въ Петровскомъ паркѣ, на дачѣ князя Долгорукова. Государь, бывъ въ Москвѣ, осчастливилъ Тучкова, принявъ приглашеніе на обѣдъ въ занимаемой имъ дачѣ. Во время разговора за обѣдомъ, узнавъ, что дача нанята Тучковымъ на лѣто, а не составляетъ его собственности, Государь приказалъ купить дачу и подарилъ ее Тучкову. По кончинѣ Тучкова дача была продана его наслѣдниками, долго служила помѣщеніемъ Нѣмецкаго клуба, потомъ ареной многихъ увеселительныхъ заведеній, а теперь окончательно сломана и мѣсто превращено въ манежъ и конюшни братьевъ Морозовыхъ.

Въ маѣ 1861 года Императоръ Александръ II прибылъ въ Москву, гдѣ пробылъ три недѣли. Москва была полна семьями помѣщиковъ. Многіе не ѣхали въ деревню, опасаясь безпорядковъ между крестьянами, тѣмъ болѣе, что разнорѣчивые слухи шли о волненіяхъ въ Казанской губерніи въ селѣ Бездна и въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи.

Лѣто въ Москвѣ прошло спокойно, но осенью 10 октября ознаменовалось безпорядками студентовъ на Тверской площади. Студенты толпой явились къ дому генералъ-губернатора, прося его выслушать ихъ жалобы на университетское начальство. П. А. Тучковъ отказался выйти къ нимъ и вообще впутываться въ чужое дѣло. Никакія увѣщанія не дѣйствовали на разгоряченную молодежь, подстрекаемую Колоколомъ и его агентами. Тогда прибѣгли къ помощи полиціи и жандармовъ. Площадь была очищена, зачинщики арестованы и посажены въ мѣста заключенія. Бой этотъ извѣстенъ какъ битва подъ Дрезденомъ (гостиница на площади того имени). Побѣдителями были два полицеймейстера Николай Ильичъ Огаревъ и Иванъ Ивановичъ Сечинскій.

Въ декабрѣ 1861 года я поѣхалъ въ Москву, желая нѣсколько отдохнуть отъ тревожнаго и утомительнаго лѣта.

Поселился я на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ графа Комаровскаго, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ графомъ Владиміромъ Аркадьевичемъ Морковымъ. Москва нѣсколько успокоилась отъ ожидаемыхъ ею печальныхъ картинъ. Хотя во многихъ мѣстахъ Россіи и были нѣкоторые безпорядки, но они скоро улаживались безъ особыхъ рѣзкихъ мѣръ. Полученіе выкупныхъ денегъ временно немного исправило дѣла помѣщиковъ, пошатнувшіяся отсутствіемъ кредита вслѣдствіе закрытій операцій Опекунскаго Совѣта.

Графъ Закревскій переѣхалъ въ Газетный переулокъ въ домъ князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римскаго-Корсакова (теперь Художественнаго театра), и кромѣ ежедневныхъ собраній для игры въ лото съ графиней, бывали у нихъ и небольшіе танцовальные вечера. Графъ жилъ стариннымъ бариномъ, не измѣняя своихъ привычекъ. Утро было занято докладами разныхъ управляющихъ имѣній и домовъ, потомъ обычный завтракъ, пріемъ знакомыхъ и прежнихъ сослуживцевъ; потомъ графъ дѣлалъ нѣсколько визитовъ передъ обѣдомъ. Обѣдъ на 6 или 8 персонъ. Вечеромъ неизбѣжное лото у графини, въ 11 часовъ легкій ужинъ и затѣмъ графъ удалялся тотчас же въ свою спальню. Графиня часто продолжала игру въ лото, если оставались еще партнеры.

Наружно графъ оставался ровенъ и спокоенъ, какъ всегда, но въ разговорѣ съ близкими ему лицами жаловался на свершившееся, находя, что не приняли во вниманіе его слишкомъ пятидесятилѣтнее служеніе отечеству и уволили какъ будочника безъ прошенія. Графиня, по обыкновенію, по утрамъ долго лежала въ постели, гдѣ даже принимала близкихъ себѣ особъ, а вечеромъ неизмѣнное лото. Она легче переносила постигшую ее катастрофу, хотя иногда жаловалась на нѣкоторыхъ личностей ею, во время власти, облагодѣтельствованныхъ.

Я бывалъ часто у нихъ, особенно по вечерамъ вмѣстѣ съ графомъ Владиміромъ Морковымъ, чтобы составить партію графинѣ.

Предводителемъ Московскаго уѣзда выбранъ былъ Николай Гавриловичъ Головинъ, ярый крѣпостникъ, отъ ко-

тораго ожидали многаго, но вышелъ мыльный пузырь. Кромѣ пустой болтовни—ничего. До него предводителемъ Московскаго уѣзда былъ Рябининъ, родственникъ генералъ-губернатора Тучкова. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней, когда я былъ съ визитомъ у супруги генералъ-губернатора и кто-то разсказалъ о какой-то выходкѣ Головина, то Елисавета Ивановна, обратясь ко мнѣ сказала: «вотъ вашъ выборъ, господа, заболтировали достойнаго человѣка и выбрали другого, только за то, что громко критикуетъ то, чего избѣжать невозможно».

Въ эту зиму у генералъ-губернатора былъ замѣчательный балъ, на которомъ присутствовали: князь Барятинскій, покоритель Кавказа, прежній главнокомандующій Кавказа Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Имамъ Шамиль, съ двумя сыновьями. Тріумвиратъ этотъ возбуждалъ общее любопытство московской публики. Я помню маленькій эпизодъ, случившійся на моихъ глазахъ. Старшій сынъ Шамиля былъ представленъ госпожѣ Арсеньевой, рожденной княжнѣ Дадіанъ. Разговаривая съ нимъ, Арсеньева увидѣла на его пальцѣ кольцо, подаренное ею своей родственницѣ Орбеліяни, которая недавно была въ плѣну у Шамиля, взятая въ своей усадьбѣ во время одного набѣга. Гдѣ Вы взяли это кольцо? спросила Арсеньева. Молодой горецъ сильно покраснѣлъ и спряталъ руку въ черкеску, отвѣтивъ что-то непонятное. Я знаю это кольцо, оно принадлежало моей родственницѣ Орбеліяни, продолжала Арсеньева. Горецъ вспыхнулъ до корня волосъ и сталъ что-то тихо отвѣчать Арсеньевой, какъ можно было судить оправдывая свой поступокъ и незаконное владѣніе кольцомъ.

На этомъ балѣ была тоже замѣчательная личность братъ Павла Алексѣевича Тучкова—Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ. Извѣстный либералъ, Пензенскій помѣщикъ, дочь котораго была замужемъ за Огаревымъ, другомъ Герцена. Личность эта тоже обращала на себя вниманіе, хотя Алексѣй Алексѣевичъ старался держать себя въ тѣни и даже не ходилъ въ танцовальный залъ. Зимою было много баловъ, хотя общество было встревожено разнородными слухами о волненіяхъ въ различныхъ мѣстахъ Имперіи.

Зима прошла какъ-то безцвѣтно и скучно. Немного разнообразило Москву вновь открывшійся домъ Челищевыхъ, гдѣ были двѣ взрослыя красавицы дочки. Старшая вышла въ томъ же году замужъ за кавалергарда Львова, а вторая, В. Варвара, вышла впослѣдствіи, за извѣстнаго богача Попова. Послѣдняя несмотря на свою обаятельную красоту и ангельскій ровный характеръ, была очень несчастлива въ замужествѣ и даже съ горя была психически больна и скончалась въ лѣчебницѣ у психіатра. Глядя на нее въ дѣвичьемъ ея возрастѣ, и любуясь ея грезевской головкой, можно ли было ожидать такой печальной участи? Напротивъ, казалось, что ее ожидало самое веселое и могучее счастье. Балы Челищевыхъ привлекали всю московскую аристократическую молодежь, любовавшуюся молодостью и красотой молодыхъ хозяекъ. Мнѣ впослѣдствіи, пришлось почти ежедневно бывать въ этомъ домѣ, когда бали и празднества прекратились и семейство жило болѣе спокойной семейной жизнью.

ГЛАВА X.

1862 г. Бурное Дворянское Собраніе.—Поѣздка въ Парижъ.

Выборы 1862 года были бурны. Сдержанность дворянства во все время засѣданій комитетовъ по улученію быта крѣпостной зависимости крестьянъ вѣрнѣе, освобожденія ихъ, послѣ обнародованія положенія, развязало молчація уста. Дворяне затоворили. Изъ пересказовъ въ тиши сокабинета перекочевали въ громкіе дебаты дворянскихъ собраній. Въ московскомъ дворянскомъ собраніи громилъ петербургскую чиновничью клику Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ, называя чиновничью петербургскую клику оприччиной. Николай Александровичъ Безобразовъ стоялъ за права дворянства, на основаніи грамоты Императрицы Екатерины II, подтвержденной послѣдующими Государями. Фотографическій портретъ Безобразова съ надписью въ видѣ ореола «поборникъ правды, защитникъ правъ дворянства», раздавался желающимъ имѣть его. Графъ Орловъ-

Давыдовъ сообщилъ дворянству, что ему извѣстно, что Государь Александръ II думаетъ уступить часть правъ своихъ Дворянству. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ призванъ къ судебному слѣдователю къ допросу, съ вопросомъ? кто сообщалъ ему такіе слухи? Обидѣвшись призывомъ, графъ подалъ въ отставку отъ занимаемаго имъ придворнаго званія.

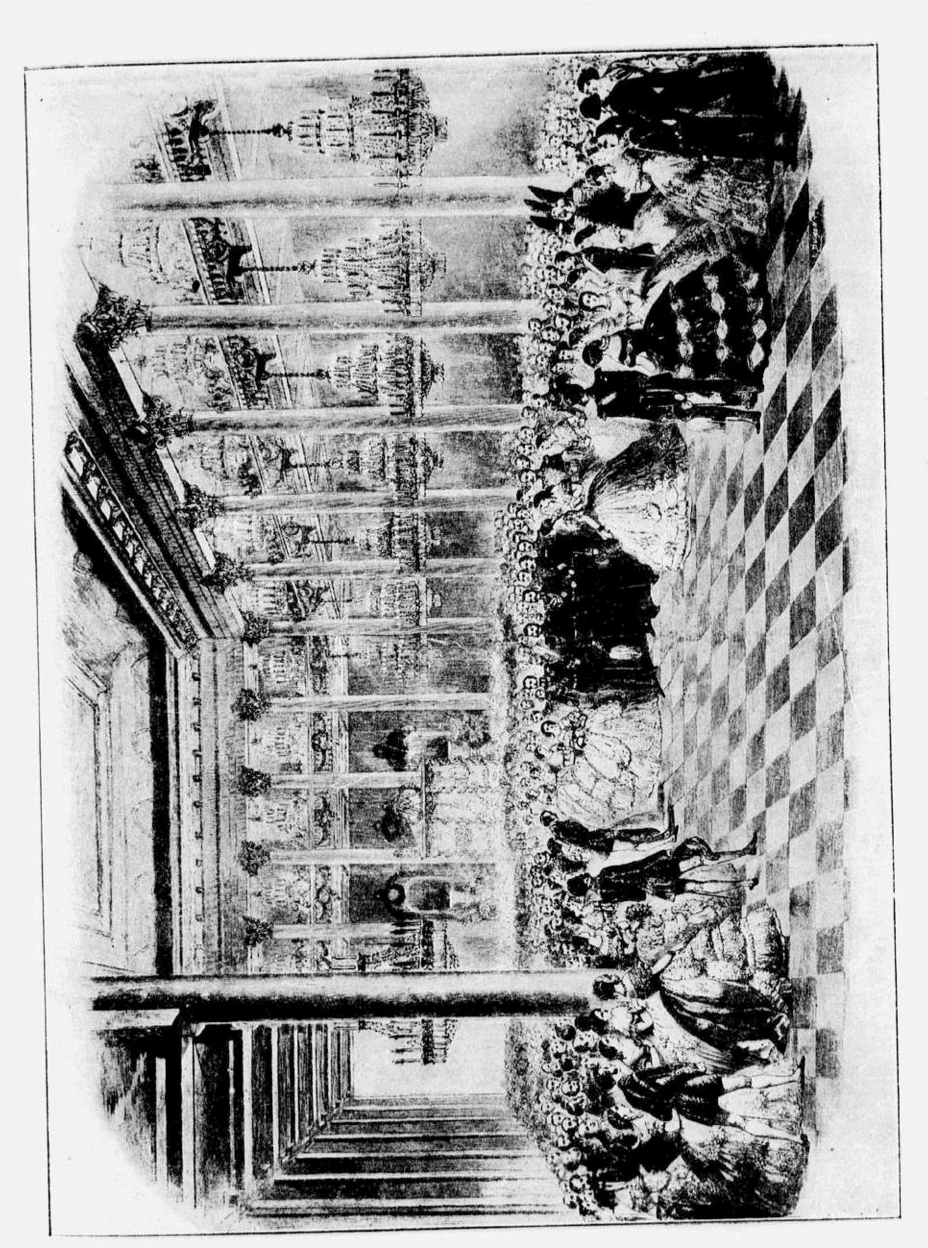
Дворянство подало всеподданѣйшее прошеніе Государю. Отвѣта на него не послѣдовало. Допустившій къ подачѣ адреса Губернскій предводитель П. П. Воейковъ не былъ утвержденъ въ своемъ выборномъ званіи и мѣсто губернскаго предводителя, занялъ второй кандидатъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

Въ 1862 году было много толковъ о назначеніи новыхъ министровъ, большинство которыхъ было изъ числа лицъ, служившихъ въ морскомъ министерствѣ, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, и имъ рекомендованныхъ. Москва, считая Великаго Князя противникомъ дворянства, сильно волновалась видимымъ вліяніемъ его на дѣла Имперіи.

10 ноября Государь прибылъ въ Москву, гдѣ 18 ноября принималъ дворянскихъ депутатовъ, какъ московскихъ, такъ и смежныхъ съ нею губерній. Пріемъ дворянъ былъ обставленъ торжественно. Государь благодарилъ дворянскія депутаціи за жертвы, сдѣланныя дворянскимъ сословіемъ при отчужденіи земли къ отошедшимъ отъ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ. 25 ноября былъ пріемъ городскихъ головъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ Московской губерніи.

Государь пробылъ въ Москвѣ до 20 декабря. Кромѣ различныхъ празднествъ, устраиваемыхъ по случаю пріѣзда Государя была организована охота. Когда Государь ночевалъ внѣ Москвы на охотѣ, то устроившіе охоту дворяне, въ ночное время, составляли изъ себя лично охрану Государя и по очереди стояли на часахъ вокругъ дома, гдѣ опочивалъ Государь.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ половинѣ февраля я уѣхалъ за границу, въ Парижъ. Отъ Москвы до Петер-

Балъ въ Благородномъ Собраніи 10 Сентября.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

бурга и отъ Петербурга до Динабурга (теперь Двинска) я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ Динабургѣ насъ помѣстили въ мальпостъ и такъ везли до Ковно. Въ Ковно мы сѣли снова въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ нѣсколько часовъ были въ Эйдкуненѣ. Это была моя первая поѣздка въ чужіе края. Въ Москвѣ было 8 градусовъ мороза. Въ Петербургѣ и вплоть до Ковно была полная зима, но съ Ковно сильно потеплѣло и въ Эйдкуненѣ мы нашли 2 градуса тепла. Когда на слѣдующее утро я пріѣхалъ въ Берлинъ, то нашелъ тамъ, хотя туманную, но теплую погоду. Взятая мною изъ Москвы шуба стѣсняла меня. Въ Берлинѣ я пробылъ нѣсколько часовъ, до перваго отходящаго поѣзда и съ нимъ выѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь была полная весна, хотя листьевъ и почекъ на деревьяхъ еще не было. На слѣдующее утро я былъ въ Парижѣ въ 10 часовъ утра и остановился на углу rue de Provence и rue Laffite противъ дома Ротшильда. Переодѣвшись и приведя себя немного въ порядокъ, я отправился на бульвары пить кофе. Итальянскій бульваръ былъ въ двухъ шагахъ. Напившись кофе въ Cafée Riche, я въ первомъ часу пошелъ по бульварамъ и близъ Мадлены встрѣтилъ моего московскаго знакомаго, князя Любомирскаго, поселившагося въ Парижѣ около своихъ родныхъ. Встрѣча стараго московскаго знакомаго, въ незнакомомъ городѣ, весьма пріятна, тѣмъ болѣе, что я пріобрѣлъ въ немъ хорошаго руководителя и знатока парижской жизни.

Описывать парижскую жизнь я не стану. Сначала я накинулся на обозрѣваніе музеевъ, дворцовъ, церквей, вечеромъ театръ, затѣмъ балъ-маскарадъ и ужинъ, однимъ словомъ, все, что продѣлывалъ въ то время вырвавшійся на волю цивилизованной заграничной жизни, русскій путешественникъ. Мнѣ было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, здоровья много, денегъ достаточно. Жажда привольной жизни большая. Въ увлеченіяхъ недостатка не было и все шло шаблонно какъ по маслу.

Два эпизода этой зимы остались у меня въ памяти.

Въ одно утро, гуляя въ Елисейскихъ Поляхъ, я встрѣтилъ моего пріятеля князя Александра Урусова. Князь об-

ратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я дѣлаю изъ моего вечера? Не рѣшилъ еще, отвѣтилъ я. Поѣдемте въ театръ Variété, у меня ложа. Тамъ будетъ очень интересно.—Будетъ рѣшаться споръ между Демидовымъ и содержателемъ театра. Демидовъ покровительствуетъ одной артисткѣ (кажется Pirson). Антрепренеръ далъ ей роль, которая ей почему-то не нравится. Демидовъ просилъ антрепренера избавить ее отъ этой роли, но антрепренеръ запросилъ за это пятьдесятъ тысячъ франковъ, которые Демидовъ не согласился дать. Демидовъ рѣшился уронить пьесу на первомъ представленіи и, забравъ черезъ своихъ знакомыхъ почти всѣ мѣста въ театрѣ, устроилъ паденіе піесы. Когда я пріѣхалъ въ назначенную мнѣ ложу, то засталъ въ ней Александра Урусова и съ нимъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ дамъ, которымъ и былъ тотчасъ же представленъ. Театръ еще не начинался, но партеръ былъ уже полонъ и по залѣ проносился какой-то сдержанный гулъ. Въ коридорѣ было нѣсколько полицейскихъ. Видно всѣ чего-то ждали. Съиграли увертюру, занавѣсъ поднялся. Не успѣли актеры произнесть нѣсколько словъ, какъ всѣ сидящіе въ партерѣ поднялись, надѣли шляпы повернулись спиной къ сценѣ и раздался такой оглушительный свистъ и шиканье, что спектакль долженъ былъ прекратиться, и занавѣсъ былъ опущенъ. Немедленно явилось нѣсколько полицейскихъ и начался арестъ шумѣвшей публики. Но тутъ произошло что то безобразное. Партеръ оказался наполненнымъ также атлетами изъ цирка. Полицейскіе были смяты, арестованные освобождены, сержанты вытолкнуты изъ залы, а нѣкоторые высѣчены тутъ же на креслѣ короткими ременными палками. Торжество партера было не долгое. Явилась новая фаланга сержантовъ и пошли аресты и рукопашный бой. Полетѣли скамейки изъ ложъ въ головы полиціи. Количество полицейскихъ ежесекундно увеличивалось и партеръ былъ вытѣсненъ и частью арестованъ. Мы заперлись въ своей ложѣ и не выходили въ коридоръ. Когда шумъ и драка нѣсколько успокоились, желая оставить театръ мы вышли изъ ложи въ коридоръ, ведя подъ руку своихъ дамъ. Александръ Урусовъ шелъ впереди, я за нимъ.

На нижней площадкѣ онъ обернулся ко мнѣ и сообщилъ что какому-то полицейскому сломали палецъ. Пройдя нѣсколько шаговъ я увидѣлъ сержанта, державшаго свой палецъ поперекъ рта. Обратившись къ Урусову, я сказалъ ему: «не этотъ ли? и показалъ на него глазами. Моментально сержантъ грубо схватилъ меня за руку, отдернулъ отъ моей дамы и повлекъ къ стоящему недалеко комиссару въ трехцвѣтномъ шарфѣ.

Я такъ былъ удивленъ первое время, что не нашелся, что сказать моему похитителю.

— Что сдѣлалъ этотъ господинъ?—спросилъ комиссаръ. Онъ очень грозно и сердито на меня посмотрѣлъ,—отвѣтилъ сержантъ.

— Оставьте его.—Былъ отвѣтъ.

Тогда я обратился къ комиссару съ вопросомъ, по какому праву я былъ оскорбленъ, я иностранецъ, русскій, и буду жаловаться въ посольство.

— Уходите скорѣе, а то я велю посадить Васъ въ арестанскую—получилъ я грубый отвѣтъ. Я счелъ за лучшее удалиться и черезъ нѣсколько минутъ былъ въ Кафе Anglais. Двери и окна Кафе были заперты и окна закрыты ставнями. Кругомъ кафе стояла толпа и громко гудѣла и апплодировала собравшимся заправиламъ манифестаціи. Меня тотчасъ же пустили черезъ боковой ходъ съ улицы Richelieu, когда я назвалъ себя. Тамъ я засталъ цѣлое общество молодежи самаго аристократическаго общества. Черезъ полчаса явился Урусовъ и объявилъ намъ, что онъ вступилъ съ комиссаромъ въ пренія, по какому праву такъ грубо обошлись со мной. Результатъ разговора былъ тотъ, что его арестовали и отправили au Violon, гдѣ, записавъ его званіе и имя, тотчасъ же отпустили домой. Толпа народа все увеличивалась и дошла до нѣсколько тысячъ. Чтобы разсѣять ее была вызвана кавалерія, которая палашами и лошадьми разогнала ихъ. Всѣ рѣшили на утро сдѣлать демонстрацію Наполеону III въ Булонскомъ лѣсу.

Когда Наполеонъ на другой день пріѣхалъ туда на прогулку, и гулялъ съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей, то всѣ гурьбой ходили мимо его и не кланялись, хотя многіе были

ему знакомы. Результатъ демонстраціи былъ тотъ, что піеса была запрещена и снята со сцены.

Другой случай былъ такой: гуляя разъ на бульварахъ съ А. Урусовымъ, я познакомился съ нѣкимъ Борцовымъ и былъ тотчатъ же приглашенъ къ нему на спиритическій вечеръ съ знаменитымъ въ то время Аланъ-Кордекъ. Борцевъ жилъ въ Елисѣйскихъ поляхъ съ женой и свояченицей.

Вечеръ началcя спиритическими сеансами, въ которые я нисколько не вѣрилъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на ребяческую шутку.

По окончаніи сеансовъ, большинство публики, было посажено за карточные столы. Со мной сѣлъ хозяинъ Борщовъ, полякъ Ильинскій и Каменскій. Играли въ старинный ералашъ. Я объявилъ, что по большой не играю. Конечно, по маленькой, отвѣтилъ хозяинъ, сдавая карты и игра началась. Въ продолженіе робера, я нѣсколько разъ просилъ назначить цѣну игры, но всякій разъ получалъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ, роберъ конченъ, я выигрываю 1200 фишъ и прошу окончательно сказать цѣну игры. Мнѣ объявляютъ два франка, я отвѣтилъ, что по такой возвышенной цѣнѣ не играю. Съ ироніей мои партнеры объявляютъ мнѣ, что обыкновенно играютъ по пяти франковъ, но только для меня понизили игру. Я прошу замѣнить меня кѣмъ либо другимъ. Партнеры соглашаются понизить игру до $\frac{1}{2}$ франка и, указывая на мой выигрышъ, говорятъ, что это мнѣ безопасно. Сконфуженный, я соглашаюсь и остальные пять роберовъ проигрываю. Въ результатѣ 4000 съ чѣмъ-то франковъ дефициту. Впослѣдствіи оказалось, что я попалъ въ компанію извѣстныхъ игроковъ, за что и поплатился.

Спустя десять лѣтъ послѣ того я встрѣтилъ Борщова, на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги. Онъ меня не узналъ, и пригласилъ меня на обѣдъ, проигравъ въ вагонѣ 6 рублей. На обѣдѣ я былъ, но въ карты съ нимъ не игралъ, а заплатилъ ему за распечатанныя колоды пять рублей, не желая ѣсть даромъ его обѣдъ и напомнилъ ему парижскую встрѣчу. Болѣе я его не видѣлъ.

За обѣдней въ Русской церкви я былъ крайне изумленъ,

встрѣтивъ тамъ Князя Юрія Голицына, нашего бывшаго Тамбовскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Голицынъ, находясь въ административной ссылкѣ въ г. Козловѣ, увезъ дочь мѣстнаго помѣщика и бѣжалъ съ нею въ Лондонъ, откуда его правительство не могло достать. Князь, какимъ образомъ вы въ Парижѣ?—спросилъ я? Тетушка выхлопотала амнистію, отвѣтилъ князь. Довольно голодать въ Лондонѣ у этихъ торгашей, пора вернуться домой.

Впослѣдствіи Князь былъ совершенно прощенъ и я встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ. Оригинальная была личность.

На Страстной недѣлѣ я получилъ въ Парижѣ телеграмму, что дѣдъ мой занемогъ и его отправляютъ лѣчиться въ Германію. Меня требовали въ Москву немедленно. Я съ грустью разстался съ Парижскими пріятелями и въ пятницу на Страстной выѣхалъ въ Россію. Въ Москву я пріѣхалъ на третій день Пасхи, встрѣтивъ Свѣтлый праздникъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

ГЛАВА XI.

1862.—Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ въ деревню.—Мое хозяйничанье.—Комическіе бунты.—Мировые посредники.—Губернаторъ К. К. Данзасъ.—Губернскій Предводитель Н. А. Никифоровъ.—Окружные Начальники.

По пріѣздѣ въ Москву, дѣдъ мой поручилъ мнѣ управленіе своими имѣніями въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ Тамбовской губерніи и двухъ уѣздахъ Пензенской. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ кромѣ управленія нужно было вводить также уставныя грамоты.

Я тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ Темниковскій уѣздъ Тамбовской губерніи, гдѣ жилъ главный управляющій, въ полную распутицу.

До г. Елатьмы доѣхалъ я съ грѣхомъ пополамъ, по невылазной грязи, но далѣе дорога прерывалась. Былъ полный разливъ р. Оки и никакихъ перевозовъ организовано не было. Нанялъ я какую-то рыбачью лодку съ четырьмя гребцами, которые обязались доставить меня въ имѣніе

дѣда за 20 верстъ на противоположномъ берегу. Переѣздъ едва не стоилъ мнѣ жизни. По разливу было тихо, но когда мы переѣхали р. Ѳку, то неумѣлые лодочники едва не опрокинули неуклюжую посудину на перевалѣ рѣки, гдѣ образовалась стремнина. Съ парижскаго бульвара я очутился въ глухой деревнѣ, завѣдывавшимъ тремя тысячами душъ, въ самое неспокойное время, когда и опытному хозяину было невмочь.

Первое время мнѣ казалось жутко. Управляющій былъ въ острыхъ отношеніяхъ съ крестьянами и не ладилъ съ властями. Крестьяне были на оброкѣ, но оброка не платили. Жалобы къ мировому посреднику не достигали цѣли. Онъ предписывалъ волостному старшинѣ, но результатъ былъ плохой, получались гроши отъ тысячи слишкомъ душъ крестьянъ, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ многіе изъ крестьянъ имѣли мельницы и занимались торговлею пеньки, мочалъ, конопляннаго масла и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. По просьбѣ моей мировой посредникъ передалъ дѣло о взысканіи недоимокъ полиціи. Но и тутъ дѣло не двигалось. На счастье мое исправникъ былъ бравый офицеръ, любившій кутнуть и потому постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, которыя постоянно занималъ направо и налѣво. Я далъ ему нѣсколько сотъ рублей подъ расписку и тѣмъ пріобрѣлъ его расположеніе. Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ имѣніе съ толпою сотскихъ и понятыхъ изъ государственныхъ крестьянъ, для производства описи и продажи крестьянскаго имущества. Не желая продавать имущества крестьянъ, я просилъ его изыскать другіе способы взысканія.

По указанію приказчика имѣнія, были вызваны самые богатые крестьяне въ контору. Предложили первому уплатить числящуюся за нимъ оброчную недоимку. Крестьянинъ началъ клясться и божиться, что онъ совершенно разоренъ и семья умираетъ съ голода. Исправникъ приказалъ наказать его розгами, но не успѣли десятскіе раздѣть его, какъ онъ взмолился, прося пощады и обѣщалъ немедленно сдѣлать уплату числящейся на немъ недоимки. Тутъ же, сидя на полу, онъ развернулъ онучи и вынулъ

приготовленную пачку кредитокъ, покрывавшую его долгъ. Такъ съ большими варіаціями уплатили и остальные девятнадцать человѣкъ. Затѣмъ пошли уплаты и остальныхъ недоимщиковъ. Нѣкоторые уплачивали сполна, а остальные частью. Ледъ былъ прорубленъ и вода потекла хотя медленно, но безостановочно. Крестьяне увидали, что съ ними шутить не будутъ. Пріѣздъ исправника сдѣлался извѣстнымъ по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ и оброки начали уплачиваться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, вездѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ необходимо было ѣхать въ другое имѣніе дѣда въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи и оттуда въ Тамбовъ. Я желалъ видѣться съ дядей моимъ, тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Александровичемъ Никифоровымъ и губернаторомъ К. К. Данзасомъ, моимъ хорошимъ знакомымъ. Кромѣ того у меня были дѣла по обширнымъ имѣніямъ дѣда. Поѣздка въ Кирсановское имѣніе въ хорошую, сухую погоду была прогулкою. Тутъ я впервые познакомился съ степнымъ Тамбовскимъ хозяйствомъ и обширными владѣніями Тамбовскихъ крупныхъ владѣльцевъ: Нарышкиныхъ, Масловыхъ, Соловыхъ и др.

Поразила меня разность цѣнъ лѣса сѣверныхъ уѣздовъ съ южными. Въ Темниковскомъ уѣздѣ можно было купить десятину великолѣпнаго лѣса за пятьдесятъ рублей, между тѣмъ какъ въ Кирсановѣ за плохой перестоявшійся осиновый лѣсъ я взялъ 300 руб. за десятину, за которую въ Темниковскомъ уѣздѣ никто не далъ бы и по 25 р. Хлѣбъ же былъ въ обратной пропорціи цѣнности южныхъ уѣздовъ къ сѣвернымъ. Рожь въ Темниковскомъ уѣздѣ стояла цѣна 3 руб. слишкомъ, а въ Кирсановскомъ не давали и 2 руб., а овесъ въ Кирсановѣ былъ всего 80 коп. за четверть. Покончивъ свои дѣла въ Кирсановскомъ уѣздѣ, я поѣхалъ въ Тамбовъ, и попалъ въ разгаръ ярмарки и съѣзда на нее богатаго и блестящаго дворянства.

Центръ сборища всѣхъ пріѣзжихъ былъ домъ губернатора Карла Карловича Данзаса. Жены его не было въ Тамбовѣ. За хозяекъ были его двѣ дочери: Бологовская и Жихарева. Дамскаго общества у него почти не бывало, а со-

бирались одни мужчины у него или въ клубѣ губернаторскаго сада, гдѣ центромъ нашего холостого общества была Магницкая—веселая барыня и большая прiятельница Карла Карловича. За веселыми ужинами, подъ звуки струннаго оркестра собирались у него Тамбовскiе магнаты: братья Петрово-Соловыя Григорiй и Михаилъ Федоровичи, братья Масловы, отставной генералъ Бологовскiй, Воейковъ, Офросимовъ, Жихаревъ, Козловъ и др. Ужины были веселы и оживленны. Остроты и каламбуры сыпались со всѣхъ сторонъ. Разъ Данзасъ предложилъ тостъ выпить за здоровье Соловыхъ (показывая на братьевъ Григорiя и Михаила Федоровичей). Принимаю,—отвѣтилъ Григорiй Федоровичъ, но безъ участiя чалыхъ. Дружный аплодисментъ и хохотъ былъ отвѣтъ на его остроту. Данзасъ былъ съ сильной просѣдью.

Днемъ посѣщали конную ярмарку, а послѣ обѣда бѣга, гдѣ молодые рысаки пробовали свои силы.

Домъ губернскаго предводителя Николая Александровича Никифорова былъ совсѣмъ другого пошиба. Тамъ шли постоянные толки, какъ, если не сохранить дворянское имущество, то сохранить тѣ крохи, которыя должны остаться отъ ликвидацiи послѣ крѣпостной реформы. У Данзаса бари, хотя съ тяжестью на сердцѣ дѣлали видъ, что добровольно идутъ на всѣ жертвы для улучшенiя быта бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Въ домѣ губернскаго предводителя помѣщики средней руки, подъ предводительствомъ братьевъ Бланкъ, громко проповѣдывали о полномъ разоренiи и даже уничтоженiи всего дворянскаго сословiя. Проектовъ было безъ конца, но толку отъ нихъ никакого. Я бывалъ въ обоихъ лагеряхъ. Въ одномъ былъ пиръ, въ другомъ раскаянiе послѣ пира съ мрачнымъ взглядомъ на будущее, которое оправдалось.

Изъ Тамбова я долженъ былъ ѣхать въ Пензенскiя имѣнiя дѣда. Вездѣ было одно—пассивное сопротивленiе въ уплатѣ наложенныхъ на крестьянъ повинностей. Ожидали они текущаго млека и кисельныхъ береговъ, не получивъ которыхъ были мрачны и недовольны, ожидая продолженiя новыхъ милостей.

Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Понемногу я улаживалъ все, не прибѣгая ни къ властямъ, ни къ крутымъ мѣрамъ. Вообще въ степной мѣстности народъ былъ сговорчивѣе и мягче.

Вернувшись въ Темниковское имѣніе, я поселился въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, селѣ Бутаковѣ, откуда почти ежедневно дѣлалъ поѣздки по обширнымъ вотчинамъ дѣда, какъ въ Темниковскомъ, такъ и въ Елатомскомъ уѣздѣ.

Большихъ безпорядковъ въ нашей мѣстности не было, и всѣ недоразумѣнія кончались при помощи полицейскихъ властей.

Вообще единодушія между крестьянами не было по разноплеменности населенія. Уѣздъ былъ населенъ русскими, мордвами и татарами, смотрѣвшими косо другъ на друга и всегда готовыми насолить другой національности.

Вообще дворянство ждало своему сословію острой воспалительной болѣзни, но получило хроническую немочь, постоянно подтачивающую его организмъ и который конечно со временемъ приведетъ его къ полному разрушенію.

Первый призывъ мировыхъ посредниковъ не долго оставался на принятыхъ ими мѣстахъ. Первый оставилъ свое мѣсто князь Кулунчаковъ. уступивъ свое мѣсто зятю своему Ипсеву, вскорѣ за нимъ вышелъ князь Енгалычевъ, котораго замѣнилъ Иванъ Семеновичъ Федоровъ, а къ концу года перешелъ въ другое мѣсто и послѣдній посредникъ, Стрѣшневъ, котораго замѣнилъ мой братъ.

Осенью пріѣхалъ ревизовать присутственныя мѣста губернаторъ Данзасъ. Былъ встрѣченъ властями и помѣщиками съ большой помпой. Ревизія обошлась благополучно, Пострадалъ только судебный слѣдователь Іерусалимскій, уличенный въ поборахъ съ порубщиковъ крестьянъ. Губернаторъ уволилъ его немедленно. Тогда судебные слѣдователи назначались губернаторомъ изъ числа чиновниковъ губернскаго правленія и увольнялись имъ же безконтрольно.

Спокойствію въ губерніи во многомъ обязаны, состоявшимъ въ то время по штату Министерства Государственныхъ Имуществъ, Окружнымъ Начальникамъ. Не все то плохо, что старо. Въ дореформенное время, во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ числились казенные крестьяне, назначался Ок-

ружный Начальникъ. Обязанность Окружнаго, была обязанностью опекуна надъ крестьянскими обществами. Казенныя крестьянскія общества управлялись волостными правленіями и волостными судами. Каждый приговоръ схода представлялся на санкцію Окружнаго Начальника, и только при невозникновеніи его протеста, приговоръ приводился въ исполненіе. Окружный былъ непосредственный начальникъ всѣхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, которыхъ могъ собственною властью перемѣщать, опредѣлять и увольнять, безъ всякаго контроля. Находясь всецѣло въ его власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не завися отъ волостного правленія, старшины и схода, они были вѣрные слуги Окружнаго Начальника, и потому онъ былъ постоянно въ курсѣ общественныхъ дѣлъ. Всякое неправильное толкованіе циркуляровъ обществомъ крестьянъ, тотчасъ же могло быть ими разъяснено сходу и судьямъ.

Когда должность окружныхъ начальниковъ была упразднена и общества казенныхъ крестьянъ были переданы изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то общества крестьянъ обратились въ безпастушное стадо. Сколько недоразумѣній, сколько неправильныхъ дѣйствій претерпѣлъ крестьянинъ, особенно въ первое время, до учрежденія земскихъ начальниковъ, когда крестьяне не знали къ кому обратиться въ своихъ недоразумѣніяхъ. Да и теперь, при раздвоеніи власти земскихъ начальниковъ и уѣзднаго земства, крестьянинъ недоумѣваетъ, кто его истинная власть? Кромѣ показаннаго двоевластія есть еще третье—полиція. Разобраться въ границахъ ихъ власти для малограмотнаго крестьянина довольно трудно. Между тѣмъ при старыхъ порядкахъ крестьянинъ зналъ одно начальство—Окружнаго, безъ вѣдѣнія котораго никто не могъ его тронуть. Вотъ причина покорности прежняго крестьянина распоряженіямъ своего прямого начальства.

Въ началѣ самаго смутнаго времени, тотчасъ по объявленіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, я былъ нагляднымъ свидѣтелемъ происшествія непоколебимой власти Окружнаго.

По рѣшенію съѣзда мировыхъ посредниковъ, утвержденному Губернскимъ Комитетомъ, нужно было переселить два крестьянскихъ двора отъ господской усадьбы на отведенный имъ, по добровольному соглашенію, надѣлъ, гдѣ поселены были остальные крестьяне. Крестьяне двухъ дворовъ упорствовали. Помѣщикъ обратился къ содѣйствію полиціи, прося вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть и Окружнаго Начальника, такъ какъ народонаселеніе села было смѣшанное; большинство состояло изъ казенныхъ крестьянъ. По слухамъ, къ содѣйствію казенныхъ крестьянъ противъ неисполненія приговора своего общества, обратились назначенные къ переселенію два двора.

Всѣ власти прибыли съ вечера кануна дня, назначеннаго къ исполненію постановленія. Утромъ, въ сопровожденіи понятыхъ и сельскихъ властей, становой приставъ отправился въ село. Окружный Начальникъ, когда еще всѣ спали, по какому-то поводу уѣхалъ за 3 версты въ казенное волостное правленіе, что провѣдали казенные крестьяне. Во время завтрака собравшіяся у помѣщика власти, услыхали набатный колоколъ. Всѣ бросились къ окнамъ, но ни огня, ни пожарнаго дыма не было видно. Во время общаго недоумѣнія прибѣжалъ изъ села разсыльный становаго, съ извѣстіемъ, что казенные крестьяне, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, заперли станового пристава съ письмоводителемъ, въ предположенной къ сломкѣ избѣ, разогнали понятыхъ и не дозволяютъ разламывать построекъ, грозя становому приставу. Ни посредникъ, ни исправникъ не могли уговорить толпу подчиниться состоявшемуся рѣшенію. Волненіе все возрастало. Но въ это время возвратился изъ своей поѣздки Окружный Начальникъ. Узнавъ суть дѣла, онъ тотчасъ же сѣлъ въ первый попавшійся экипажъ и поѣхалъ въ село. По случаю дождя тарантасъ былъ закрытъ и не видно было лицъ, въ немъ сидящихъ. Кучеръ, достигнувъ толпы, вынужденъ былъ остановить лошадей, такъ тѣсно сплотился народъ. Экипажъ былъ привѣтствуемъ хохотомъ толпы. Но фартукъ тарантаса откинутъ, на подножкѣ стоитъ Окружный. Вы зачѣмъ здѣсь? слышится его голосъ. Окружный! повторяютъ голоса въ

толпѣ. Вмигъ вся многосотенная арава поварачивается и съ сдержаннымъ шопотомъ «здѣсь Окружный»—спѣшитъ укрыться куда-нибудь отъ глазъ своего начальника. Присутствующіе видятъ только грязныя пятки улепетывающаго народа. Всѣ демонстранты не только покинули мѣсто происшествія, но даже скрылись въ лѣса, поля и къ сосѣдямъ, чтобы при послѣдующемъ разборѣ дѣла сказать, что ихъ не было не только въ толпѣ, но даже и въ селѣ.

Приговоръ былъ безпрекословно исполненъ. Казенный крестьянинъ (жившій работникомъ у крѣпостного) заперевшій станового пристава, арестованъ и отправленъ въ городъ въ полицейское управленіе, гдѣ, отсидѣвъ нѣкоторое время въ арестантской, отпущенъ домой безъ всякаго процесса, безъ громовыхъ рѣчей прокурора, безъ пустыхъ словопреній адвоката, доказывавшаго, что черная доска, красующаяся предъ зрителями не черная, а бѣлая, а только кажется нашему взору черной. Процессъ не стоилъ казнѣ ни гроша, не такъ какъ теперь во время правовыхъ порядковъ, для покрытія стоимости которыхъ приходится постоянно увеличивать налоги. Крестьянинъ зналъ, что безъ согласія его прямого начальства—Окружнаго, никто не имѣетъ права коснуться ни къ нему, ни къ его собственности, что даже при возникновеніи судебнаго или уголовнаго дѣла, онъ имѣетъ защитника въ лицѣ депутата его вѣдомства, и что въ лицѣ своего начальника онъ имѣетъ и своего защитника, потому здравый смыслъ побуждаетъ его покоряться его власти.

Въ настоящее время крестьяне окружены такимъ количествомъ начальствующихъ лицъ, другъ отъ друга независимыхъ, что теряются въ опредѣленіи своей подчиненности тому или другому лицу. Для урегулированія отношеній крестьянина къ разнороднымъ властямъ, нуженъ однодержавный начальникъ, чрезъ котораго всѣ власти и обращались бы къ исполненію своихъ требованій. Тогда крестьянинъ зналъ бы, что разъ требованіе передано ему его единымъ и прямымъ начальникомъ, слѣдовательно имъ провѣрено, онъ долженъ исполнить его безпрекословно.

Конечно, нельзя оставить этихъ начальниковъ безъ контроля, усильте до какой угодно степени, дайте способы обжаловать ихъ распоряженія, въ какой хотите кратчайшій срокъ, но уничтожьте эту смѣшанность понятій о разныхъ начальствахъ, которые не только крестьянина, но даже образованнаго человѣка сбиваетъ съ толку. Только тогда вы водворите нѣкоторый порядокъ въ нашей деревенской жизни и уничтожите возникающія недоразумѣнія между исполнителями и народонаселеніемъ.

Единодержавные начальники сельской общины, стоя близко ко всему народонаселенію. и имѣя на своей сторонѣ всѣхъ лицъ, завѣдующихъ письменною частью общины, всегда будутъ въ курсѣ дѣла, потому и могутъ предупредить возникающія недоразумѣнія. Испытанный примѣръ дѣятельности прежнихъ Окружныхъ Начальниковъ можетъ служить намъ урегулированіемъ нашихъ отношеній къ сельскому населенію.

ГЛАВА XII.

Польскій бунтъ.—Слухи въ народѣ.—Возвращеніе дѣда изъ чужихъ краевъ.—Тревоги жителей Москвы.—М. Н. Катковъ.—М. Н. Муравьевъ.—Мой пріѣздъ въ Москву.

Первая половина зимы прошла тихо, но въ январѣ 1863 года мы были встревожены газетными извѣстіями о рѣзнѣ нашихъ войскъ въ Польшѣ, по распоряженію польскаго ржонда. У многихъ помѣщиковъ служили дѣти въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ. Слухи были преувеличены и каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ дѣтей.

Къ веснѣ я ожидалъ дѣда изъ за границы, прожившаго зиму въ Ниццѣ и былъ очень радъ, когда онъ вытребовалъ меня въ началѣ мая, къ своему пріѣзду въ Москву.

До станціи Вязники Нижегородской дороги я ѣхалъ въ своемъ экипажѣ; но въ Вязникахъ благодаря любезности управляющаго дорогой, полковника Кенига, меня посадили

на экстренный поѣздъ комиссіи, осматривающей путь и я въ министерскомъ вагонѣ пріѣхалъ въ Москву.

Москву я засталъ волнующеюся и ликующею. Волновалась Москва и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовала на поляковъ, поднявшихъ еще въ январѣ знамя бунта, негодовала также на наши власти, потокавшія бунтарямъ или по крайней мѣрѣ слабо противодѣйствовавшія ихъ открытому бунту. Ликовала по двумъ причинамъ: во-первыхъ М. Н. Катковъ своими громовыми рѣчами, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, образумливалъ сконфузившихся администраторовъ, указывая имъ, что только силою можно образумить крамолу, а не вымаливать у ней снисхожденія разными уступками и обѣщаніями. Тутъ нужно власть употребить, напрасно словъ пустыхъ не тратя. Другое ликованіе въ Москвѣ было по поводу назначеніе на постъ Виленскаго генералъ-губернатора Михаила Николаевича Муравьева. Москвичи были увѣрены, что одно имя М. Н. Муравьева стоитъ цѣлой арміи. Москва послала ему сочувственный адресъ, пророча полный успѣхъ, и пророчество Москвы исполнилось. Мятежъ литовскихъ поляковъ отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть.

Негодовала Москва и противъ Дипломатическаго похода французовъ и К⁰, которые старались запугиваніемъ вліять на русскую политику. Получивъ отпоръ русскаго правительства, сославшагося на безчисленное количество адресовъ, поданныхъ всѣми сословіями, Дипломатическій походъ не удался и союзники ударили отбой. Нельзя не отдать справедливости М. Н. Каткову, который своими восторженными рѣчами много способствовалъ къ подъему духа всего населенія. Всякая статья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ по поводу Польскаго возстанія обсуждалась публикой съ азартомъ; были ярые поклонники Каткова, но были и противники защитника либеральныхъ польскихъ притязаній, которые, боясь громогласнаго протеста, шипѣли по змѣиному.

Когда я въ маѣ 1863 года пріѣхалъ въ Москву, дать отчетъ дѣду въ управленіи его имѣніями, бывшими въ моемъ завѣдываніи во время отсутствія его и жизни за границей,

то годовое отсутствіе мое изъ столицы нимало не измѣнило степени направленія мыслей и разговоровъ дворянскаго общества. Общество хотя успокоилось отъ ожиданія крупныхъ безпорядковъ, но мелкія ежедневныя непріятности повыгнали многихъ изъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ и они наполняли Москву, какъ собою, такъ и своими желчными разсказами. Было естественно. Прежніе владыки деревни были подчинены не только мировымъ посредникамъ, но даже волостнымъ старшинамъ. Я зналъ лично фактъ, когда одна небогатая помѣщица жаловалась волостному старшинѣ на неисполненіе ея временно обязанными крестьянами своихъ обязанностей. Старшина пріѣхалъ въ домъ, прошелъ въ гостиную, разсѣлся важно на диванѣ и началъ свою рѣчь: «Ну, говори, Марья Ивановна, чѣмъ провинились твои крестьяне, я васъ разсужу. Подобныхъ тому фактовъ разсказывалось много. Никто не зналъ ни своихъ правъ, ни обязанностей. Даже петербургскіе заправилы не знали, какъ примѣнить ихъ кабинетныя выдумки къ жизни ставившей ихъ часто въ тупикъ, передъ нелѣпостью ихъ либеральныхъ теорій. Вообще шатаніе было всеобщее. Куда вѣтеръ дулъ, туда и гнулись. Плохо зналъ народную жизнь петербургскій чиновникъ. Не долго пробылъ я въ Москвѣ и долженъ былъ уѣхать въ деревню, куда собирался также и дѣдъ—распорядиться въ имѣніи, передъ обратнымъ выѣздомъ за границу, куда призывало его расшатанное своимъ здоровье.

ГЛАВА XIII.

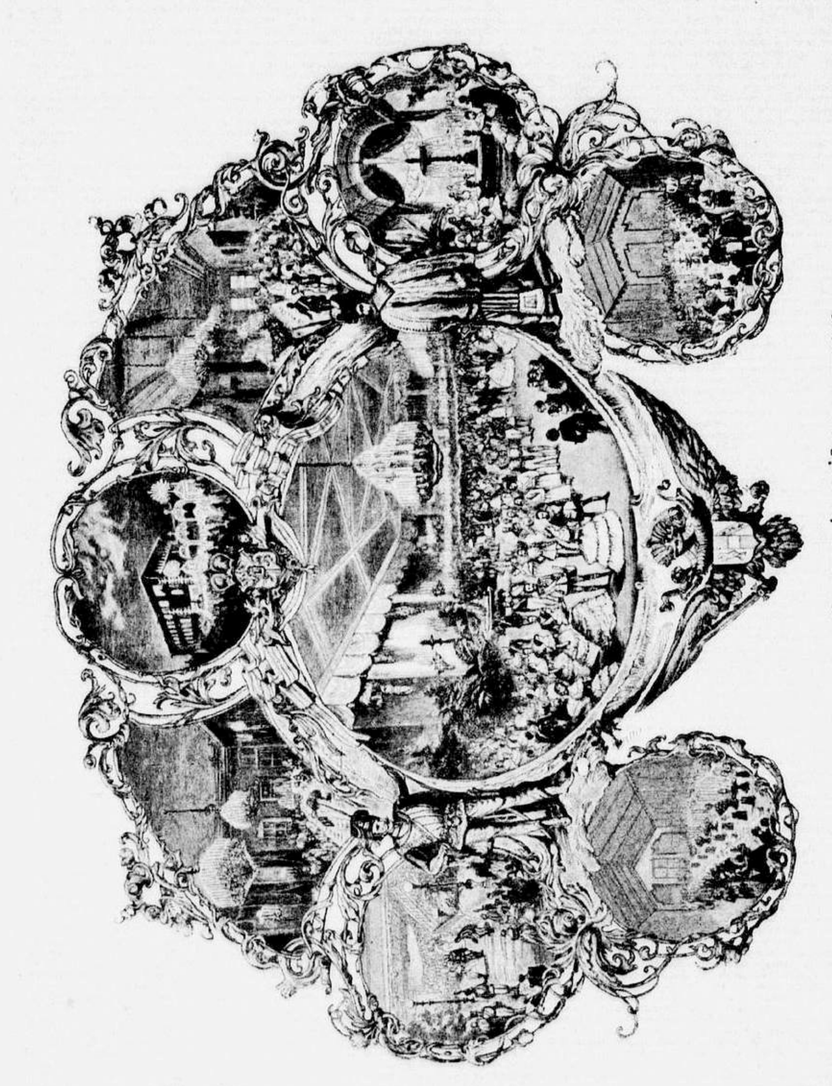
Моя свадьба.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Поѣздка за границу.—Вюрцбургъ. Доктора: Бамбергеръ, Сканцони. Ницца.—Кончина дѣда.

Въ имѣніи все пошло обычнымъ порядкомъ. То же глухое недовольство обѣихъ сторонъ, то же желаніе урвать въ свою пользу, что можно. Серьезныхъ безпорядкокъ не было, но все шло черезъ пень колода. Бунтъ былъ на колѣняхъ, но когда прощаемый вами бунтовщикъ вставалъ

съ колѣнъ, то старался запрятать въ карманъ уроненный вами носовой платокъ. Такъ прожилъ я въ деревнѣ до половины іюля мѣсяца. Затѣмъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ началѣ сентября должна была быть моя свадьба. Свадьба моя была 8 сентября 1863 года. Посаженнымъ отцомъ долженъ былъ быть у меня бывшій Московскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, но передъ этимъ днемъ случился Высочайшій пріѣздъ въ Москву Государя Императора Александра II. Графъ Закревскій, какъ Генералъ-Адъютантъ, долженъ былъ явиться во дворецъ. Не желая показаться въ залахъ дворца развѣнчаннымъ владыкой, онъ уѣхалъ въ подмосковное село свое Ивановское и сказался больнымъ. Хотя онъ и благословилъ меня образомъ Спасителя, но въ церкви на свадьбѣ не былъ, а вмѣсто его посаженной матерью была у меня графиня Закревская. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы я уѣхалъ съ женою въ мое имѣніе Тамбовской губерніи, гдѣ недалеко жили мои родители, которымъ я желалъ представить мою жену. Осень была прелестная и теплая; путешествіе было пріятно. Вернулись мы въ концѣ октября и спустя нѣсколько дней, уѣхали за границу, гдѣ должны были провести зиму въ Ниццѣ, вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, уѣзжавшимъ туда для лѣченія.

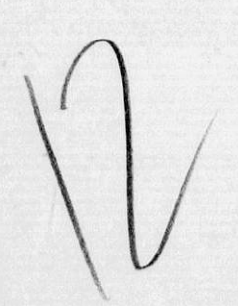
Дѣдъ мой во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ постоянно лѣчился у профессора Вюрцбургскаго университета, доктора Бамбергера, и теперь мы поѣхали черезъ Берлинъ, Лейпцигъ, Дрезденъ въ Вюрцбургъ, останавливаясь вездѣ понемногу.

Дорога до границы была обставлена на военномъ положеніи, по случаю неутихнувшаго возстанія поляковъ. Тотчасъ за локомотивомъ ставился вагонъ для конвойныхъ солдатъ, для обороны поѣзда отъ нечаяннаго нападенія повстанцевъ. Прилегавшіе лѣса къ желѣзнодорожному пути срубались и сжигались на мѣстѣ, чтобы повстанцы не имѣли мѣстъ для укрывательства и засады. Прослѣдовали мы до границы благополучно и на другой день были въ Берлинѣ. Хотя на дорогѣ пророчили намъ много страху и непріятностей, но ничего въ дѣйствительности не было.

15 Сентября балъ у Австрійскаго посла.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Въ Берлинъ пріѣхали мы 1 ноября нашего стиля и нашли хотя теплую, но сырую и сумрачную погоду. Берлинъ былъ мой старый знакомый по прежнимъ моимъ поѣздкамъ за границу, и потому я былъ чичероне моей жены.

Проживъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, мы поѣхали на Лейпцигъ въ Дрезденъ для осмотра знаменитой картинной галлереи и другихъ достопримѣчательностей города. Я помню, что насъ поразили мѣстныя обитательницы, вязавшія чулки, косыночки, и разныя фишю во время концерта на Брюлевской террасѣ, когда мужья ихъ исправно попивали пиво и курили грошовыя сигары. Говорятъ, теперь все измѣнилось: нѣмки начали подражать парижскимъ модамъ.

Наконецъ мы достигли Вюрцбурга, гдѣ дѣдъ долженъ былъ лѣчиться у доктора Бамбергера, тѣмъ болѣе, что дорогой онъ простудился и приступы водяной возобновились. Жили мы всѣ въ Кронъ-Принцъ-Отель, на площади противъ дворца, изображавшаго изъ себя, вмѣстѣ съ садомъ, Версаль въ миніатюрѣ. Здоровье дѣда не поправлялось. Между тѣмъ холода въ Вюрцбургѣ усиливались, что при несовершенствѣ ихъ рамъ и печей было весьма ощутительно. Дворецъ былъ необитаемъ и большинство комнатъ не меблировано. Вюрцбургъ былъ полонъ больными, особенно дамами, которыя съѣзжались туда къ знаменитому профессору Вюрцбургскаго университета Сканцони. Въ одно время жили съ нами семья Трубецкихъ, женатаго на Смирновой, семья Смирновыхъ, Деляновы, генералъ-адъютантъ Кознаковъ, графъ Гендриковъ съ женой и сестрой своей Николевой; Энгельгарды, Лермонтовы и другіе, —однимъ словомъ—цѣлая русская колонія. Жизнь въ Вюрцбургѣ была дешевая; мѣста въ театрѣ стоили гроши. Кромѣ театра и концерта въ Музыкальной городской школѣ разъ въ недѣлю, никакихъ развлеченій въ городѣ не было. Былъ, правда, въ городѣ клубъ «Гармонія», куда приглашались всѣ иностранцы, но тамъ никто изъ пріѣзжихъ дамъ не бывалъ. Отправились мы всѣ мужской компаніей на одинъ балъ паре, но скоро ушли домой. Баварцы веселились по своему: танцовали по получасу съ одной и той же дамой

вальсъ, угощая ее въ промежуткахъ отдыха пивомъ и бутербродами. Но все это было такъ мало интересно, что мы болѣе въ Гармоніумъ не ходилъ.

Студентовъ при университетѣ была масса. Какъ они учились? — не знаю, но пивныя были ими полны постоянно, и шумъ этихъ заведеній достигалъ нерѣдко улицы. Были, конечно, устраиваемы нѣсколько факельцуговъ, въ средневѣковыхъ студенческихъ костюмахъ.

Жили мы тихо въ своемъ кругу русскихъ, а нѣмцевъ видѣли только за общимъ столомъ. Встрѣтивъ новый годъ съ дѣдомъ, я съ женой поѣхалъ въ Ниццу, пріискать ему квартиру въ Ниццѣ, куда онъ собирался, поправивъ немного свое разстроенное здоровье.

3 января 1864 года поѣхали мы съ женою на Франкфуртъ, Ліонъ, Марсель въ Ниццу. Желѣзнодорожный путь доходилъ до маленькой деревушки Канье, не доѣзжая рѣки Варъ, на которой желѣзно-дорожный мостъ не былъ готовъ и отъ него въ Ниццу возили пассажировъ въ допотопномъ дилижансѣ. Въ Ниццѣ мы остановились въ отель Викторія на Promenade des Anglais. Пробыли мы въ ней не долго и наняли въ померанцевой рощѣ нижній этажъ дома, задній фасадъ котораго выходилъ на rue de France недалеко отъ Croix de Marbre. Погода была ясная, но холодная. Особенно непріятно было вставать утромъ съ постели, когда въ комнатѣ было не болѣе 5 или 6 градусовъ. Впослѣдствіи мы устроили такъ, чтобы до нашего вставанія затапливали каминъ, и только когда комната нагрѣвалась, мы выскакивали изъ подъ теплаго пуховика, служившаго намъ вмѣсто одѣяла. Напившись кофе, мы тотчасъ стремились въ садъ и на прогулки. Ницца въ то время была маленькій городокъ. Avenue de la Gare кончалась у французскаго театра. За rue de France были сады. Promenade des Anglais не было застроено и половины. Въ Монако ѣздили на пароходѣ и въ омнибусахъ.

Хотя театра было два: французскій и итальянская опера, но оба были съ весьма посредственными исполнителями. Cercle былъ одинъ Масена, и гдѣ теперь публичный садъ, находился оврагъ, покрытый мелкимъ камнемъ, а въ рѣ-

ченкѣ полоскали прачки бѣлье и сушили его на разсыпанныхъ на днѣ оврага каменьяхъ. Однимъ словомъ, городъ представлялъ изъ себя провинціальную идиллію. Окрестныхъ прогулокъ, кромѣ Corniche и грота St Andrée, никакихъ.

Такъ прожили мы до конца Января, ожидая прибытія семейства дѣла, но, вмѣсто того, я неожиданно получилъ телеграму; что дѣдъ скончался въ Вюрцбургѣ и меня вызывали въ Франкфуртъ на Майнѣ, куда перевозили покойника.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Ниццы одинъ, оставивъ молодую жену мою въ одиночествѣ. Всякій пойметъ грустное состояніе, въ которомъ я покидалъ Ниццу, отъ двойного горя. На другой день я былъ въ Франкфуртѣ, гдѣ засталъ вдову дѣда и сопровождавшихъ ее лицъ. Вечеромъ тѣло отправлено было съ секретаремъ покойнаго въ Россію; жена его уѣхала впередъ, а я вернулся въ Ниццу. Зиму мы провели въ траурѣ и кромѣ прогулокъ по окрестностямъ, почти нигдѣ не бывали. Въ концѣ апрѣля въ Ниццѣ стало жарко и мы тронулись обратно въ Россію, избравъ на этотъ разъ дорогу на Ліонъ и Парижъ.

Парижъ въ 1864 году былъ почти въ апогеѣ своей славы. Наполеонъ III, окончивъ италіанскую кампанію, перестроивавшій весь Парижъ, считалъ себя любимцемъ народа. Наружно все это казалось вѣрно. Но нерѣдко проскальзывали случаи, показывавшіе, что не все то золото, что блеститъ. Разъ мы были въ Елисейскихъ поляхъ; проѣзжалъ черезъ нихъ на катанье въ Булонскій лѣсъ наслѣдный принцъ Луи. Ѣхалъ онъ въ ландо; спереди и сзади скакали экскортомъ кирасиры, на удивленіе глазѣющей публики. Прохожіе мало обращали на него вниманія, и весьма немногіе отдавали ему поклоны, хотя онъ безпрестанно раскланивался направо и налѣво. Я былъ крайне удивленъ и спросилъ моего сосѣда причину холодности къ будущему Императору Франціи. «Никогда онъ не будетъ Императоромъ», отвѣтилъ мнѣ французъ. «Въ нашемъ калейдоскопѣ постоянныя перемѣны; не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ у насъ будетъ перемѣна; сперва революція, республика, а потомъ что-нибудь другое. Мода Парижа—постоянныя перемѣны.

Парижъ былъ чистъ и опрятенъ несмотря на постоянныя ломки старыхъ кварталовъ и постройки новыхъ зданій и театровъ. Совсѣмъ не тотъ порядокъ утвердился послѣ паденія Наполеона и возстановленія республики.

Пробыли мы въ Парижѣ около мѣсяца, потомъ поѣхали обратно въ Москву, съ разными остановками по случаю беременности жены. Въ Москву мы прибыли въ началѣ мая. Жена осталась у своихъ родныхъ, а я тотчасъ же уѣхалъ въ деревню, куда призывали меня дѣла.

Наняли мы квартиру въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ доктора-акушера Николаева, черезъ домъ отъ дома моего дѣда и моего холостого жительства. Вернулся я изъ деревни въ началѣ іюля и занялся устройствомъ своей квартиры. Жена моя, по случаю своей беременности, не могла много выѣзжать. За хлопотами прошелъ мѣсяцъ и 3 августа родилась дочь моя Нина.

ГЛАВА XIV.

Кончина Московскаго Генералъ-Губернатора Тучкова.—Назначеніе Офросимова.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Московское общество.—Шиповы, Сухотинъ, Катковъ и Н. А. Милютинъ. Англійскій клубъ.

Во время пребыванія нашего заграницей, скончался Московскій Генералъ-Губернаторъ Тучковъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Офросимовъ. Офросимовъ былъ вдовецъ, и вотъ явился новый призъ въ туманѣ: Московскія молодыя вдовы и барышни, втайнѣ желая сдѣлаться генералъ-губернаторшами, были любезно предупредительны къ высокопоставленному кавалеру. Все и всѣ присѣдали передъ нимъ, какъ католики передъ своимъ божествомъ. Офросимовъ мало обращалъ вниманія на низкіе реверансы и смотрѣлъ на окружающихъ его разноцвѣтныхъ бабочекъ, какъ турецкій султанъ смотритъ усталымъ взглядомъ на надоѣвшій ему гаремъ. Знаменитая генеральша Ч.., желавшая подвесть ему своихъ протеже, но не имѣвшая въ томъ успѣха, прозвала его Малекъ-Аделемъ, къ которому всѣ льнутъ, а онъ, въ благодарность, обдаетъ ихъ презрительнымъ усталымъ взглядомъ.

Офросимовъ пробылъ недолго и въ августѣ 1865 года во время обѣда даннаго имъ Императору Александру II былъ замѣненъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ.

По окончаніи роскошнаго обѣда въ генералъ-губернаторскихъ покояхъ, даннаго генераломъ отъ Инфантеріи Офросимовымъ, на которомъ благоволилъ присутствовать Императоръ Александръ II, Государь, все время благосклонно бесѣдовавшій съ генералъ-губернаторомъ, сказалъ ему, я такъ радъ бесѣдовать съ тобою о государственныхъ дѣлахъ, что назначаю тебя состоять лично при мнѣ, а на твое мѣсто назначаю тебѣ преемникомъ генералъ-адъютанта В. А. Долгорукова. Офросимовъ получилъ бриллiантовые вензеля на эполеты и переселился въ Петербургъ. Новый генералъ-губернаторъ вскорѣ прибылъ въ Москву. Онъ не былъ Москвѣ новинкой. Сестра его, княгиня Львова, живя безотлучно въ Москвѣ, веселила москвичей постоянными балами, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ и ея братъ князь В. А. Долгоруковъ.

Первый адъютантъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, былъ москвичъ лейбъ-гусаръ князь Федоръ Михайловичъ Урусовъ, другой его адъютантъ, хотя по службѣ въ кавалергардскомъ полку петербуржецъ, но по владѣнію дома на Варваркѣ тоже москвичъ, Михаилъ Львовичъ Величковскій, былъ сосѣдъ князя по балетнымъ спектаклямъ въ Петербургѣ, гдѣ въ одномъ изъ антрактовъ князь и предложилъ Величковскому мѣсто своего адъютанта.

Князь Долгоруковъ вскорѣ прибылъ въ Москву одинъ, княгиня лѣчилась за границей и пріѣхала въ Москву только къ новому году. Княгиня была женщина болѣзненная. Во время пріемовъ она постоянно глотала маленькими ложечками шоколадъ. чашка котораго всегда стояла на столикѣ. Княгиня недолго прожила въ Москвѣ и скоро скончалась. Во время жизни княгини въ Москвѣ этикетъ дома былъ строгій, даже самъ князь Владиміръ Андреевичъ появлялся къ столу княгини не иначе, какъ въ эполетахъ; не то было по кончинѣ княгини, особенно въ послѣднее время, когда тамъ царствовали Хотинскіе и имъ подобные. Смѣна адъ-

ютантовъ была безпрестанная, только двое первоназначенныхъ оставались постоянно при князѣ. Промелькнулъ метеоромъ въ должности адъютанта князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Кромѣ оффиціальныхъ адъютантовъ при князѣ постоянно состояли приватные: князь Хилковъ, П. М. Хрущовъ, князь Василій Андреевичъ Оболенскій, (по общественной кличкѣ Казимодо), Иванъ Ивановичъ Красовскій, Хотинскій и другіе чередовались между собою. Были и дамы, состоящія при немъ въ числѣ протеже: сначала С. П. Нарышкина, потомъ Ю. А. Воейкова, В. Е. Чертова, Е. Андр. Гагарина, черезъ которыхъ многіе добивались разныхъ выгодныхъ мѣстъ и наградъ. Вообще князь благодаря царской милости жилъ въ Москвѣ владѣтельной особой. Князь пользовался популярностью благодаря доступности своей всѣмъ и каждому. Всякій могъ явиться къ нему съ своей нуждой и просьбой и тотчасъ былъ выслушанъ и по возможности удовлетворенъ въ своей просьбѣ. Вотъ и причина Долгоруковскихъ улицъ, училищъ, пріютовъ и больницъ.

Новый генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву назначилъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ генералъ-маіора Н. У. Арапова. Араповъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ точнаго и пунктуальнаго исполненія отданныхъ имъ приказаній. Строгій приказъ Арапова однажды довелъ его до курьезнаго казуса.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ десятомъ часу вечера пролетѣлъ по Московскому небосклону метеоръ. На другой день въ Московской прессѣ появилось описаніе метеорологическаго явленія. При утреннемъ рапортѣ Московскаго оберъ-полиціймейстера Арапова Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову, князь спросилъ Арапова, видѣлъ ли онъ полетъ метеора? Оказалось, что послѣдній вечеромъ былъ въ гостяхъ и не только ничего не видѣлъ, но даже ничего не слышалъ про воздушное явленіе.

Князь шутя замѣтилъ Арапову, что ему, какъ блюстителю порядка въ столицѣ, слѣдовало бы знать о всѣмъ происшествіяхъ въ оберегаемой имъ столицѣ. Араповъ, вер-

нувшись домой, потребовалъ къ себѣ докладчика экстренныхъ происшествій. Сдѣлавъ выговоръ за недонесеніе путешествія аэролита по небосклону Москвы, приказалъ: впередъ доносить ему заблаговременно о всѣхъ экстренныхъ воздушныхъ явленіяхъ. Распоряженіе свое приказалъ отдать въ приказѣ по полиціи. Аккуратный чиновникъ въ точности исполнилъ приказъ своего начальника.

На слѣдующій день читали: его превосходительство М. о.-полиціймейстеръ замѣтилъ, что чины полиціи не донесли ему о пролетѣ метеора по небосклону Москвы, вслѣдствіе чего предписываетъ: экстренно, заблаговременно доносить ему о всѣхъ воздушныхъ необычайныхъ явленіяхъ, могущихъ произойти на небосклонѣ Москвы, дабы его превосходительство заблаговременно могъ принять соотвѣтствующія мѣры.

Жили мы съ женою скромно. Жена долго не оправлялась послѣ родовъ. Кромѣ того до конца января, мы были въ траурѣ по случаю смерти дѣда, и потому кромѣ родныхъ никуда не выѣзжали.

Въ Москвѣ все жило по старому: помѣщики проѣдали свои выкупныя свидѣтельства, продавая ихъ по 70 коп. за рубль, а кто успѣлъ ихъ прожить, то занималъ деньги подъ залогъ имѣній по 18 и болѣе процентовъ. Что же было дѣлать? Банковъ никакихъ. А благодѣтели изъ купечески Колупаевской семьи, менѣе не брали; кромѣ того обставляли займы огромными неустоечными условіями.

Въ 8 верстахъ отъ Тамбовскаго моего имѣнія находился чугуно-плавильный заводъ братьевъ Шиповыхъ Николая и Дмитрія Павловичей, съ которыми я былъ знакомъ. Бывая у нихъ въ Москвѣ, я познакомился съ ихъ братомъ, генералъ-адъютантомъ Сергѣемъ Павловичемъ Шиповымъ, бывшимъ Казанскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Сергѣй Павловичъ Шиповъ, въ царствованіе Императора Александра I командовалъ Семеновскимъ полкомъ, послѣ знаменитаго его бунта, и приводилъ его въ порядокъ относительно воинской дисциплины. Я любилъ бывать у него и слушать его разсказы о временахъ Императора Александра I. Женатъ онъ былъ на графинѣ Комаровской, Аннѣ Евграфов-

нѣ. Постояннымъ ихъ посѣтителемъ былъ Сухотинъ, совѣтникъ дворцоваго управленія. Сухотинъ зналъ всѣ московскія новости и сыпалъ ими, какъ изъ рога изобилія. Москва раздѣлялась въ политико-экономическомъ отношеніи на два лагеря. Большинство приклонялось передъ Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ за защиту его дворянскаго и чисто-русскаго направленія, какъ въ прессѣ, такъ и въ законодательныхъ работахъ. Другая же партія группировалась около Николая Алексѣевича Милютина, бывшаго главнаго руководителя и вдохновителя крестьянской реформы, когда онъ, по выходѣ въ отставку послѣ преобразованій въ Польшѣ, поселился въ Москвѣ. Страстной бульваръ и Поварская, гдѣ жилъ Милютинъ, были центры противоположныхъ лагерей. Московскія барыни въ знакъ солидарности съ проповѣдуемыми имъ теоріями поднесли Михаилу Никифоровичу огромные ковры, вышитые ими по канвѣ, въ знакъ справедливой защиты имъ правъ дворянства. Ковры эти постоянно украшали стѣны гостинной, занимаемой имъ квартиры.

Въ англійскомъ клубѣ, въ чернокнижной, которая въ то время была за библіотекой, ораторствовали Лонгиновъ, Соболевскій, Юрій Самаринъ, Голохвастовъ, Уваровъ, и др. Здѣсь рѣшались многіе законодательные и реформенные вопросы, хотя словесно, но къ нимъ прислушивались въ Петербургѣ. Графъ Уваровъ, Голохвастовъ, профессоръ Дмитріевъ и другіе принимали въ дебатахъ большое участіе. Впослѣдствіи, когда число членовъ уменьшилось и средства клуба сократились, то чернокнижная съ двумя другими комнатами, была уступлена сосѣднему магазину, а говорильню перевели въ каминную, что находилась за инфернальною комнатою. Но то была уже не чернокнижная а просто говорильня. Соболевскій умеръ, Лонгиновъ былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ, а потомъ начальникомъ печати. Голохвастовъ лежалъ больной, а Уваровъ бывалъ весьма рѣдко. Остальные тоже разбрелись или умерли. Въ говорильнѣ составилось другое общество, подъ предсѣдательствомъ Ивана Ильича Маслова съ ассистентами: Львомъ Николаевичемъ Волко-

14 Сентября охота въ имѣніи Графа Толстого.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

вымъ и Павломъ Григорьевичемъ Извольскимъ. Масловъ былъ воспитанникъ знаменитаго безрукаго генерала Скобелева, взятый имъ гдѣ-то въ Полтавской губерніи, сынъ какой-то вдовы чиновницы, гдѣ старый генералъ проживалъ по какому-то дѣлу. Онъ ненавидѣлъ дворянъ и язвилъ весь высшій міръ, насколько у него хватало умственныхъ способностей. Масловъ также ненавидѣлъ людей богатыхъ и клеймилъ ихъ по Прудоновски, говоря что «собственность есть воровство», но самъ постоянно ѣздилъ въ каретѣ и ежедневно бывалъ въ театрѣ, сидя въ первомъ ряду креселъ. Когда онъ умеръ, то послѣ него остался большой капиталъ.

Помню я англійскій клубъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. На угловомъ диванѣ, при входѣ въ билліардную, возсѣдали по субботамъ: князь Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Лобановъ-Ростовскій, князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій, Никита Егоровичъ Панинъ и многіе другіе. Ареопагъ этотъ строго осматривалъ дефилирующую публику и едва замѣтными кивками отвѣчалъ на почтительные поклоны проходившихъ. Вообще уваженіе и почтительность къ старымъ и заслуженнымъ людямъ соблюдалась строго молодежью и среднимъ возрастомъ. Я помню въ 1857 году, 22 іюля, въ день празднованія дня Ангела Императрицы Маріи Александровны, я былъ посланъ Московскимъ комендантовъ Кизмеромъ къ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, въ Николаевскій институтъ, поздравить его съ высокоторжественнымъ днемъ и извиниться, что, по нездоровью, онъ самъ на праздникѣ быть не можетъ. Когда я пріѣхалъ въ Воспитательный домъ, то церковная служба началась, и я долженъ былъ ждать ея окончанія. Подойдя въ числѣ прочихъ, къ князю Сергѣю Михайловичу, послѣ молебна, я былъ любезно имъ обласканъ и приглашенъ занять мѣсто за накрытымъ для завтрака столомъ, которымъ роскошно угощали всѣхъ приглашенныхъ лицъ. Кругомъ всѣ мѣста были заняты и я не зналъ куда идти. Князь Сергѣй Михайловичъ, замѣтивъ мое затруднительное положеніе, тотчасъ обратился къ князю Николаю Ивановичу Трубецкому, прося его указать мнѣ мѣсто за накры-

тымъ столомъ. Несмотря на свое высокое положеніе надо было видѣть, съ какою любезностью князь Николай Ивановичъ исполнилъ просьбу князя Сергѣя Михайловича. Тотчасъ мѣсто для меня было отыскано невдалекѣ отъ предсѣдателя, и это сдѣлало лицо, которое, въ другое время, едва бы замѣтило мое существованіе. Конечно, я не могъ принять это на свой счетъ, но это доказывало, какъ высокіе сановники уважали заслуги и положеніе другъ друга. Не то, что теперь: лица, занимающія высокое положеніе, но выскочившія почти изъ станціонныхъ вѣсовщиковъ, при каждомъ случаѣ стараются оборвать всякаго имѣющаго до нихъ надобность, если онъ не принадлежитъ къ ихъ толку, а происходитъ изъ порядочнаго общества и по какому-нибудь случаю, имѣетъ въ нихъ надобность.

Понемногу, по оскудѣнію средствъ дворянства, число членовъ уменьшалось постепенно и изъ 600 членовъ и 100 временныхъ посѣтителей, обратилось въ 200 человѣкъ, да и то туда попали лица, въ прежнее время не мечтавшія и прогуляться по заламъ въ качествѣ гостей. Я помню время, когда вереница членовъ ожидала назначеннаго часа въ пятницу вечеромъ, когда можно было записать гостя на субботній обѣдъ, такъ какъ число гостей ограничивалось пятьюдесятью человѣками. Теперь рѣдко, когда число субботнихъ обѣдовъ достигаетъ ста человѣкъ. Между тѣмъ, въ старинное дворянское время не только вся обѣденная зала была плотно установлена покрытыми столами, но и портретная, гостиная была занята обѣдающими членами.

Много старинныхъ разсказовъ слышалъ я отъ князя Сергѣя Яковлевича Грузинскаго. Разсказы эти начинались со временъ Императрицы Екатерины II, при которой князь хотя былъ еще ребенкомъ но, числясь пажемъ ея, бывалъ во дворцѣ въ торжественныхъ случаяхъ.

ГЛАВА XV.

1864.—Опубликованіе новыхъ уставовъ.—Судопроизводства и Земства.—Поѣздка Цесаревича Николая за границу и помолвка съ Датской Принцессой Дагмарой.—Пріѣздъ Царской семьи въ Москву.—Московскіе типы.

1864 годъ принесъ Москвѣ массу новшествъ. Опубликованы были новые уставы судопроизводства. Объявлено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Все это, какъ новинка сильно волновало общественныхъ дѣятелей. Но новые суды открылись только въ 1866 году. Конечно, первое время судьи, подсудимые и другіе дѣятели плохо понимали свои права и обязанности. Увлеченія были часты и нерѣдко доходили до судебнаго самодурства а въ земской администраціи до превышенія своихъ правъ. Вообще въ царившемъ тогда хаосѣ трудно было оріентироваться, что тяжело отзывалось на общественной жизни. Въ Москвѣ были открыты новые суды и мировыя учрежденія. Составъ судей былъ разношерстный, но въ большинствѣ случаевъ съ сильно либеральной подкладкой. Вообще желаніе судей было какъ нибудь оскорбить или унизить лицо, выше ихъ поставленное въ общественномъ положеніи. Я помню случай съ Александромъ Борисовичемъ Казаковымъ, который за то, что, бывъ директоромъ какой-то строившейся желѣзной дороги, не далъ мѣста какому-то субъекту, и былъ привлеченъ имъ отвѣтственности къ мировому судьѣ и приговоренъ послѣднимъ къ аресту, будто бы за рѣзкій отказъ, и только, Мировой Съѣздъ ограничился штрафомъ во сто рублей. Современные судьи стали благоразумнѣе и не прибѣгаютъ къ крутымъ мѣрамъ прежняго времени и не мечтаютъ какъ прежніе объ уравненіи всѣхъ къ одному знаменателю, а себя не ставятъ на недосягаемый пьедесталъ, какъ Римскіе Трибуны и Цензоры. Вообще это было грустное время, худо понятыхъ правъ, новосозданныхъ юристовъ. Оправданіемъ имъ могло служить, что они, какъ вырвавшіеся на волю кони со стойла конюшни, не имѣя узды брыкались направо и налѣво, нанося себѣ и обществу вредъ и въ то же время думая, что приносятъ пользу. Кромѣ того

масса шантажныхъ дѣльцовъ запугивало общество не разъясненными статьями закона, а новоиспеченные судьи держались болѣе формочки, чѣмъ сути дѣла.

Осенью Императорское семейство отправилось на воды въ Германію по случаю нездоровья Императрицы Маріи Александровны, а потомъ вернувшійся въ Россію Государь снова выѣхалъ въ Дармштадтъ, чтобы сопровождать Государыню въ Ниццу, куда доктора послали Императрицу провесть зиму, туда же впослѣдствіи отбылъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Въ сентябрѣ былъ объявленъ Высочайшій Манифестъ о помолвкѣ Цесаревича съ Датскою Принцессою Дагмарою.

Въ старинное помѣщичье время въ Москвѣ было много типичныхъ личностей. Во всѣхъ маскарадахъ и общественныхъ балахъ можно было встрѣтить двухъ молодящихся раскрашенныхъ старцевъ: отставного корнета Ехемзина и штабсъ-ротмистра Карра. Ехемзинъ былъ богатый холостякъ, помѣщикъ нѣсколькихъ губерній; имѣлъ собственный домъ въ Гнѣздникахъ, близъ дома Московскаго Оберъ-Полицiймейстера. Посѣтитель всѣхъ клубныхъ обѣдовъ, театра и маскарада. На послѣднемъ онъ угощалъ совершенно незнакомыхъ ему масокъ, если онѣ его о томъ просили. Ехемзинъ былъ небольшого роста, пузатенькій господинъ, обвѣшанный золотыми и брилліантовыми вещами, весьма скромный и вѣжливый. У себя принималъ холостую компанію весьма рѣдко, но если принималъ, то устраивалъ пьянство веліе. Масса родственниковъ окружала его и каждый по очереди имѣлъ на него вліяніе, такъ что духовное завѣщаніе его переписывалось безпрестанно. Послѣдняя воля его возбудила уголовное дѣло, говорили, что послѣднее завѣщаніе подписано не имъ, и что когда свидѣтели въ дверяхъ спальни спрашивали, онъ ли подписалъ духовную, то вмѣсто него отвѣтилъ «да» одинъ изъ его родственниковъ, спрятавшійся подъ его кроватью.

Карръ, потомокъ генерала Карра, усмирителя Емельки Пугачева, былъ въ молодости извѣстный кутила, промотавшій большое состояніе, когда я встрѣчалъ его въ общественныхъ мѣстахъ, то это была уже реставрированная

молодящаяся руина. У Карра еще былъ домъ противъ Вдовьяго Дома и хорошій выѣздъ лошадей. Карръ старался не пропускать миловидныхъ барынь, любительницъ общественныхъ увеселеній, но успѣха уже не имѣлъ. Легенды про его прошлое были многочислены. Какъ-то взбѣсившіяся лошади выбросили его на мостовую и сломали ему ногу. Карръ исчезъ съ общественнаго горизонта. Впослѣдствіи я встрѣтилъ его сѣдого и нераскрашеннаго у его родственницы, гдѣ онъ проживалъ, потерявъ свое состояніе. Оба типа въ обществѣ не бывали. Были типы другого вида. Кублицкій. Литераторъ-диллетантъ, пробовавшій издавать журналъ «Европу». Типъ международнаго европейца. Человѣкъ много читавшій, много путешествовавшій, видѣвшій много людей, много знаменитостей, бывшій со многими на дружеской ногѣ. Независимый въ средствахъ, веселый и занимательный разсказчикъ съ большими литературными свѣдѣніями. Но все это не примѣнилось ни къ какой практической цѣли. Хотя въ эпоху великихъ реформъ голосъ его имѣлъ значеніе въ общественной жизни. Какъ-то онъ отцвѣлъ, не успѣвъ разцвѣсть.

Лука Ивановичъ Похвисневъ. Гусаръ, получившій отъ отца въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ съ великолѣпными имѣніями въ Симбирской губерніи. Жилъ на распашку, веселой гусарской жизнью въ Москвѣ. Ежедневный посѣтитель театровъ, клубовъ и домовъ, гдѣ играли въ карты. Пристрастился къ балету и близко сошелся съ балериной Е.....вой. Такая жизнь скоро разстроила его состояніе, а тутъ подвернулась благодѣтельница Анна Степановна Воейкова, ссудившая ему подъ залогъ имѣнія деньги, и онъ весьма скоро уступилъ свои владѣнія Валеріану Александровичу Воейкову (Китайцу—прозвище, данное ему товарищами), который взялся урегулировать его отношенія къ кредиторамъ и сожительницѣ, но скоро имѣніе его было продано съ аукціона. Лучшее досталось А. С. Воейковой. Когда Похвисневъ былъ богатъ, то московскія кумушки всячески потакали его фантазіямъ, такъ что онъ вообразилъ себя маркизомъ Карабасомъ, потому, не встрѣчая возраженій, вралъ невѣроятно.

Извѣстный разсказъ его про часы облетѣлъ всю Москву. Я торопился ѣхать въ театръ, разсказывалъ Похвисневъ, и второпяхъ садясь въ сани, обронилъ часы, минуя карманъ, въ снѣгъ. Это было зимой. Когда въ началѣ весны снѣгъ началъ таять и сдѣлался рыхлъ, то, проѣзжая бульваромъ, я получилъ сильный ударъ въ лицо комкомъ снѣга, брошеннаго копытомъ пристяжной лошади. Невольно я схватился за щеку и ощутилъ что-то твердое въ снѣгу. Вообразите, это были мои часы, совершенно цѣлые и даже продолжали идти. Вранье его было колоссально и разъ, во время проѣзда его въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги, послѣ продолжительнаго хвастовства, онъ обратился къ пассажиру, одѣтому въ енотку съ тирадой. Удивляюсь! какъ вы можете терпѣть въ такомъ одѣянiи собачiй холодъ вагона (въ то время вагоны не отапливались), на мнѣ соболья шубка и сверхъ нее надѣта ильковая шуба и я дрогну. Что вы дали за шубку и за шубу? спросилъ пассажиръ. Не знаю, этимъ завѣдываетъ мой камердинеръ, отвѣтилъ Похвисневъ. А я купилъ свою енотку за шестьдесятъ рублей и когда вспомню сколько лишенiй и труда стоило мнѣ добыть эти деньги, то отъ одного воспоминанiя меня бросаетъ въ жаръ. Былъ еще типъ другого гусара, Карабановъ. Богатый человѣкъ, посѣтитель театровъ, общественныхъ баловъ, маскарадовъ и гулянiй. Человѣкъ въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, содержанокъ не имѣлъ, ни празднествъ, ни кутежей не устраивалъ, а въ непродолжительное время растратилъ свое состоянiе. Карабановъ былъ всегда тщательно одѣтъ, имѣлъ великолѣпный экипажъ, посѣщалъ только приличныя общества, всегда былъ скроменъ и деликатенъ, ни съ кѣмъ не дружился, а напротивъ отъ всѣхъ сторонился, какъ будто бы боясь заразы. Особенно въ послѣднее время своего пребыванiя въ обществѣ, онъ ѣздилъ въ театръ только въ ложу, гдѣ сидѣлъ въ одиночествѣ. Вообще отчужденность свою даже отъ прислуги онъ довелъ до того, что уничтожилъ свою конюшню, сдавъ содержанiе ея Николаю Кроткову, который и завѣдывалъ его выѣздомъ, получая за это хорошiя деньги. Подъ конецъ своей жизни отчужденiе отъ всего и всѣхъ привело его къ умопомѣшательству.

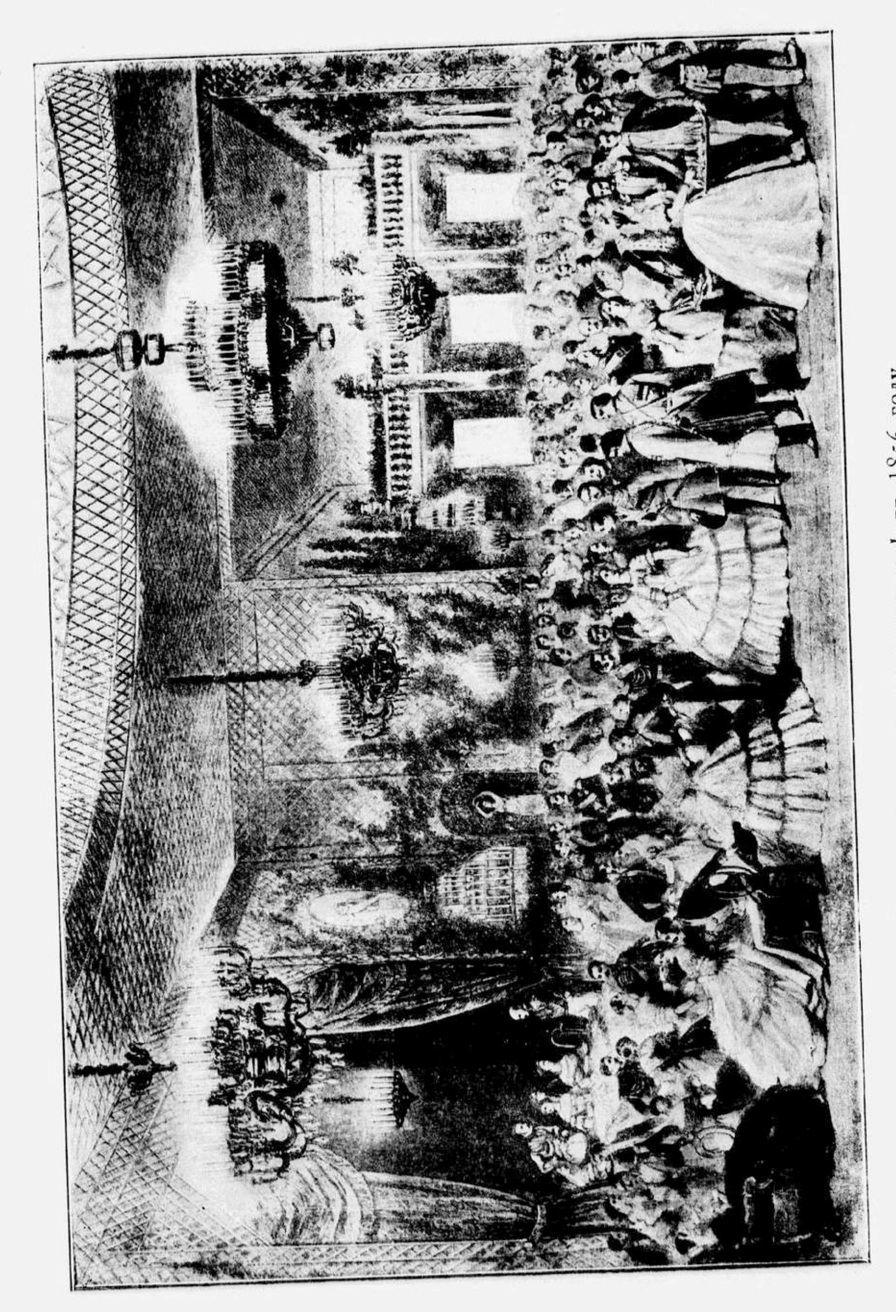
Докторъ Оверъ. Слава его началась въ Москвѣ послѣ изданнаго имъ сочиненiя, разосланнаго ко всѣмъ дворамъ Европы. Отвѣтъ состоялъ въ присылкѣ орденовъ различныхъ государствъ. Оверъ былъ живой, красивый французъ, поклонникъ дамъ и ихъ любимецъ. Практика его была обширна. Часто, его привозили къ нуждающемуся въ немъ больному, безъ его воли. Для этого нужно было обратиться съ подаркомъ къ его кучеру, который распоряжался своимъ хозяиномъ, увѣряя его, что онъ обѣщалъ тутъ быть. Положенной платы у Овера за визитъ не было. Но въ большинствѣ ему платили 10 или 15 рублей. Послѣднее время, когда онъ былъ вторично женатъ на Цуриковой, то часто посѣщенiя его можно было достичь, благодаря ходатайству его супруги, живой и энергичной особы. Оверъ почти ежедневно посѣщалъ домъ графа Закревскаго, гдѣ былъ своимъ человѣкомъ, такимъ же остался и по выходѣ въ отставку графа. Были лица, которыя старались жить вблизи его дома въ Москвѣ и нанимали дачи рядомъ съ нимъ, когда онъ на лѣто покидалъ Москву, такъ велика была увѣренность въ его медицинскихъ свѣдѣнiяхъ и непогрѣшимости дiагноза.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ подъ Новинскимъ, на внутренней его сторонѣ, въ собственномъ домѣ съ большимъ каменнымъ балкономъ на улицу, жилъ богатый помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Барыковъ.

Барыковъ всю свою бурную жизнь прожилъ холостымъ и только подъ старость женился на вдовѣ своего крѣпостного крестьянина, Екатеринѣ Васильевнѣ. Во время продолжительной болѣзни Барыкова онъ такъ привыкъ къ ухаживавшей за нимъ Екатеринѣ Васильевнѣ, что когда она, вознагражденная большою суммой за свои труды, нашла себѣ жениха и объявила о томъ Барыкову, то онъ, не желая лишиться ея услугъ, объявилъ ей, что самъ женится на ней.

Свадьба эта произвела много шума въ Москвѣ. Барыковъ былъ большой хлѣбосолъ и два раза въ недѣлю устраивалъ обѣды «съ генералами». За его обѣдами можно было встрѣтить почти всѣхъ московскихъ сенаторовъ и

почетныхъ опекуновъ. На масленицѣ и пасхальной недѣлѣ званые обѣды повторялись почти ежедневно. Особенно торжественны были обѣды въ продолженіе пасхальной недѣли. По окончаніи ихъ всѣхъ присутствовавшихъ на нихъ генераловъ усаживали на балконъ любоваться катаньемъ и слушать музыку, раздававшуюся съ балконовъ балагановъ. Катающаяся и прогуливавшаяся публика могла судить про обширность знакомства богатаго барина. На масленицѣ, по случаю холода, генералы разсаживались у оконъ; это не такъ было видно, и эффектъ былъ не полонъ. Подъ Новинскимъ, гдѣ теперь засаженъ бульваръ членомъ московской городской управы Петунниковымъ по распоряженію городского головы Сер Мих. Третьякова, прежде былъ пустырь, огороженный небольшими, врытыми въ землю, столбами, соединенными деревянными между ними перекладинами. На Масленицу и Пасху весь пустырь застраивался балаганами, качелями, панорамами и временными выставками зелена-вина. Разгулъ былъ широкій. Отъ четырехъ до 8 часовъ вечера катались собственники парныхъ экипажей. Купцы показывали своихъ откормленныхъ рысаковъ, а дворянство—галунныя ливреи своихъ выѣздныхъ драбантовъ. Было много оригинальныхъ выходокъ. Извѣстный издатель журнала «Зритель» Калошинъ, у котораго домъ былъ подъ Новинскимъ, самъ прогуливался пѣшкомъ, но великолѣпный лягавый песъ его, преважно развалясь на подушкахъ коляски, катался по кругу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Избранная московская молодежь прогуливалась пѣшкомъ или, въ видѣ воробьевъ, сидѣла на жердочкахъ, соединяющихъ врытые въ землю столбы. Несмотря на плохо содержимую мостовую, такъ что я помню довольно глубокій снѣгъ на Пасху 1859 года, катающихся подъ Новинскимъ была масса, особенно послѣднія дни недѣли. Вся эта публика любовалась сонмомъ генераловъ, собраннымъ на балконѣ дома Барыкова. Женившись, Барыковъ взялъ гувернантку къ своей женѣ, въ числѣ обязанностей которой заключалось учить ее грамотѣ, а главное—«цыфирю», какъ выражалась почтенная Екатерина Васильевна. Знаніе ариѳметики было ей необходимо, такъ какъ картеж-

Балъ во французскомъ посольствѣ въ 1856 году.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

ная игра доминировала въ домѣ. Въ гостиной и залѣ играли въ преферансъ и ералашъ, а въ кабинетѣ хозяина, далеко за полночь, царствовалъ банкъ и ландскнехтъ. Барыковъ, какъ богатый человѣкъ, ссужалъ народившимся тогда строителямъ желѣзныхъ дорогъ процентныя бумаги для представленія въ залоги, и денежные тузы считали за долгъ участвовать въ его пирахъ и картахъ. Во время своей болѣзни онъ далъ слово устроить богадѣльню и дѣйствительно, по выздоровленіи, купилъ домъ въ Дурновскомъ переулкѣ, на Пречистенкѣ, устроилъ въ немъ храмъ и обезпечилъ содержаніе призрѣваемыхъ, внеся на содержаніе богадѣльни сорокъ тысячъ рублей. Когда устраивался на Прѣсненскихъ прудахъ Зоологическій садъ, то на деньги Барыкова былъ купленъ сосѣдній домъ, мѣшавшій распланировкѣ сада, за что Барыковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Желаніе Барыкова, чтобы къ нему въ гости пріѣхалъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревсій, а также, чтобы графъ позвалъ его къ себѣ обѣдать, — не исполнилось. Барыковъ предлагалъ всѣмъ своимъ знакомымъ пожертвовать тридцать тысячъ на благотворительныя дѣла, если кто-нибудь осуществитъ ему его завѣтную мечту. Многіе передавали это графу, который много смѣялся затѣямъ богатаго самодура, но желанія его не исполнилъ.

Супруга Барыкова, несмотря на свою необразованность, имѣла на него сильное вліяніе. Не только она лично была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, но даже ея племянницы были вызваны изъ деревни, получили нѣкоторый лоскъ образованія и выданы замужъ: одна—за чиновника опекунскаго совѣта, а другая за армейскаго офицера.

Многія благотворительныя дамы московскаго общества, пользуясь тщеславіемъ Барыкова, нерѣдко выпрашивали у него довольно крупныя суммы на патронируемыя ими учрежденія. Несмотря на болѣзненное состояніе, Иванъ Ивановичъ продолжалъ жить невоздержною жизнью, и постоянные гастрономическіе обѣды да картежная игра до утренней зари подкосили, наконецъ, его хилое здоровье. Большую часть своихъ родовыхъ населенныхъ имѣній онъ

распродалъ до объявленія эмансипаціи и накупилъ нѣсколько доходныхъ домовъ въ Москвѣ, управленіе которыми ввѣрилъ знаменитому переводчику римскихъ классиковъ Клеванову. По кончинѣ его половина его состоянія перешла по духовному завѣщанію къ его женѣ, а оставшіяся непроданными родовыя имѣнія—къ дальнимъ его родственникамъ, князьямъ Енгалычевымъ и Ѳедоровымъ.

Среди дамъ Московскаго общества существовалъ негласный патронатъ, подъ покровительствомъ котораго начинали свою жизненную карьеру юныя дебютанки общества. Особы, имѣвшія положеніе въ обществѣ, благодаря служебнымъ отношеніямъ своихъ мужей, или аристократичности своего рожденія, не имѣя собственныхъ дѣтей, но, желая пародировать въ общественной жизни и тѣмъ имѣть предлогъ посѣщать общественныя собранія, съ большой охотой брали на себя обязанность вывозить въ свѣтъ начинающихъ дебютантокъ. Конечно, большинство такихъ дебютантокъ состояло изъ богатыхъ пріѣзжихъ или недавно разбогатѣвшихъ семей, не успѣвшихъ составить себѣ прочный и избранный кругъ знакомыхъ.

Патронессы вывозили ихъ на балы и собранія, прикрываясь именемъ родственницъ, хотя родство часто шло чуть чуть не отъ Адама или Ноя.

Конечно, родители дебютантокъ не оставались въ долгу предъ патронатомъ, и различные подарки въ именинные и высокоторжественные дни подносились покровительницамъ дебютантокъ.

Вывозя дѣвицъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствовали также начинающей свою карьеру молодежи, представляя ихъ въ семейные дома и протежируя имъ въ службѣ, ходатайствомъ и и похвалою, предъ начальствомъ. Принося другимъ нѣкоторую пользу они вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свой престижъ и пріобрѣтали популярность.

Нерѣдко, благодаря ихъ хлопотамъ устроивались браки съ коммерческой или карьерной цѣлью. Такихъ патронессъ было нѣсколько. Но особо выдѣлялись своею популярностью двѣ. Жена сенатора Варвара Евграфовна Чертова и Княжна Екатерина Андреевна Гагарина.

Первая начала патронировать еще въ пятидесятыхъ годахъ во времена Графа Закревскаго, придерживаясь всегда благоволеніямъ Московскихъ Генералъ-Губернаторовъ, а для мужского патроната, пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, поддерживавшаго ее на почвѣ благотворительности.

Вторая дѣйствовала уже въ послѣднее время, во время второй половины Генералъ-Губернаторства князя Владиміра Андреевича Долгорукова, съ которымъ была въ дружескихъ отношеніяхъ, и кромѣ того имѣла поддержку въ родственныхъ отношеніяхъ Петербургской сферы.

Варвара Евграфовна Чертова была дочь небогатаго помѣщика Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда, Мосолова. Отецъ ея имѣлъ всего съ небольшимъ сто душъ, съ дохода которыхъ долженъ былъ содержать и воспитывать семью, заключающуюся изъ сына и трехъ дочерей. Варвара была младшею изъ нихъ и благодаря богатымъ родственникамъ въ домѣ которыхъ воспитывалась въ г. Саратовѣ, получила сообразно тому времени блестящее образованіе. При весьма красивой наружности, большомъ умѣ, а главное врожденной ловкости примѣняться къ обстоятельствамъ и людямъ, она вскорѣ составила себѣ положеніе, выйдя замужъ за богатаго Казанскаго помѣщика Лебедева. Замужество ея съ Лебедевымъ было непродолжительно. Мужъ ея скончался, не оставивъ потомства и Варвара Евграфовна осталась молодой вдовой, проживать въ семьѣ мужа. Вторично она вышла замужъ за коменданта Казанской крѣпости генералъ-лейтенанта Павла Апполоновича Чертова. Вскорѣ Чертовъ былъ перемѣщенъ въ Москву на должность презеуса военнаго суда, при Московскомъ Ордонансъ-Гаузѣ. Потомъ сдѣланъ сенаторомъ и скончался въ Москвѣ генераломъ отъ инфантеріи и первоприсутствующимъ сенаторомъ, девяносто шести лѣтъ.

Тотчасъ по водвореніи своемъ въ Москвѣ В. Е. завела прочныя связи въ Московскомъ обществѣ, а главное стала правою рукою супруги Московскаго Генералъ-Губернатора

княгини Софьи Степановны Щербатовой. Не было богатаго или влiятельнаго дома въ Москвѣ, причастнаго къ общественной благотворительности гдѣ бы В. Е. не числилась членомъ, патронессой, попечительницей или вицъ-предсѣдательницей. Не было богатаго или влiятельнаго дома въ Москвѣ, гдѣ бы В. Е. не была знакома. Усердно объѣзжала она своихъ знакомыхъ, когда возникало какое нибудь благотворительное учрежденiе и вездѣ умѣла возбудить интересъ къ благому начинанiю. Хотя мужъ ее имѣлъ хорошiй достатокъ, но какъ человѣкъ, составившiй большую часть своего состоянiя своимъ трудомъ, былъ весьма расчетливъ въ тратахъ и потому всѣ благотворительные сборы пополнялись В. Е. изъ кармановъ своихъ благопрiятелей. Только послѣ кончины Павла Аполоновича В. Е. показала, что считала свои средства всеобщею принадлежностью, когда почти все, что завѣщалъ ей мужъ, быстро разошлось по разнымъ рукамъ.

Еще въ началѣ своего пребыванiя въ Москвѣ она протежировала семейству богатаго откупщика Колпашникова, дочь котораго выдала весьма удачно замужъ за графа Бобринскаго. Такая удача возбудила зависть маменекъ и со всѣхъ сторонъ появились просьбы вывозить ихъ дочекъ. Варвара Евграфовна никому не отказывала. Долго вывозила она В. Бестужеву, потомъ внучку генеральши Тимофеевой и другихъ; всѣхъ она выдавала за своихъ племянницъ. Когда я появился въ 1856 году на горизонтѣ, Московской жизни, то по отношенiямъ своимъ къ моимъ роднымъ, никогда не отказывавшимъ ей въ пособiи въ благотворительности, она вывозила меня въ свѣтъ, называя своимъ племянникомъ, отчего нерѣдко я бывалъ въ затрудненiи, получая отъ только что представленной меня хозяйки вопросъ: что дѣлаетъ моя кузина В или Н? фамилiи которыхъ я едва вспоминалъ, встрѣчая ихъ у Чертовой. Мой отвѣтъ былъ обыкновенно, что это родные Чертовой съ мужской стороны, а я родня съ женской, потому не знакомъ ни съ В. ни съ Н.

Кромѣ денегъ, собираемыхъ Чертовой съ благотворительною цѣлью, она получала массу цѣнныхъ подарковъ отъ покровительствуемыхъ ею лицъ, на что завистники ея

популярности указывали въ обществѣ. Но въ оправданiе ея можно сказать, „что получала лѣвая ея рука, то тотчасъ же раздавала правая". Всѣ эти подарки тотчасъ же дарились какому-нибудь влiятельному лицу, нужному ей для поддержки ея благотворительной дѣятельности. Я помню, что, возвращаясь съ женою изъ одной изъ поѣздокъ нашихъ изъ чужихъ краевъ, жена моя привезла ей столовую скатерть обюсонъ. Черезъ два или три дня мы посѣтили Московскаго Викарнаго Архiерея Леонида, у котораго на столѣ увидѣли подаренную нами Чертовой скатерть. Чегодаевъ подарилъ В. Е. старинный кубокъ, въ днѣ котораго была вставлена большая монета, временъ Римской Имперiи. Кубокъ этотъ поднесенъ былъ ею Князю В. А. Долгорукову и находится въ числѣ пожертвованныхъ имъ вещей Румянцевскому музею. Такъ шло все въ ея жизни. При жизни своего мужа ея личныя ресурсы были весьма ограничены, Павелъ Аполлоновичъ былъ расчетливъ и не покровительствовалъ благотворительнымъ, изъ его средствъ выходящимъ, тратамъ. Но когда послѣ кончины его она получила послѣ него: домъ въ Савеловскомъ пер., болѣе ста тысячъ денегъ, подмосковное имѣнiе, массу стариннаго серебра и брилллiантовъ, то благотворительная раздача пошла во всю, и по ея кончинѣ остался только небольшой капиталъ, да домъ, купленный чрезъ посредство знаменитаго ходатая по дѣламъ Буша, за десять тысячъ рублей. Хорошо, что цѣнность его, благодаря обстоятельствамъ, возрасла слишкомъ въ десять разъ. Только благодаря высокому благородству, прозорливому такту и необычайной сердечности, наслѣдники Чертовой, облагодѣтельствуемыя ея замѣстителями, будутъ чтить ее память.

Доживъ до глубокой старости, въ послѣднее время она впала почти въ дѣтство, и потому попала въ руки шантажистовъ, которые, пользуясь ея невмѣняемостью, творили ея именемъ некрасивыя дѣла.

Варвара Евграфовна лѣтъ 20 до смерти плохо видѣла, но всегда старалась скрыть это отъ посѣтителей. Когда ей приносили массу бумагъ къ подписи, то, подписывая ихъ, ей казалось, что подписи нѣтъ и она обращалась къ

своей компаньонкѣ съ приказомъ обмакнуть перо въ чернила. Слово „обмакни", часто повторяемое ею, такъ врѣзалось въ ея мозгу, что однажды вмѣсто подписи В. Чертова—она написала обмакни. Конечно бумагу ей возвратили для новой подписи.

Желаніе ея не допускать въ своихъ дѣлахъ какой нибудь неблаговидной огласки, доходило до болѣзненности. Я помню, участвуя, однажды въ благотворительномъ базарѣ, гдѣ къ отведенному столу Чертовой, примыкала довольно большая ниша, въ которой устроили для нея мѣсто отдохновенія и чайный столъ. Въ этотъ укромный уголокъ пригласила она одного высокопоставленнаго генерала, которому вмѣстѣ съ чашкой чая дозволила выкурить папироску. Предательскій запахъ проникъ въ сосѣднюю палатку. Когда Чертова съ своимъ гостемъ выплала въ залъ и уголокъ былъ свободенъ, то сосѣдній продавщикъ Графъ К. проникъ туда, желая также покурить. Но при самомъ началѣ преступнаго дѣйствія, былъ остановленъ завѣдующимъ ея столомъ, нѣкимъ землемѣромъ. Здѣсь не дозволено курить, довольно грубо сказалъ онъ Графу К. Но почему же курилъ Генералъ,—возразилъ К. То была воля Генеральши, а я не могу дозволить. Графъ удалился и при входѣ въ залъ встрѣтилъ своего сотоварища Г. Ну что хорошо Вы накурились? спросилъ послѣдній. Mais non! Ce diable de Cèrbèrs de Mm. Tchertov m'a empêché. Землемѣръ слышалъ разговоръ, но за незнаніемъ французскаго діалекта не могъ понять о чемъ говорять, но слово „церберъ" засѣло въ мозгу землемѣра. Тогда онъ обратился къ присутствовавшей здѣсь компаньонкѣ Чертовой. Макрида Петровна, что значитъ по русски Церберъ? Церберссъ, переспросила Макрида. Да, Церберъ. Церберссъ—собака. Какъ собака?—значитъ Графъ назвалъ меня собакой. Я этого не оставлю. И землемѣръ полетѣлъ съ жалобой къ Чертовой. Спустя немного времени меня отыскала въ публикѣ одна изъ Макридъ генеральши и спѣшно потащила къ Чертовой. Я засталъ ее разстроенной. Она и Макрида разсказали мнѣ инцидентъ и просили уладить безъ шуму недоразумѣніе. Ради Бога уладь жалобно просила Чертова, а то узнаетъ

учредительница базара и мнѣ совѣстно будетъ показать ей глаза. Пошелъ я объяснить землемѣру, что происшествіе есть не болѣе, какъ плодъ плохого знанія Макридой мифологіи и французскаго языка. Церберъ—не собака, сказалъ я ему, а вѣрный хранитель ада. Изображается онъ въ видѣ собаки, какъ эмблема вѣрности, а такъ какъ Вы вѣрный хранитель интересовъ Чертовой, то это нисколько обижать Васъ не можетъ. Не совѣтовалъ я ему объясняться съ Графомъ еще по другой причинѣ. Графъ уже нѣсколько разъ побывалъ въ буфетѣ, и находится въ томъ градусѣ, когда объясненіе съ нимъ рискованно. Землемѣръ не бывши лично храбрецомъ, предпочелъ удалится въ кусты.

Напрасно многіе предполагали, что Чертова не замѣчала производимый подъ ея имнемъ шантажъ. Однажды въ моемъ присутствіи одинъ изъ ея адептовъ поднесъ ей 500 рублей, говоря, что неизвѣстный жертвователь прислалъ ей деньги на благотворительныя дѣла, употребленіе которыхъ онъ представляетъ ея личному распоряженію. Горячо благодарила Чертова передатчика пожертвованія, но когда онъ удалился, то, обратясь ко мнѣ, сказала: мнѣ принесъ 500 рублей, а себѣ за коммиссію навѣрно оставилъ вдевятеро, а награду за пожертвованіе придется отхлопатывать мнѣ и писать рекомендательныя письма.

Княжна Екатерина Андреевна Гагарина, ни въ какихъ благосворительныхъ обществахъ не участвовала, но всетаки квартира ея постоянно осаждалась различными просителями обоихъ половъ. Къ ней благоволилъ Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

Хлопотала она о всѣхъ и у всѣхъ лицъ, занимавшихъ какой-нибудь административный или судебный постъ. Нерѣдко начальствующія лица, совсѣмъ ей незнакомыя и только что прибывшія на вновь назначенную должность въ Москву, получали ея рекомендательныя письма и поневолѣ считали себя обязанными ѣхать къ ней съ удовлетвореніемъ или отказомъ въ ея просьбѣ. Такъ составила она себѣ популярность.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ не только ис-

полнялъ по возможности ея просьбы, но весьма часто самъ дѣлался просителемъ у другихъ властей, исполняя ея рекомендаціи. Во время воскресныхъ пріемовъ по окончаніи обѣдни, въ гостиной князя, если появлялась какая-нибудь неизвѣстная женская личность, то можно было безошибочно сказать, что это одна изъ протеже Екатерины Андревны, привезенная ею для представленія князю.

Въ настоящее время немало лицъ, укоренившихся на службѣ въ Москвѣ, обязанныхъ этимъ протекціи Екатерины Андреевны.

ГЛАВА XVI.

1865 г.—Слухи объ уходѣ М. Н. Муравьева.—Поѣздка въ деревню.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу.—Кончина Цесаревича Николая.—Пріѣздъ Государя въ Москву съ В. К. Александромъ Александровичемъ. Депутація старообрядцевъ.—Пріѣздъ Императрицы Маріи Александровны въ Ильинское.—Пріемъ Голохвастова Государемъ. Поступленіе жены моей помощницей Попечительницы Пречистенскаго отдѣленія Д. П. о бѣдныхъ къ Чертовой, а меня секретаремъ Попечительства.—Александро-Маріинское Училище.—Лотерея.—Постройки въ Училищѣ.

Въ апрѣлѣ въ Москвѣ разнесся слухъ объ уходѣ Виленскаго Генералъ-Губернатора Михаила Николаевича Муравьева, вслѣдствіе обострившихся отношеній его въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Муравьевъ былъ уволенъ съ пожалованіемъ ему графскаго достоинства. Его замѣстилъ К. П. Кауфманъ.

Государь спѣшилъ отъѣздомъ своимъ въ Ниццу, гдѣ Цесаревичъ Николай Александровичъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Государь прибылъ въ Ниццу 10 числа, вмѣстѣ съ нимъ прибыли Великія Князья Владиміръ и Алексѣй, а также Высоконареченная Невѣста съ матерью Датскою Королевою Луизою. Великій Князь Александръ Александровичъ прибылъ ранѣе. Въ ночь съ 11 на 12 апрѣля Наслѣдникъ скончался. Вѣсть эта въ тотъ же день достигла Москвы и произвела въ ней большое волненіе. Манифестомъ отъ 12 апрѣля извѣщавшимъ о кончинѣ Цесаревича Николая, объявленъ

Генералъ-Адъютантъ Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, въ бытность его Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

Съ литографіи собранія Ровинскаго, въ Румянцевскомъ Музеѣ.

былъ наслѣдникомъ и Цесаревичемъ Великій Князь Александръ.

Весной въ началѣ мая уѣхали мы съ женой и дочерью въ Тамбовское мое имѣніе на все лѣто. Желѣзная дорога доходила только до Рязани, а далѣе мы ѣхали въ тяжеломъ четверомѣстномъ дормезѣ въ шесть лошадей и то въ топкихъ мѣстахъ лошади съ трудомъ вытаскивали нашъ экипажъ. Былъ полный разливъ Оки и полая вода тихо убывала. Въ деревнѣ волненіе все болѣе и болѣе утихало. Страхъ съ одной стороны, и несбыточныя мечты съ другой понемногу утихали, чему много способствовалъ бывшій въ то время Тамбовскій Губернаторъ Карлъ Карловичъ Данзасъ. Впрочемъ въ нашихъ мѣстахъ ничего особеннаго въ смыслѣ безпорядковъ и не было. Мирно мы прожили до половины сентября и 15 выѣхали въ Москву. Поселились мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго.

14 августа Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ прибыли въ Москву, чтобы согласно издревле установленному обычаю представить своего Наслѣдника первопрестольной столицѣ. Оба пробыли въ Москвѣ недѣлю. Москва встрѣтила ихъ обычнымъ одушевленіемъ. Въ этотъ пріѣздъ Государь принялъ Московскихъ старообрядцевъ, ходатайствовавшихъ о дозволеніи основать въ Москвѣ единовѣрческій монастырь. Государь соизволилъ разрѣшить представить проектъ, одобрилъ ихъ мысль и подалъ надежду, что дѣло это устроится.

Въ сентябрѣ Государыня Марія Александровна прибыла въ новопріобрѣтенное имѣніе свое Звенигородскаго уѣзда—село Ильинское. Царская семья провела весь сентябрь въ полномъ уединеніи, для поправленія здоровья Императрицы, потрясеннаго кончиною Цесаревича Николая. Кромѣ царскаго семейста при нихъ находилась небольшая свита приближенныхъ лицъ. Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный предводитель дворянства Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ. Голохвастовъ во время предшествовавшихъ дворянскихъ выборовъ въ Московскомъ собраніи вмѣстѣ съ Петербургскимъ ора-

15

торомъ Николаемъ Александровичемъ Безобразовымъ и графомъ Орловымъ-Давыдовымъ рѣзко говорилъ о Петербургскихъ чиновникахъ, настаивая подать адресъ на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ дворянъ Московской губерніи. «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя»,— сказалъ ему Императоръ,—хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай! и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія...» Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе». «Говори правду, я всегда охотно ее слушаю»,—отвѣтилъ Императоръ. Голохвостовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все то, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ и стремленіямъ стоитъ опричь земщины, то есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа». «Важно не слово,—замѣтилъ Государь.—Что значила вся эта выходка? чего вы хотѣли? конституціоннаго образа правленія? — Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ:—«И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами. Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ, вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали». Слова эти относились къ адресу Московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія. Отпуская Голохвастова, Государь сказалъ ему: «Главное, не гоняйся за аплодисментами, за успѣхами краснорѣчія, вѣдь, право, не стоитъ того....» «Аплодисменты, Государь, относились не ко мнѣ,—возразилъ Голохвастовъ,—ихъ могъ вызвать каждый въ залѣ, стоило васъ назвать—и стѣны дрожали отъ аплодисментовъ». Свѣтлая улыбка озарила лицо Государя. «Да, я знаю,—промолвилъ онъ;—ну, съ Богомъ, прощай *).

*) Рукописныя записки Д. Д. Голохвастова, напечатанныя въ жизни Царствованія Императора Александра II С. С. Татищевымъ, ст. 334. Томъ I.

Осенью 1865 года жена получила приглашеніе отъ жены генералъ-отъ-инфантеріи Варвары Евграфовны Чертовой, занять при ней должность помощницы попечительницы Пречистенскаго отдѣленія и Александро-Маріинскаго дѣвичьяго Училища.

Спустя нѣкоторое время и я согласился быть секретаремъ этого отдѣленія, чтобы помочь женѣ въ ея разнообразныхъ занятіяхъ, возлагаемыхъ на нее Чертовою.

Жили мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго. Квартира въ бель-этажѣ въ девять комнатъ съ конюшней и сараемъ стоила 650 рублей. Въ этой квартирѣ теперь пансіонъ и платятъ за нее 1800 рублей. Вотъ до какой степени поднялась цѣна въ этой мѣстности. Жена первое время занялась бѣдными Пречистенской части и еженедѣльно ѣздила въ Барыковскую богадѣльню, куда являлись къ ней бѣдные Пречистенской части. Меня же генеральша Чертова, кромѣ письменной части, командировала для осмотра и ревизіи хозяйственной части Александро-Маріинскаго Училища.

Училище помѣщалось въ домѣ Ивана Николаевича Воейкова на Пречистенкѣ. Домъ этотъ когда-то принадлежалъ князю Долгорукову, отцу бывшаго Московскаго Генералъ-Губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова. Покойный князь мнѣ лично указывалъ и комнату, гдѣ онъ родился. Въ ней устроена мною домашняя церковь Училища.

Домъ послѣ Долгорукова принадлежалъ Лаврентьеву, въ немъ помѣщалось землемѣрное училище. Къ дому были придѣланы разные постройки, сдѣланныя кое-какъ на половину каменныя, а частью деревянныя. Воейкову домъ достался по закладной. Никакихъ поправокъ и передѣлокъ онъ не дѣлалъ. Все лѣпилъ кое-какъ, даже балки надъ заломъ были составлены изъ трехъ частей, и поддерживались скрѣпами къ стропиламъ. Все это мнѣ пришлось узнать, когда домъ былъ пріобрѣтенъ въ собственность училища и мнѣ пришлось все исправлять и передѣлывать.

Когда я вступилъ секретаремъ Пречистенскаго попечительства, то домъ нанимался за 4 тысячи у Воейкова и всѣ поправки дѣлались на счетъ Училища. Воейковъ во

всемъ умывалъ руки. Капиталовъ при училищѣ не было никакихъ, а были неуплаченные счета четырехъ съ чѣмъ-то тысячъ. Около половины учащихся было даровыхъ или платящихъ 50 и 25 процентовъ слѣдуемой съ нихъ платы, да и то платили весьма неаккуратно. Надобно удивляться изворотливости и находчивости попечительницы В. Е. Чертовой, какъ могла она сводить концы съ концами. Конечно не брезговали никѣмъ и ничѣмъ. Брали и выпрашивали у всѣхъ и все, что было можно. Благодарности и обѣщанія сыпались направо и налѣво—неограниченно. Но все-таки были сильныя недохватки и постоянные долги. Когда я первый разъ присутствовалъ за обѣдомъ воспитанницъ, то меня поразило, что за столомъ, гдѣ сидѣло до 20 воспитанницъ было два стакана и одинъ графинъ, изъ которыхъ и пили воспитанницы по очереди. На другой же день я купилъ слишкомъ 300 стакановъ и около 20 графиновъ. Это былъ мой первый подарокъ училищу. Впослѣдствіи я завелъ металлическія миски и блюда, и вообще старался упорядочивать столъ и посуду училища. Пока домъ принадлежалъ Воейкову нечего было и думать исправлять помѣщеніе.

Въ виду училищнаго начальства матеріальнаго улучшенія заведенія было 40,000, которыя отказывала училищу купчиха Малютина, послѣ своей смерти. Малютина была отдана въ опеку по Высочайшему повелѣнію. Не желая, чтобы хранившійся въ какомъ-то учрежденіи капиталъ ея въ 500 тысячъ, достался ея дѣтямъ, она написала духовное завѣщаніе которое черезъ Главно-Управляющаго Вѣдомства Императрицы Маріи, Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, было представлено на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе. Вотъ первый капиталъ, хотя и въ туманѣ, пріобрѣтенный попечительницею въ пользу основаннаго ею училища.

Воейковъ умеръ; все огромное его состояніе досталось по духовному завѣщанію, его женѣ Юліи Адальбертовнѣ.

По дружбѣ своей къ попечительницѣ В. Е. Чертовой, Воейкова уступила доставшійся ей на Пречистенкѣ домъ въ пользу училища за 50 тысячъ рублей. Половина дѣла была сдѣлана, но денегъ опять не было; придумана была новая

комбинація: Малютину уговорили передать завѣщанный ею капиталъ училищу немедленно съ тѣмъ, что училище будетъ платить получаемые ею проценты въ количествѣ 5% по день ея кончины. Малютина на предложеніе охотно согласилась, такъ какъ не теряла въ своихъ доходахъ ничего, а выигрывала въ принципѣ. На основаніи Опеки ей запрещено было распоряжаться капиталомъ, а дозволено было пользоваться только процентами. Дозволеніемъ же выдать часть капитала, получалась лазейка просить впослѣдствіи того же для другихъ выдачъ, ссылаясь на предыдущее дозволеніе, чѣмъ она впослѣдствіи и воспользовалась. Остальныя десять тысячъ пожертвовалъ супругъ попечительницы сенаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Аполлоновичъ Чертовъ. Домъ былъ купленъ.

Капитала при училищѣ все-таки не было ни копѣйки, между тѣмъ нужды увеличивались. Домъ былъ, при огромной усадьбѣ, въ полуразрушенномъ состояніи. Стѣны дали трещины и грозили паденіемъ. Лѣстницы были всѣ деревянныя. Балки всѣ полусгнившія съ эфемерными желѣзными скрѣпами. Классы безъ отдѣльнаго коридора, съ легкой перегородкой въ самомъ классѣ. Все это нужно было передѣлать. Къ тому же при училищѣ нужна была домовая церковь. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Попечительница обратилась въ Совѣтъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, прося исходатайствовать разрѣшеніе на розыгрышъ лотереи въ пользу училища. Долго длилась переписка. Наконецъ, за недѣлю до масляницы, получено было разрѣшеніе изъ Петербурга устроить лотерею въ сто тысячъ билетовъ, на сумму 25 тысячъ рублей, по 25 копѣекъ билетъ.

До Пасхи оставалось два мѣсяца, нужно было напечатать билеты, распродать ихъ до Святой недѣли и сдѣлать на Фоминой розыгрышъ. Весною всѣ разъѣзжались по деревнямъ и тогда пришлось бы откладывать лотерею до осени. Я круто повернулъ дѣло. Къ масляницѣ часть билетовъ была уже напечатана, провѣрена, подписана и пущена въ продажу въ Петербургѣ и Москвѣ. На первой недѣлѣ вышло объявленіе, что розыгрышъ будетъ непремѣнно на Фоминой недѣлѣ. Главный выигрышъ былъ 50 билетовъ

1-го съ выигрышами займа; второй 10 таковыхъ же билетовъ, затѣмъ два по три билета и 10 по одному. Мнѣ удалось купить эти билеты на собственныя средства, впередъ на срокъ, по сто съ чѣмъ-то рублей, такъ что всего затратилъ я на выигрыши около 9-ти тысячъ рублей. Мнѣ предрекали, что я не успѣю продать въ 7 недѣль такую массу билетовъ, и даже одна барыня держала со мной пари. Я такъ энергично принялся за дѣло, объѣхалъ нѣсколько вліятельныхъ и толстосумыхъ людей, что дѣло сильно пошло на ладъ.

Въ концѣ пятой недѣли поста билеты были проданы. всѣ. Деньги въ количествѣ 16 тысячъ, вручены попечительницѣ Чертовой и розыгрышъ назначенъ въ первыхъ дняхъ Фоминой недѣли, утромъ съ музыкой, а вечеромъ—театръ и балъ въ большой залѣ дворянскаго собранія. Театръ и балъ покрыли всѣ расходы по лотереѣ, печатанье билетовъ, публикацію, вознагражденіе писцу, почтовые расходы и осталось еще чистой прибыли тысяча съ чѣмъ-то рублей. Всего лотерея дала слишкомъ семнадцать тысячъ и ни копѣйки расхода на ея управленіе. Изъ нихъ В. Е. Чертова пожертвовала пять тысячъ въ неприкосновенный капиталъ Алексѣевской больницы, устроенной во флигелѣ училища. Начало основного капитала училища было сдѣлано, но не долго продержались у насъ эти деньги.

По окончаніи экзаменовъ началась передѣлка купленнаго для училища дома и устройства въ немъ домашней церкви. Всѣхъ построекъ предположено было на 15 тысячъ, но израсходовано было гораздо больше. Архитектурная и строительная часть были поручены мнѣ. Церковный иконостасъ, Богослужебныя книги, церковныя принадлежности взялъ на себя купецъ, бывшій старовѣръ, Аласинъ, за сумму—мнѣ неизвѣстно, это былъ секретъ между нимъ и попечительницей. Хотя это былъ секретъ полишинеля и всякій сторонникъ передавалъ его по своему, но кто правъ, я удостовѣрить не могу. Аласинъ утверждалъ, что много добавилъ своихъ денегъ. Много?—Не думаю. Отпечатокъ его хозяйничанья и теперь замѣтенъ въ иконахъ, особенно въ одной иконѣ,—Христа, благословляющаго дѣтей. Живо-

пись въ чисто-старовѣрческомъ духѣ. Много пришлось мнѣ повозиться съ этимъ Титъ Титычемъ. Въ одно прескверное утро, получаю я записку отъ попечительницы—немедленно пріѣхать къ ней по экстренному дѣлу. Пріѣзжаю. Генеральша въ волненіи. Оказалось, что она попросила правителя дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, заѣхать въ училище и посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ Церкви и вообще на постройкахъ. Серебряковъ, по генеральски, началъ все критиковать и дѣлать перемѣны: мой Титъ Титычъ обидѣлся, разругался съ генераломъ и прислалъ своего приказчика къ попечительницѣ съ отказомъ отъ продолженія работъ въ церкви и, конечно, въ деньгахъ. Генеральша просила меня тотчасъ же ѣхать къ Аласину и утишить бурю, давъ ему обѣщанье не уполномочивать Серебрякова на ревизію, и отказывалась даже, что и прежде давала ему такое полномочіе. Отправляюсь за Москву рѣку, въ какой-то переулокъ и застаю Аласина въ саду, за кувшиномъ холоднаго квасу, въ хмѣлевой бесѣдкѣ.

Сначала мой коммерсантъ на дыбы; «не хочу, молъ, чтобы препятствовали моему нраву, я самъ генералъ отъ капитала». Долго пришлось мнѣ его уламывать, ходить съ нимъ по конюшнямъ, хвалить его рысаковъ и всячески ублажать.

Наконецъ утихъ мой Титычъ. «Хорошо, говоритъ, берусь докончить храмъ. Первое условіе, чтобы генералъ не совалъ своего носа. Второе—ѣдемъ сейчасъ на стройку, тамъ захватимъ архитектора Карнѣева, а затѣмъ завтракать на уху, въ Патрикѣевскій трактиръ, къ Тѣстову. Соглашаюсь. Въ училищѣ все приказано сдѣлать, какъ онѣ хотѣлъ. У Тѣстова застаемъ вызваннымъ пріятеля изъ Титычей. Начали съ разныхъ закусокъ. Затѣмъ стерляжья уха, а затѣмъ—шампанское. Я сильно проголодался отъ всѣхъ этихъ хожденій и поѣздокъ, не имѣя во рту ничего, кромѣ утренняго стакана кофе и потому много ѣлъ закусокъ. Послѣ ухи ожидаю чего нибудь существеннаго. Но за ухой подаютъ фрукты, виноградъ, шампанское и больше ничего. Согласитесь, на голодный желудокъ—уха, шампан-

ское и фрукты пища не совсѣмъ гигіеническая. Ночью я заболѣлъ и провалялся нѣсколько дней въ постели. Такъ я нажилъ первый катаръ съ благотворительною цѣлью.

Впослѣдствіи, въ теченіе моего 12-тилѣтняго служенія въ Пречистенскомъ отдѣленіи, мнѣ не разъ приходилось ублажать разныхъ цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ Титъ Титычей, чтобы получить отъ нихъ мзду въ пользу училища.

Постройки въ училищѣ продолжались во все время служенія моего. Тутъ жертвовали Губонинъ, Поляковъ и много другихъ, даже цвѣтоводъ Фоминъ перестроилъ садъ училища, получивъ за это золотую медаль.

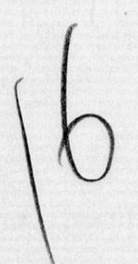
Въ августѣ 1870 года, за безвозмездную службу училищу, за мои пожертвованія и привлеченіе другихъ лицъ къ пожертвованіямъ, я получилъ званіе Камеръ-Юнкера. Это была единственная награда, полученная мною за 12-ти лѣтнюю службу мою въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ. Въ оправданіе моего начальства я считаю долгомъ прибавить, что никогда не желалъ и не просилъ себѣ наградъ, а то бы конечно получилъ ихъ много. Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій благоволилъ ко мнѣ и конечно не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ; но я ставилъ себя выше наградъ, считая себя исправно исполняющимъ принятую на себя обязанность, и не входилъ ни въ какіе компромиссы, за что впослѣдствіи и пострадалъ при столкновеніи съ правителемъ дѣлъ пріютовъ, знаменитымъ Е. Н. Сафоновымъ.

Впрочемъ, забылъ, получилъ я еще награду. Отъ имени всѣхъ служащихъ въ училищѣ и всѣхъ воспитанницъ я получилъ благодарственное письмо черезъ начальницу училища Виландъ, когда большая часть построекъ была окончена и инвентарь училища и платья были пополнены. Кажется это случилось когда въ прежнихъ погребахъ и кладовыхъ я устроилъ музыкальные классы, такъ что воспитанницы могли заниматься уроками музыки, не мѣшая другъ другу. Постройка эта тѣмъ болѣе меня озабочивала, что два слѣдующіе этажа были съ трещинами и прежде исправленья ихъ, я долженъ былъ связать эту постройку желѣз-

Генералъ-Адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ
Московскій Генералъ-Губернаторъ.

Съ литографіи, собранія С. П. Виноградова.

ными поясами-скрѣпами, чтобы предохранить отъ паденія. Вотъ текстъ адреса:

Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ!

Чувствуя глубокую признательность къ Вамъ за Ваши труды и заботы по устройству нашего заведенія и видя ежедневно на опытѣ плоды Вашей дѣятельности, доставившей намъ большія удобства, мы желаемъ выразить Вамъ нашу искреннюю благодарность за все, что Вы для насъ сдѣлали. Несмотря на Вашу кратковременную дѣятельность, Вы успѣли обставить нашу обыденную жизнь весьма многими удобствами сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ пользовались наши предшественницы. Поэтому мы пользуемся днемъ Вашего ангела, чтобы принести Вамъ нашу сердечную благодарность за то сочувствіе, съ которымъ вы относились къ нашей жизни. Хотя намъ слѣдовало принести это поздравленіе днемъ раньше, но желаніе поздравить Васъ отъ всего заведенія и необходимость собрать голоса всѣхъ классовъ, помѣшали намъ исполнить это во время тѣмъ болѣе, что мы только вчера узнали о днѣ Вашего ангела. Нашъ Инспекторъ г. Зенгбушъ проситъ присоединить свое поздравленіе къ нашему, такъ какъ наша Начальница Е. Х. Виландъ имѣла вчера удовольствіе лично выразить Вамъ свои чувства. Глубоко признательныя Вамъ воспитанницы Александро-Маріинскаго Училища. 22 сентября 1874 г.

Я забѣжалъ много впередъ. Вернемся назадъ.

ГЛАВА XVII.

1866.—Дворянскіе выборы.—Дѣло полковника Н.—Открытіе дворянскихъ и земскихъ учрежденій.—Покушеніе на жизнь Государя.—Празднованіе 25-ти лѣтія свадьбы Государя.—Пріостановка изданія Московскихъ Вѣдомостей.—Письмо Каткова Государю.—Слѣдствіе письма.

Дворянскіе выборы 1866 года были бурны. Введеніе положенія 1864 года въ 1866 году о мировыхъ судьяхъ било по нервамъ дворянское сословіе. Выбранные либеральной партіей новыя судебно-мировыя власти считали себя вос-

точными деспотами, приравнивая остальныхъ къ одному знаменателю: мастерового, крестьянина и дворянина, они употребляли все свое знаніе, все свое вліяніе, чтобы по возможности оскорблять высшее сословіе правственными ударами по еще свѣжей ранѣ. Себя же считали чуть не богами судебнаго олимпа. Прислуга, чутко прислушиваясь къ происходившему кругомъ нихъ, пользовалась такимъ направленіемъ гг. судей и по возможности раздражая хозяевъ, обращалась къ мнимой защитѣ новоиспеченнаго правосудія, разсчитывая впослѣдствіи выговорить себѣ денежное вознагражденіе по мировой сдѣлкѣ, зная, что господа избѣгаютъ судбищъ съ прислугой. На улицѣ Варваркѣ стоялъ домъ коллежскаго асессора Чарторижскаго. Что сдѣлалъ этотъ господинъ, не помню, но рѣшеніемъ мирового судьи или Съѣзда онъ вынужденъ былъ подвергнуться аресту на нѣсколько дней при городскомъ арестномъ домѣ. Къ чему мировые судьи перваго выбора прибѣгали при всякихъ пустякахъ. Во то время почетнымъ мировымъ судьей, завѣдывавшимъ арестнымъ домомъ, состоялъ нѣкто Г. Н. отставной полковникъ. Г. Н. давно не жилъ въ Москвѣ, проживая прежде въ Казанской губерніи, въ имѣніи своей жены; но въ недавнее время, получивъ какъ-то бокомъ неожиданное наслѣдство отъ дяди, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, по родству и по крови, основался въ Москвѣ. Онъ поддѣлался къ Генералъ-Губернатору Долгорукову, которому впослѣдствіи отплатилъ черною неблагодарностью, и черезъ него полѣзъ по службѣ въ гору.

Г. Н. держалъ себя маленькимъ Аракчеевымъ и потому пользовался общимъ неуваженіемъ.

Съ перваго же дня открытія дворянскаго собранія шелъ сильный говоръ о жестокости Г. Н. Говорили, что Г. Н. оскорбляетъ Чарторижскаго до невозможности, дѣлая ему постоянныя придирки якобы на законномъ основаніи. Говорили, что будто бы онъ приказалъ сторожамъ силою стащить съ его руки обручальное кольцо, основываясь на томъ, что арестованный не можетъ имѣть при себѣ драгоцѣнныхъ вещей, которыми можетъ подкупить сторожей. Говорили многое другое, что за давностью я позабылъ.

Явилось предложіе группы дворянъ исключить Г. Н. изъ сословія дворянъ Московской губерніи. Шумъ былъ большой,—негодованіе всеобщее. Но все рухнуло.

Г. Чарторижскій былъ польскій дворянинъ, и къ тому времени не успѣлъ еще доказать Департаменту Герольдіи правъ своихъ на русское потомственное дворянство, а по имѣющему чину коллежскаго асессора считался только личнымъ дворяниномъ, за котораго дворянское собраніе заступиться не имѣло права.

Это спасло Г. Н. отъ грозившей ему опасности. Скоро все было позабыто обществомъ и Г. Н. проживалъ въ свое удовольствіе, подымаясь все выше и выше, пока не былъ призванъ на судъ Высшаго Судьи міра.

Князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ былъ вновь избранъ въ Губернскіе Предводители дворянства, но второго трехлѣтія не дожилъ. Уѣхавъ лѣтомъ за границу на воды съ женою и сыномъ, назадъ вернулась одна княгиня. Живя за границей, семья Гагариныхъ остановилась въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Австріи. Молодой сынъ князя собиралъ цвѣтные камни въ ручьѣ Мюльбаха, верхняя часть котораго была запружена плотиной для сплава по ней горнаго лѣса. Плотина была открыта въ верхнемъ шлюзѣ, о чемъ жители предупреждены не были. Юноша былъ увлеченъ сильнымъ потокомъ воды. Отецъ, находясь на берегу и видя гибель сына, бросился спасать его, но моментально былъ убитъ несущимися съ необыкновенной быстротой бревнами. По спадѣ водъ нашли два изуродованныхъ трупа. Княгиня, на глазахъ которой случилась катастрофа, съ отчаянія нравственно заболѣла и остальную свою жизь провела въ полномъ уединеніи.

4 апрѣля 1866 года получена была телеграмма о первомъ покушеніи Каракозова на жизнь Государя при выходѣ Его изъ лѣтняго сада.

Небывалый случай, случившійся впервые въ Русскомъ Государствѣ, настолько взволновалъ общественное мнѣніе, что общее негодованіе не имѣло границъ. Въ вечеръ этого событія вся Москва (высшаго круга) перебывала въ Англійскомъ клубѣ, надо было видѣть клубныхъ ораторовъ, до

чего поразило ихъ это событіе. Немногіе либералы клуба прижали хвосты и должны были отказаться отъ многихъ своихъ требованій.

Въ маѣ Царская семья прибыла въ Москву проѣздомъ въ с. Ильинское, гдѣ и пробыли весь май мѣсяцъ. Во время выхода въ Кремлѣ стѣны дворца дрожали отъ кликовъ радости, что судьба спасла Государя отъ грозившей ему опасности. Москва въ первый разъ видѣла Государя послѣ покушенія на его жизнь. Восторгъ былъ естественный.

Государь отпраздновалъ въ концѣ мая двадцатипятилѣтіе своей свадьбы и переѣхалъ въ с. Ильинское, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ.

Москвичей тревожило пріостановленное изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» и прекращеніе дѣятельности публициста М. Н. Каткова. Раскрытіе дѣятельности революціоннаго кружка подъ главенствомъ Ишутина, въ лѣсной академіи Петровскаго-Разумовскаго, побудило Министра Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать предостереженіе Каткову за нападки его на дѣйствія нѣкоторыхъ Правительственныхъ вѣдомствъ и особенно Министра Просвѣщенія Головнина.; М. Н. Катковъ считалъ, что пропаганда, замѣченная во многихъ учебныхъ заведеніяхъ учредилась благодаря нелѣпымъ распоряженіямъ Министра Просвѣщенія. Катковъ отказался напечатать полученное имъ предостереженіе въ своей газетѣ, предпочитая вовсе прекратить ея изданіе.

Пользуясь пребываніемъ Государя въ Москвѣ, Катковъ написалъ ему письмо, въ которомъ, какъ онъ предупредилъ графа А. В. Адлерберга, взявшагося передать письмо по назначенію,—онъ «ни на что не жалуется и ни о чемъ не проситъ». Оканчивалось письмо просьбою, чтобы Государь въ издателяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» призналъ своихъ.

Каткову дана была аудіенція 20 іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Императоръ принялъ его наединѣ въ кабинетѣ. «Я тебя знаю,—сказалъ онъ ему,—вѣрю тебѣ, считаю тебя своимъ». Государь казался растроганнымъ; слезы текли изъ глазъ Каткова.

«Сохрани тотъ священный огонь,—продолжалъ Императоръ,—который есть въ тебѣ. Я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за «Московскими Вѣдомостями», постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь ли ты силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя на душѣ, что бы передать мнѣ?» Взволнованный Катковъ отвѣчалъ нѣсколькими несвязными словами благодарности. Перейдя къ вопросу о сепаратизмѣ, въ осужденіе котораго издатель «Московскихъ Вѣдомостей» проявлялъ крайнюю подозрительность къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ,—замѣтилъ Государь.—Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушеніе этого рода есть, я знаю, я съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ Имперіи я, конечно, дорожу не менѣе тебя.. А я на тебя посердился. Предостереженіе все-таки надо было напечатать». При прощаніи Императоръ снова крѣпко пожалъ руку Каткова, прибавивъ: «Помни: я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ». Министру Внутреннихъ Дѣлъ сообщена Высочайшая воля, чтобы «Московскія Вѣдомости» были освобождены отъ наложеннаго на нихъ взысканія и нѣсколько дней спустя газета эта стала выходить подъ редакціей Каткова.

ГЛАВА XVIII.

1867 г.—*Жизнь въ Москвѣ въ зиму 1866—1867 г.—Пріѣздъ въ Москву Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.—Этнографическая выставка. Смерть Милютина.*

Въ сентябрѣ 1867 года я вернулся въ Москву изъ вновь пріобрѣтеннаго мною имѣнія въ Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда села Мосолова и поселился на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ломоносовой. Служба моя шла понемногу, особенныхъ занятій не было.

---

*) Любимовъ. М. Н. Катковъ и его историческая заслуга стр. 140.

Москва бросилась на спекуляцiи; всѣ мечтали объ учрежденiи разныхъ банковъ, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и разныхъ денежныхъ спекуляцiяхъ. Всѣхъ поразило неожиданное богатство, свалившееся на двухъ желѣзнодорожниковъ: Дервиза и фонъ-Мекка. Меня также уговорилъ Дмитрiй Павловичъ Шиповъ пойти съ нимъ въ долю при предполагаемой постройкѣ Московско-Смоленской желѣзной дороги, и даже заставилъ меня собрать мой капиталъ, розданный въ разныя руки, около ста тысячъ, для представленiя въ залогъ казнѣ; но почему-то потомъ отъ участья моего отказался, несмотря на обоюдныя, данныя нами другъ другу подписки. Отъ этого предполагаемаго предпрiятiя я, кромѣ убытка, ничего не получилъ. Потомъ онъ познакомилъ меня съ Кокоревымъ, Мамонтовымъ, когда они учреждали Московскiй Купеческiй Банкъ и я былъ приглашенъ быть въ числѣ его учредителей, но потомъ отъ участiя въ учрежденiи банка отказался.

21 апрѣля Государь вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Цесаревною Марiею Ѳеодоровною прибыли въ Москву. Царская семья пробыла въ Москвѣ двѣ недѣли. Наслѣдникъ съ супругой посѣщали Московскiя святыни и историческiе памятники и совершили поѣздку въ Троицкую Лавру.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ выходъ и потомъ представленiе властей и дворянства. Въ благородномъ собранiи Московскимъ дворянствомъ данъ былъ балъ. Городомъ устроенъ былъ народный праздникъ и иллюминацiя. Стеченiе катающейся публики было такъ велико, что ряды экипажей тянулись даже отъ Тверской вдоль Тверского бульвара до Никитской улицы. Подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Владимiра Александровича была открыта этнографическая выставка, которую обозрѣвала вся царская семья. Нѣкоторые предметы выставки хранятся теперь въ Румянцовскомъ музеѣ въ Дашковскихъ залахъ. Выставку посѣтили Сербскiй ученый Шафарикъ и представители чешской науки Палацкiй и Ригеръ. Это было первое братство настоящаго времени Славянъ между собою. Особому вниманiю народонаселенiя подвергались даже на улицѣ наши прiѣзжiе собратья.

25 мая на улицахъ столицы появились въ продажѣ листки, извѣщавшiе о покушенiи въ Парижѣ на жизнь Государя Поляка Березовскаго, при возвращенiи коляски Государя съ военнаго смотра изъ Лоншана. Государь сидѣлъ съ Наполеономъ и двумя Великими Князьями. Пуля ранила только лошадь шталмейстера, конвоировавшаго экипажъ. Волненiе москвичей было всеобщее.

Въ маѣ насъ постигло горе,—скончался отецъ моей жены Ксенофонтъ Павловичъ Гевличъ, ветеранъ отечественной войны, соратникъ Алексѣя Петровича Ермолова. Въ концѣ мѣсяца мы уѣхали въ новокупленное мною имѣнiе село Мосолово Рязанской губернiи Пронскаго уѣзда, находившееся въ 17 верстахъ отъ желѣзнодорожной станцiи Сергiево.

Осенью мы вернулись въ Москву, но жена мало посѣщала балы и вечера по случаю своего траура.

Зимой Моква веселилась, было много баловъ и вечеровъ не смотря на то, что средства помѣщиковъ сильно убавились. Кромѣ того закрытiе операцiй сохранной казны опекунскаго совѣта, уничтожило кредитъ дворянству. Займы въ частныхъ рукахъ были затруднительны. Всѣ бросились хлопотать о скорѣйшемъ утвержденiи выкупныхъ сдѣлокъ на землю съ крестьянами. Но и тутъ судьба преслѣдовала дворянство, кредитъ самаго государства былъ не крѣпокъ и выкупныя свидѣтельства покупались худо, были времена, когда ихъ продавали по 70 копѣекъ за рубль.

Привычка жить на барскую ногу не могла уничтожиться сразу. Доходы съ оставшейся за помѣщиками земли сильно сократились, а расходы на жизнь напротивъ увеличились; поневолѣ пришлось продавать выданныя выкупныя свидѣтельства за отобранную землю, представлявшiя фондъ и обращать ихъ въ доходный купонъ. Многiе, размѣнявъ свидѣтельства, завели сельскохозяйственныя машины, но неумѣнiе пользоваться ими принесло одни лишь убытки. Такъ состоялось начало разоренiя дворянства.

Московское дворянское общество сильно рѣдѣло. Многiе уѣхали жить въ чужiе края, думая тѣмъ сократить расходы, живя въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ; другiе

помѣстились въ губернскихъ городахъ, третьи бросились искать какой нибудь службы. Такъ всѣ оторвались отъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ, но не имѣя руководящей нити, какъ безрульный корабль погибли въ пучинѣ общественной жизни. Вообще общественная жизнь принесла большой переломъ и при катастрофѣ много культурныхъ людей погибло, а некультурные выползли изъ образовавшихся щелей.

Въ Москвѣ на Поварской улицѣ рядомъ съ храмомъ Семіона Столбника скончался бывшій товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Въ Москву былъ назначенъ новый Генералъ-Губернаторъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, братъ бывшаго шефа жандармовъ, Князя Василія Андреевича. Владиміръ Андреевичъ былъ женатъ на пензенской помѣщицѣ княжнѣ Долгоруковой, извѣстной своимъ колоссальнымъ богатствомъ. Москва ожидала съ пріѣздомъ ихъ большаго оживленія. Сначала пріѣхалъ князь Владиміръ Андреевичъ одинъ. Супруга его лѣчилась заграницей. Князь былъ знакомъ Москвѣ, бывая часто на празднествахъ и вечерахъ сестры своей Княгини Львовой, которая веселила Москву, имѣя пять или шесть дочерей на возрастѣ невѣстъ. Къ зимнему сезону пріѣхала и Княгиня въ Москву. Домъ княгини была поставленъ на строгую этикетную ногу; къ обѣду мужчины являлись въ полномъ парадѣ, даже Князь супругъ не смѣлъ являться къ столу безъ эполетъ. Но не долго пробыла Княгиня въ Москвѣ, она скончалась заграницей. Но послѣ нея хозяйки у Князя мѣнялись ежедневно. Въ ту же зиму были танцовальные вечера у Хлюстиныхъ, домъ которыхъ стоялъ на Малой Дмитровкѣ, послѣ цѣлаго ряда переходовъ, отъ одного владѣлца къ другому къ Мейну, Спиридоновой, принадлежитъ теперь Маріи Владиміровнѣ Катковой.

Изъ баловъ стараго времени остался въ памяти два бала Николая Павловича Шипова. Когда онъ покончилъ съ откупными дѣлами, то, купивъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Дмитріемъ Павловичемъ Баташевскіе заводы, въ Темниковскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ купилъ

Московскій Комендантъ Генералъ лейтенантъ Петръ Петровичъ Корниловъ.
съ современной гравюры.

на Лубянкѣ домъ графини Орловой-Денисовой; отдѣлалъ домъ заново онъ далъ два бала, на первомъ чтобы показать роскошную отдѣлку жилыхъ комнатъ во время котильона, дѣлали променадъ танцующихъ по всѣмъ комнатамъ и коридорамъ. Хороша была гостинная съ фарфоровой саксонской мебелью.

Вскорѣ дочь его вышла замужъ за Б. С. Шереметева и танцовальныя празднества прекратились.

Глава XIX. 1868 г.

Рожденіе первенца у Наслѣдника.—Увольненіе Баранова съ поста Виленскаго Генерала-Губернатора и замѣна его Потаповымъ.—Проѣздъ Царской семьи по дорогѣ въ Крымъ.—Жизнь въ Ильинскомъ.—Алаевъ.—В. А. Шереметевъ.—Баронъ Бюллеръ.—Ф. Ф. Треповъ.—Спекуляція спиртомъ.—Тверской бульваръ.—Кн. П. И. Трубецкой.—Комендантъ Фридериксъ.

Императорская семья пробыла въ Москвѣ, а главное въ селѣ Ильинскомъ съ 11 по 25 іюня, затѣмъ выѣхала въ Крымъ.

6-го мая у Наслѣдника Цесаревича родился первый сынъ нареченный Николаемъ. По поводу рожденія первенца, въ Москвѣ были устроены различныя празднества. Прибывшему съ извѣщеніемъ Генералъ-Адъютанту поднесенъ былъ, по старинному обычаю драгоцѣнный кубокъ. Въ день крещенія Великаго Князя, Высочайшимъ Манифестомъ было облегчено положеніе ссыльныхъ по политическимъ преступленіямъ.

Увольненіе графа Баранова съ поста Виленскаго генералъ-губернатора и замѣна его генераломъ Потаповымъ не нравилась Московской партіи. Всѣ знали Потапова, бывшаго одно время Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, какъ противника Муравьевской политики, и потому ожидали увольненія многихъ лицъ, посланныхъ авангардомъ въ Вильну изъ Москвы. Ожиданія исполнилось, всё что насадилъ русскаго въ сѣверо-западномъ краѣ Муравьевъ— безжалостно вырывалось Потаповымъ.

Въ концѣ зимы 1867 года познакомился я черезъ Валеріана Александровича Воейкова съ надворнымъ совѣтникомъ Алаевымъ, который купилъ у него домъ въ Денежномъ переулкѣ на Пречистенкѣ. Домъ этомъ былъ заложенъ у меня по частной закладной, съ переходомъ къ Алаеву, часть долга переходила на покупщика Алаева. Другая часть долга оставалась на домѣ, а третью часть Воейковъ просилъ меня переписать на вексель, что я и исполнилъ. Денегъ этихъ съ Воейкова я впослѣдствіи не получилъ, если не считать, что выслано мнѣ было изъ Симбирскаго Губернскаго Правленія 182 р. взамѣнъ 12 тыс. По поводу этихъ денегъ пришлось мнѣ обратиться къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Федору Федоровичу Трепову, считавшемуся всесильнымъ лицомъ и убѣдиться въ безпомощности его пресловутой власти.

Воейковъ, купивъ имѣніе знаменитаго Луки Ивановича Похвиснева и проигравъ довольно крупный кушъ въ карты, запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Впослѣдствіи уѣхалъ въ Петербургъ и поселился у, адъютанта генерала Мезенцева, Мясникова, который жилъ на Надеждинской. въ собственномъ домѣ. Переписка и переговоры съ Воейковымъ не подвигали дѣла, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Воейковъ многократно обѣщалъ уплатить долгъ, но слова своего не сдержалъ, такъ что я долженъ былъ протестовать векселя. Мнѣ отвѣтили, что Воейкова, по свѣдѣніямъ полиціи на жительствѣ въ Петербургѣ нѣтъ. Я долженъ былъ ѣхать къ мѣстному участковому приставу съ заявленіемъ, что Воейковъ проживаетъ въ домѣ Мясникова, въ квартирѣ домовладѣльца, гдѣ я вижу его каждый день и потому повѣстка должна быть ему доставлена, но толку не добился.

Черезъ моихъ знакомыхъ добился я письма къ Трепову, который, принявъ меня и выслушавъ мое объясненіе, тотчасъ приказалъ начальнику сыскного отдѣленія заняться этимъ дѣломъ. Мнѣ дали агента, которому я указалъ Воейкова, когда онъ выѣзжалъ изъ дома. На другой день, вслѣдствіе донесенія полиціи Ф. Ф. Треповъ пригласилъ къ себѣ Мясникова, который сознавшись, что Воейковъ

проживалъ у него, далъ честное слово, что наканунѣ вечеромъ Воейковъ выѣхалъ въ Москву, что Федоръ Федоровичъ и объявилъ мнѣ лично на слѣдующій день. Я поѣхалъ въ Москву, гдѣ узналъ,—дѣйствительно, Воейковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Москву, но въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ, гдѣ и поселился опять у Мясникова. Такъ я и не добился ничего и потерялъ мои 12 тысячъ.

Алаевъ заложилъ сой домъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ и вернулъ мнѣ мой капиталъ. Во время расчета онъ разсказалъ мнѣ, что занимается оптовой торговлей спирта и что въ его компаніи принимаетъ участіе Василій Алексѣевичъ Шереметевъ и баронъ Бюллеръ, предложилъ и мнѣ вступить въ ихъ компанію. По уничтоженіи откуповъ, это была какая-то модная страсть къ подобнымъ спекуляціямъ. Всѣ бросились на открытіе складовъ, думая обогатиться, какъ прежніе откупщики, но многіе сильно разочаровались, потерявъ въ незнакомомъ имъ дѣлѣ все свое состояніе. Предложеніе показалось мнѣ заманчивымъ и я рѣшился попытать счастья. Сначала я далъ ему 25 тысячъ, но потомъ, увлекшись барышами, увеличилъ вкладъ мой въ дѣло больше 120 тысячъ. Первый годъ дѣла шли отлично. Компаніонъ нашъ выдалъ намъ больше 20%. На второй годъ дѣла стали запутываться, мы не могли добиться вѣрныхъ отчетовъ и надумали прекратить дѣло.

Жили мы въ 1868 году на Малой Дмитровкѣ въ домѣ Ломоносова, и по совѣту доктора Николаева женѣ предписано было ежедневно дѣлать прогулки. Ближайшій бульваръ отъ насъ былъ Тверской, не демократизованный до степени настоящаго времени, мы ежедневно гуляя дѣлали нѣсколько концовъ бульвара. Ежедневными посѣтителями бульвара были двѣ типичныя личности: князь Петръ Ивановичъ Трубецкой и московскій Комендантъ Фридериксъ.

Князь П. И. Трубецкой, только что произведенный изъ заслуженныхъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, прослужа всю жизнь хотя въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но нося военный мундиръ, сохранилъ въ себѣ военную складку, не разставаясь даже съ нѣкоторыми

частями военнаго костюма, напримѣръ, съ чернымъ шелковымъ галстукомъ, намотаннымъ на волосяную ленту, что въ то время употребляли военные, поражалъ гуляющихъ своей оригинальностью. Князь рѣдко съ кѣмъ кланялся, а разговаривалъ еще менѣе; вообще выраженіе его лица и манеръ было похоже на человѣка только кѣмъ-то или чѣмъто возбудившаго его брезгливое отношеніе. Походка его была медленна, онъ нерѣдко присаживался отдыхать на скамейкѣ и въ то время бесѣдовалъ съ лицами ему хорошо знакомыми, другимъ же отдавалъ поклонъ по военному, прикладывая руку къ шляпѣ. Комендантъ Фридериксъ слѣдовалъ всегда съ авангардомъ. Ему предшествовала маленькая собачка, хорошо изучившая дорогу, по которой гулялъ комендантъ. Фридериксъ проходилъ только разъ по бульвару, слѣдуя по заранѣе намѣченному плану прогулки. Онъ останавливался со всѣми знакомыми, выслушивая и разсказывая городскія новости и каждому проповѣдывалъ про умъ своей собачки, которая безъ указанія знала маршрутъ прогулки. Его сухая, длинная фигура была извѣстна всей Москвѣ. Въ сущности это былъ добрый и снисходительный генералъ.

ГЛАВА XX.

1869 г.—Открытіе Коммерческаго Ссуднаго Банка.—Малая Биржа.

Чтобы удержать вкладчиковъ своихъ предпріятій и тѣмъ сохранить свой кредитъ, Алаевъ придумалъ новый выходъ. Онъ составилъ проектъ акціонернаго Банка и пригласилъ учредителями всѣхъ своихъ компаніоновъ. Проектъ былъ представленъ въ Министерство Финансовъ и послѣ разныхъ перемѣнъ былъ утвержденъ подъ именемъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Министерство утвердило его съ тѣмъ, чтобы къ участію въ немъ были приглашены Московскіе комерсанты. Въ общемъ составилось больше 20 учредителей. Половина акцій была оставлена учредителями за собою, а на другую половину была объявлена публичная подписка, покрывшая въ нѣсколько десятковъ разъ предложенное количество. Преобладающее число голосовъ было у Московскихъ биржевыхъ дѣятелей. Учредитель Алаевъ не былъ избранъ въ число директоровъ. Во главѣ Банка поставили Д. Д. Шумахера, а помощникомъ ему Прена, Полянскаго и Маклера Милліоти. Банкъ помѣстился на Никольской въ домѣ Бостанджогло. Банкъ просуществовалъ недолго. Пренъ, по неспособности заниматься заграничнымъ отдѣленіемъ, былъ уволенъ. На его мѣсто выписали изъ Варшавы разорившагося банкира, жида Ландау, который сговорившись съ извѣстнымъ жидомъ Струсбергомъ, обокрали банкъ на семь милліоновъ, и тѣмъ произвели знаменитый крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Съ паденіемъ Банка на его ликвидаціи я потерялъ тридцать пять тысячъ, что сдѣлало первую брешь въ моемъ капиталѣ. Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ былъ разгаръ биржевой игры на Петербургской и Московской Биржахъ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, кромѣ офиціальной Биржи, на Ильинкѣ въ 4 часа, образовалась еще, такъ называемая, Малая Биржа въ 12 часовъ утра.

Малая Биржа собиралась въ домѣ Хлудова, въ ресторанѣ при гостиницѣ Дюссо. Сначала всѣ завтракали въ гостиной, а послѣ завтрака, всѣ чинно усаживались за установленными покоемъ столами. Напротивъ средины, на особомъ возвышеніи, былъ поставленъ столъ, за которымъ усаживался президентъ собранія Петръ Гавриловичъ Волковъ. Бумаги, по составленному впередъ списку, продавались съ аукціона и по окончаніи сдѣлки тотчасъ же записывались собственноручно Волковымъ въ книгу. Количество листовъ было минимумъ 25 штукъ. Случалось, что какая-нибудь бумага въ теченіе 15 минутъ подымалась или опускалась въ свой стоимости на 20 и болѣе процентовъ. Особенно играли на акціи Московско-Рязанской желѣзной дороги. Это была излюбленная бумага всѣхъ игроковъ Биржи.

Одно время акціи шли быстро въ гору и поднялись до 325 рублей. На Фоминой недѣлѣ метръ д'отель одного

высокопоставленнаго лица, явился продавцомъ 12 тысячъ штукъ и тѣмъ уронилъ акціи почти на 40 рублей. Многіе спекулянты не приняли купленныя ими акціи, хотя были за это исключены изъ членовъ малой биржи, но остальнымъ членамъ было отъ этого не легче. Я знаю лично лицъ изъ общества, потерявшихъ по 40 и болѣе тысячъ. Особенно потеряли Рихтеръ и Мусинъ-Пушкинъ. Я самъ потерялъ на этой недѣлѣ крупную сумму, потому что маклеръ Музиль не принялъ отъ меня купленныхъ имъ акцій Московско-Рязанской желѣзной дороги и я долженъ былъ заплатить довольно крупную сумму разницы. Если бы не было разныхъ подпольныхъ синдикатовъ, то конечно, это была бы самая правильная оцѣнка бумагъ, но наши жидовско-армянскія конторы и маклера употребляютъ разные неблаговидные фортели для поднятія курса нужной имъ къ сбыту бумаги, а также, стараются уронить ту, которую имъ надо купить. Всѣ эти кунштюки дошли до начальства,—маленькая биржа была закрыта. На большой биржѣ было не лучше; притомъ тамъ всѣ эти подвохи совершали на ухо, но зато не всякій рисковалъ появляться на это торжище и потому у многихъ деньги оставались въ карманѣ.

ГЛАВА XXI.

1870 г. Домъ Алаева.—Покупка дома Лопухина.—Полученіе мною званія камеръ-юнкера.—Поѣздка въ Петербургъ.—Франко-Германская война.—Избраніе новаго городского Головы кн. Черкасскаго и его неумѣстное письмо.

Въ 1870 году жили мы на Пречистенкѣ, въ Мансуровскомъ пер., въ домѣ Алаева. Квартира была большая, съ великолѣпной залой и многими парадными комнатами. Кромѣ 12 большихъ комнатъ бельэтажа и антресолей для людскихъ спаленъ, былъ еще мезонинъ въ 4 комнаты, совершенно намъ не нужный, въ которомъ мы помѣстили двоюроднаго брата моей жены. Жили мы въ этой квартирѣ второй годъ. Въ концѣ второй зимы на масляницѣ маленькая дочь моя Нина поѣхала кататься съ своей гувернанткой француженкой, а вернувшись съ гулянью, ночью захворала. Черезъ сутки у нея оказалась сильнѣйшая скарлатина. Нѣсколько дней была она между жизнью и смертью. Можно вообразить себѣ, что испытали мы съ женой во время болѣзни единственной нашей дочери. Конечно, кромѣ постояннаго нашего врача, профессора дѣтскихъ болѣзней Николаева, у насъ перебывали всѣ знаменитости дѣтскихъ болѣзней того времени и, благодаря Бога, болѣзнь миновала благополучно.

На противоположной сторонѣ улицы занимаемаго нами дома виднѣлся садъ съ оранжереями и другими барскими затѣями, а далѣе, вдоль улицы, домъ съ разными хозяйственными постройками. Проходя мимо воротъ дома, увидѣлъ я записку о продажѣ дома. Не имѣя никакого желанія купить домъ, зашелъ справиться о цѣнѣ. Встрѣтилъ меня управляющій домомъ полякъ Климашевскій и разсыпался въ похвалахъ мѣстности дома. Послѣ моего визита Климашевскій зачастилъ ко мнѣ съ предложеніемъ купить домъ. Сначала я отказывался, но такъ какъ цѣна постоянно понижалась и съ 50 тысячъ дошла до 41.500 рублей, то я рѣшился его купить. Притомъ Климашевскій выторговалъ себѣ за комиссію 300 рублей. Я далъ задатокъ 6 тысячъ, такъ какъ на домѣ былъ долгъ кредитнаго общества въ размѣрѣ 27 тысячъ. Когда купчая была написана у Нотаріуса представлена въ окружный судъ на утвержденіе къ старшему нотаріусу, то оказалось, что на немъ было столько запрещеній и недоимокъ, что не только что не хватило на покрытія ихъ оставшихся у меня 8 тысячъ,—но слѣдовало еще доплатить около десяти тысячъ. Домъ принадлежалъ Адріану Федоровичу Лопухину. Для совершенія купчей, я долженъ былъ купить у него мебель, бронзу и картины, а то мои задаточныя шесть тысячъ пропадали. Но тутъ Климашевскій обманулъ и меня, и Лопухина. Судьба наказала его впослѣдствіи, какъ я слышалъ за двойной обманъ. Онъ попался въ какомъ-то неблаговидномъ поступкѣ и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Домъ этотъ я передѣлалъ заново и сдѣлалъ значительныя прист-

ройки, а впослѣдствіи по Еропкинскому переулку, выстроилъ большой трехъэтажный домъ на мѣстѣ сада и оранжерей. Домъ былъ купленъ на имя моей жены и впрослѣдствіи проданъ Василію Ивановичу Кокореву.

Въ первыхъ числахъ ноября 1870 года поѣхалъ я въ Петербургъ, желая имѣть счастіе представиться Государю Императору Александру II и благодарить его за назначеніе меня камеръ-юнкеромъ двора Его Императорскаго Величества. Назначенъ я былъ въ это званіе Высочайшимъ приказомъ отъ 30 августа 1870 года вслѣдствіе представленія Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я явился къ графу Александру Владиміровичу Адлербергу и оберъ-гофмаршалу графу Шувалову. 12 ноября я получилъ повѣстку отъ гофмаршальской канцеляріи, что Государю Императору угодно принять меня 14 ноября въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ Государь со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ проводилъ осень. Рано утромъ 14 ноября я отправился на дебаркадеръ Царскосельской желѣзной дороги, гдѣ засталъ приготовленный для всѣхъ назначенныхъ въ этотъ день представляться вагонъ 1-го класса. По прибытіи въ Царское Село на дебаркадерѣ встрѣтили насъ придворные лакеи, у которыхъ были карточки лицъ, къ которымъ они были назначены. Мнѣ достался экипажъ вмѣстѣ съ моимъ старымъ знакомымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Урусовымъ, который представлялся Государю по поводу пріѣзда своего изъ Бельгіи, гдѣ онъ состоялъ при тамошней миссіи.

По пріѣздѣ въ Царскосельскій дворецъ насъ помѣстили въ отдѣленіи дворца для пріѣзжающихъ и тотчасъ же предложили завтракъ съ такимъ количествомъ винъ, что выпить бы ихъ не могъ и богатырь. Конечно, все это оставалось въ пользу прислуживающей прислуги. Въ 12 часовъ насъ пригласили къ обѣднѣ въ дворцовую церковь. Въ церкви кромѣ лицъ, которымъ назначено было представляться, были свитскіе дамы и мужчины. Императорская фамилія стояла на хорахъ и ихъ не было видно молящимся въ церкви. По окончаніи богослуженія насъ всѣхъ повели черезъ зер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ отъ инфантеріи Офросимовъ.

Съ гравюры изъ собранія Ровинскаго.

кальный залъ въ пріемную и разставили въ одну шеренгу по списку, бывшему у гр. Шувалова. Государь спросилъ у меня о Севастопольской кампаніи, увидавъ у меня на груди Севастопольскую медаль. Государь обходилъ всѣхъ съ праваго фланга и передъ каждымъ графъ Шуваловъ читалъ по запискѣ фамилію и обстоятельство, по которому представлялся. Въ числѣ лицъ свиты Государя находился Царскосельскій комендантъ дворца Григорій Федоровичъ Гогель, мой бывшій начальникъ по воспитанію моему въ корпусѣ путей сообщенія. Генералъ-адъютантъ Гогель не видѣлъ меня съ 1851 года, т. е. 19 лѣтъ. Я обратилъ вниманіе, на то что онъ, разговаривая съ генералъ-адъютантомъ Казнаковымъ, что-то говорилъ ему, показывая глазами по направленію того мѣста, гдѣ я находился. Я узналъ его тотчасъ и по окончаніи обхода Государя, когда Государь изъ пріемной комнаты, удалился въ собственные покои и всѣ сошли со своихъ мѣстъ, я подошелъ къ Григорію Федоровичу и сказалъ ему: «Позвольте, ваше превосходительство, напомнить вамъ о бывшемъ вашемъ воспитанникѣ института, Никифоровѣ». Гогель тотчасъ, пожавъ мнѣ руку, обратился къ Казнакову съ восклицаніемъ «Я говорилъ вамъ, что узналъ его, несмотря на 20-ти лѣтній промежутокъ времени, моя память мнѣ не измѣняетъ». Просилъ меня, по выходѣ изъ дворца, пріѣхать къ нему поговорить о старомъ во время завтрака.

Григорій Федоровичъ потому помнилъ меня, что я находился, въ числѣ нѣсколькихъ кадетъ, выбранныхъ для подхода, во время развода на вѣсти къ Государю Императору Николаю I. Кадетъ этихъ обучали фронту отдѣльно и Гогель часто присутствовалъ на урокахъ.

Прямо изъ дворца всѣ лица, бывшіе на представленіи поѣхали въ малый Охотничій дворецъ, гдѣ жилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія Цесаревны Маріи Ѳеодоровны. Пріема не было и всѣ только расписывались въ книгѣ.

Изъ дворца Цесаревича я поѣхалъ въ придворной каретѣ къ Григорію Ѳедоровичу Гогелю, гдѣ нашелъ генерала Казнакова и другихъ лицъ. Воспоминанія прошедшаго

времени лились съ той и другой стороны и мы оба помолодѣли на 20 лѣтъ.

Въ 4 часа я былъ уже въ Петербургѣ.

Во время Франко-Германской войны Государь пріѣзжалъ въ Москву на 5 дней въ августѣ съ 21 по 26-е. Во время обѣда въ Кремлевскомъ дворцѣ была получена телеграмма о разгромѣ французской арміи. 19-го октября, послѣ разгрома французской арміи и плѣненіи Наполеона III подъ Седаномъ, министръ иностранныхъ дѣлъ циркулярно объявилъ державамъ, что послѣ распаденія Имперіи Бонапартовъ, Россія не считаетъ для себя обязательнымъ исполнять пунктъ Парижскаго трактата 1856 г. объ ограниченіи державныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ. Циркуляръ Государственнаго канцлера произвелъ взрывъ восторга въ Московскомъ обществѣ. Всѣ были рады, что кошмаръ, тяготѣвшій надъ Россіей, гдѣ посторонния державы запрещали ей распоряжаться въ принадлежащихъ ей водахъ, наконецъ разсѣянъ однимъ почеркомъ пера. Я помню, что въ чернокнижной Англійскаго клуба, тогда ораторы громили Европу и выражали буйный восторгъ отъ дѣйствій Императора Александра II и его министра князя Горчакова. Такъ ликовала Москва.

Также произвелъ много пересудовъ Высочайше учрежденный 2 ноября 1870 года докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности на всѣ сословія государства.

Въ Москвѣ былъ выбранъ городскимъ головой Князь В. А. Черкасскій; крупный дѣятель во время крестьянской реформы, а также временный министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго послѣ его мятежа. Исполненіе реформъ, предназначенныхъ въ Польскихъ губерніяхъ были исполнены княземъ весьма удачно. Особенно быстро, точно и безшумно было выполнено имъ закрытіе лишнихъ католическихъ монастырей. Князь В. А. Черкасскій обладалъ чрезвычайнымъ самомнѣніемъ.

Результатомъ самомнѣнія князя было всеподданнѣйшее письмо Московской городской думы, въ которомъ кромѣ

сочувствія дѣятельности Государя было высказано и указаніе къ преобразовательной дѣятельности Государя.

Письмо было написано въ такихъ выраженіяхъ, что Министръ Внутренихъ дѣлъ возвратилъ думское письмо Московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить письмо Государю. Министръ Императорскаго двора въ отношеніи своемъ къ президенту Московской придворной конторы отозвался о письмѣ какъ составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ». Такъ отличилась Московская городская дума и ея самонадѣянный диктаторъ

ГЛАВА XXII.

1871 г. Двухсотлѣтняя выставка въ Александровскомъ саду новый перестройки въ Александро-Маріинскомъ училищѣ.

Начало зимы было неблагопріятно здоровью моей жены. Всю зиму мы возились съ докторами, и весной жена должна была ѣхать по предписанію врачей пить кумысъ въ Самарскихъ степяхъ, я же остался въ Москвѣ, занятый новыми постройками въ Александро-Маріинскомъ училищѣ, гдѣ для увеличенія классовъ предположено было выстроить два коридора и замѣнить деревянныя лѣстницы каменными. Все это было исполнено, хотя на постройку совѣтъ дамскаго попечительства не далъ ни гроша.

Въ началѣ іюня Государь пріѣзжалъ на три дня въ Москву, желая присутствовать на выставкѣ, устроенной въ Александровскомъ саду, близъ Кремлевской стѣны, по случаю празднованія двухсотлѣтія рожденія Императора Петра I.

Выставка была устроена преимущественно на частныя средства. Количество, но не качество концессіонныхъ предпріятій было въ зенитѣ своего могущества. Нѣсколько личностей обогатились на концессіяхъ и, какъ новые меценаты, желали показать свое покровительство нарождавшемуся русскому искусству. Выставка была задумана въ

времени лились съ той и другой стороны и мы оба помолодѣли на 20 лѣтъ.

Въ 4 часа я былъ уже въ Петербургѣ.

Во время Франко-Германской войны Государь пріѣзжалъ въ Москву на 5 дней въ августѣ съ 21 по 26-е. Во время обѣда въ Кремлевскомъ дворцѣ была получена телеграмма о разгромѣ французской арміи. 19-го октября, послѣ разгрома французской арміи и плѣненіи Наполеона III подъ Седаномъ, министръ иностранныхъ дѣлъ циркулярно объявилъ державамъ, что послѣ распаденія Имперіи Бонапартовъ, Россія не считаетъ для себя обязательнымъ исполнять пунктъ Парижскаго трактата 1856 г. объ ограниченіи державныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ. Циркуляръ Государственнаго канцлера произвелъ взрывъ восторга въ Московскомъ обществѣ. Всѣ были рады, что кошмаръ, тяготѣвшій надъ Россіей, гдѣ постороннія державы запрещали ей распоряжаться въ принадлежащихъ ей водахъ, наконецъ разсѣянъ однимъ почеркомъ пера. Я помню, что въ чернокнижной Англійскаго клуба, тогда ораторы громили Европу и выражали буйный восторгъ отъ дѣйствій Императора Александра II и его министра князя Горчакова. Такъ ликовала Москва.

Также произвелъ много пересудовъ Высочайше учрежденный 2 ноября 1870 года докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности на всѣ сословія государства.

Въ Москвѣ былъ выбранъ городскимъ головой Князь В. А. Черкасскій; крупный дѣятель во время крестьянской реформы, а также временный министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго послѣ его мятежа. Исполненіе реформъ, предназначенныхъ въ Польскихъ губерніяхъ были исполнены княземъ весьма удачно. Особенно быстро, точно и безшумно было выполнено имъ закрытіе лишнихъ католическихъ монастырей. Князь В. А. Черкасскій обладалъ чрезвычайнымъ самомнѣніемъ.

Результатомъ самомнѣнія князя было всеподданнѣйшее письмо Московской городской думы, въ которомъ кромѣ

сочувствія дѣятельности Государя было высказано и указаніе къ преобразовательной дѣятельности Государя.

Письмо было написано въ такихъ выраженіяхъ, что Министръ Внутренихъ дѣлъ возвратилъ думское письмо Московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить письмо Государю. Министръ Императорскаго двора въ отношеніи своемъ къ президенту Московской придворной конторы отозвался о письмѣ какъ составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ». Такъ отличилась Московская городская дума и ея самонадѣянный диктаторъ

ГЛАВА XXII.

1871 г. Двухсотлѣтняя выставка въ Александровскомъ саду новыя перестройки въ Александро-Маріинскомъ училищѣ.

Начало зимы было неблагопріятно здоровью моей жены. Всю зиму мы возились съ докторами, и весной жена должна была ѣхать по предписанію врачей пить кумысъ въ Самарскихъ степяхъ, я же остался въ Москвѣ, занятый новыми постройками въ Александро-Маріинскомъ училищѣ, гдѣ для увеличенія классовъ предположено было выстроить два коридора и замѣнить деревянныя лѣстницы каменными. Все это было исполнено, хотя на постройку совѣтъ дамскаго попечительства не далъ ни гроша.

Въ началѣ іюня Государь пріѣзжалъ на три дня въ Москву, желая присутствовать на выставкѣ, устроенной въ Александровскомъ саду, близъ Кремлевской стѣны, по случаю празднованія двухсотлѣтія рожденія Императора Петра I.

Выставка была устроена преимущественно на частныя средства. Количество, но не качество концессіонныхъ предпріятій было въ зенитѣ своего могущества. Нѣсколько личностей обогатились на концессіяхъ и, какъ новые меценаты, желали показать свое покровительство нарождавшемуся русскому искусству. Выставка была задумана въ

широкомъ масштабѣ, а главное съ огромными обѣщаніями въ будущемъ. Устроители выставки испросили уступки у правительства для будущихъ научныхъ цѣлей, помѣщеніе Александровскаго сада. Правительство согласилось отдать Кремлевскій садъ въ пользованіе обществу. Садъ огородили заборомъ, много насажденій деревьевъ уничтожили, но ничего не сдѣлавъ; спустя двадцать лѣтъ, вернули садъ дворцовому вѣдомству въ разрушенномъ видѣ, такъ что дворцовому управленію пришлось на свой счетъ исправлять чужіе грѣхи. Бульваръ вдоль рѣки Москвы, уничтоженный для возведенія различныхъ выставочныхъ построекъ такъ и остался до настоящаго времени въ печальномъ видѣ полуразрушенія.

У городской думы общество выпросило Лубянскую площадь для постройки музея прикладныхъ знаній и различныхъ къ нему филіальныхъ учрежденій. Музей былъ выстроенъ съ помощью залога въ банкѣ, но затѣмъ, часть земли, долго пустовавшая, сдана была въ аренду, а вторая половина пустуетъ до настоящаго времени. Однимъ словомъ, повторилась исторія синицы, обѣщавшей зажечь море и звавшей всѣхъ на великолѣпную уху. Въ настоящемъ году пустующее мѣсто сдано въ аренду предпринимателю подъ выстройку новаго отдѣла дома.

ГЛАВА XXIII.

1872 г.—Болѣзнь жены.—Поѣздка въ деревню лѣтомъ и осенью за границу.—Возвращеніе въ Москву и постройка дома по Еропкинскому переулку въ 1873 году.

Въ мартѣ 1872 года, здоровье жены моей, никогда не отличавшееся особенно хорошимъ состояніемъ, сильно пошатнулось. Лѣчившій ее бывшій профессоръ Московскаго Университета Николай Петровичъ Николаевъ, не могъ возстановить ея ослабѣвшихъ силъ, а ежедневная перемѣна лѣкарствъ только ухудшала ея положеніе. Я рѣшительно терялъ голову. Лѣтомъ мы поѣхали въ деревню, гдѣ здоровье ея немного поправилось, но съ возвращеніемъ въ городъ, слабость увеличилась вновь. Мы рѣшились ѣхать въ Вѣну, совѣтоваться съ профессоромъ Бамбергеромъ, который лѣчилъ ее во время пребыванія нашего въ Вюрцбургѣ,

гдѣ онъ прежде читалъ лекціи. Въ концѣ сентября тронулись мы въ путь. Съ нами поѣхала двоюродная сестра моя Надя Никифорова. Путь отъ Москвы до Варшавы былъ скученъ и однообразенъ. Первая остановка была въ Варашавѣ. Мы остановились въ Европейской гостиницѣ около Саксонскаго сада. Въ Варшавѣ мы пробыли всего однѣ сутки, чтобы дать женѣ отдохнуть отъ утомительной и скучной дороги, а на другой день, отправились далѣе въ Вѣну. Въ Вѣнѣ на вопросъ мой у словака-швейцара, говорившаго по русски, гдѣ можно узнать адресъ доктора Бамбергера, я получилъ отвѣтъ, что такая Вѣнская знаменитость извѣстна всему городу. Утромъ слѣдующаго дня я нанялъ карету и велѣлъ везти себя къ нему. Въ передней была масса ожидавшаго его пріема народа, и мнѣ пришлось бы ожидать свиданья съ нимъ нѣсколько часовъ. Я послалъ ему карточку, написавъ на ней, что я здоровъ и желаю видѣть его на нѣсколько минутъ, чтобы узнать у него, когда онъ можетъ пріѣхать къ намъ въ гостиницу, видѣть мою жену. Бамбергеръ тотчасъ же принялъ меня внѣ очереди и оказалъ большую радость встрѣтить старагo знакомаго и обѣщался по старому пріѣхать вечеромъ пить чай и вспомнить наше прежнее житье въ Вюрцбургѣ. Результатомъ вечерняго пребыванія была посылка насъ въ Ментонъ на всю зиму. На слѣдующее утро мы тронулись черезъ Земмерингъ въ Венецію. Ничего не видѣлъ я восхитительнѣе этого пути. Въ Вѣнѣ была хотя теплая, но сырая погода, когда мы поднялись на Земмерингъ, то нашли лежащій на поляхъ и горахъ снѣгъ, и нѣсколько градусовъ морозу. Спустившись черезъ Тріестъ въ Венецію, мы нашли жаркое лѣто, такъ что катались въ гондолахъ безъ верхняго платья. Изъ Венеціи мы поѣхали черезъ Миланъ во Флоренцію, гдѣ прожили нѣсколько дней и направились далѣе въ Генную. Послѣ остановки на нѣсколько дней въ Генуѣ и осмотра ея галлерей и садовъ, мы проѣхали прямо въ Ментонъ.

Тутъ нашли мы полную лѣтнюю погоду. Поселились мы на бульварѣ въ отдѣльномъ флигелѣ и сначала намъ было очень удобно, но когда въ декабрѣ начались бури на Сре-

диземномъ морѣ, то волны часто хлестали черезъ весь бульваръ и брызги ихъ попадали намъ въ окна, такъ что у насъ завелась въ комнатахъ сырость, мы должны были оставить наше помѣщеніе и переселились въ Hôtel de France, который стоялъ наполугорѣ. Такъ прожили мы до половины января, дѣлая безпрестанныя экскурсіи какъ въ горы, подымаясь на ослахъ, такъ и по берегу моря въ Монте-Карло, Вантимилью, Бордигеру и далѣе. Въ Ментонѣ была масса чахоточныхъ больныхъ, что сильно отражалось на нервномъ нездоровьѣ моей жены. Часто человѣкъ, гулявшій съ вами на бульварѣ вчера, не существовалъ на слѣдующее утро. Докторъ, пользовавшій мою жену, посовѣтовалъ намъ перебраться въ Ниццу, гдѣ больные терялись въ массѣ здоровыхъ и убыль человѣчества не такъ была замѣтна. Я просилъ товарища моего графа Владиміра Моркова найти намъ квартиру, которая вскорѣ была найдена и мы въ концѣ января переселились въ Ниццу. Тамъ нашли мы массу знакомыхъ и большія приготовленія къ предстоящему карнавалу. Весна прошла благополучно и тотчасъ послѣ праздника Пасхи мы отправились въ Парижъ совѣтоваться съ тамошними знаменитостями.

Первый нашъ визитъ къ знаменитости былъ неудаченъ, мы попали на шарлатана, который передалъ лѣченіе жены моей какому-то своему ассистенту, лѣчившему вдыханіемъ смолистыхъ газовъ, отъ которыхъ больной стало хуже.

По совѣту моихъ знакомыхъ мы обратились къ Профессору Академіи Жако, который осматрѣвъ больную, приказалъ ей тотчасъ же покинуть Парижъ и ѣхать въ Швейцарію, въ Монтрё, пить молоко. Вотъ мы снова въ вагонѣ. Горный воздухъ и молоко поправили ее. Въ началѣ мая я долженъ былъ ѣхать въ Россію, мой отпускъ окончился, а жена немного спустя поѣхала въ Эмсъ—пить воды.

Въ іюлѣ возвратилась изъ заграницы жена моя по окончаніи курса водъ въ Эмсѣ, что, повидимому принесло ей большую пользу.

При Пречистенскомъ домѣ жены былъ обширный садъ съ оранжереями, который мы рѣшили уничтожить и выстроить на занимаемомъ имъ мѣстѣ трехъэтажный домъ.

Составленіе плановъ городскимъ архитекторомъ Карнѣевымъ задержало начало постройки, но все таки къ октябрю домъ былъ вчернѣ сложенъ, и выходилъ своимъ фасадомъ на Еропкинскій переулокъ.

Начало зимы было благопріятно здоровью жены, такъ что она могла выѣзжать на вечера и въ театръ, и даже у насъ былъ дѣтскій вечеръ для моей малютки-дочери. Послѣ Рождества болѣзнь ея приняла дурное теченіе, такъ что вторую половину зимы мы провели въ грустномъ настроеніи. Созывъ консиліумовъ съ московскими знаменитостями не принесъ ей никакой пользы. По обыкновенію знаменитости пѣли различныя оперы. Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

ГЛАВА XXIV.

1873 г. Пріѣздъ Персидскаго Шаха.—Учрежденіе Московскаго Земельнаго банка.—Поѣздка въ Петербургъ.—Комиссіонный Банкъ.

Въ маѣ я вернулся въ Москву, гдѣ тотчасъ, по прибытіи отправился на Никольскую, свѣрить мои заграничные счета съ Коммерческимъ ссуднымъ банкомъ, по тратамъ и переводамъ, полученнымъ мною заграницей. Никольскую я нашелъ запруженною народомъ. Вся мостовая была болѣе, чѣмъ на вершокъ усыпана пескомъ. Съ большимъ трудомъ я могъ протискаться къ подъѣзду коммерческаго ссуднаго банка, гдѣ я узналъ причину скопленія народа. Съ минуты на минуту ожидали проѣзда Персидскаго Шаха, прибывшаго въ первый разъ въ Россію и Москву. Изъ оконъ банка я отлично видѣлъ торжественный проѣздъ Шаха по Никольской. Предшествуемый и конвоируемый огромной свитой, Шахъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ à la Daumont въ золотомъ мундирѣ, осыпанномъ алмазами и драгоцѣнными камнями. Свита его также блестѣла золотомъ. Шахъ помѣстился въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ; въ парадныхъ гостинныхъ бель-этажа дворца. Шахъ привезъ съ собою трехъ женъ, которыя помѣстились съ нимъ. Разсказывали много анекдотовъ про жизнь его свиты и безпо-

рядкахъ дѣлаемыхъ ими въ комнатахъ. Такъ евнухъ едва не убилъ ламповщика, пришедшаго зажигать лампы на женской половинѣ. Сидѣніе и даже трапезованіе ими на коврахъ пола, гдѣ, благодаря ихъ нечистоплотности, по отъѣздѣ Шаха должны были мѣнять ковры. Вообще неудобство совмѣстнаго путешествія Шаха съ его женской половиной, было столь ярко, что вскорѣ женскій персоналъ былъ отправленъ на жительство въ Петровскій дворецъ, а потомъ возвращенъ обратно въ Персію. Шаха убѣдили, что по Европѣ весьма возможно путешествовать безъ особаго женскаго баласта. Для Шаха устраивались разныя празднества. Былъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, смотръ пожарной команды и другія развлеченія.

У Шаха была многочисленная свита, всегда одѣтая въ золотые мундиры. Многихъ занимало одно должностное лицо. Когда Шахъ сморкался или утиралъ лицо или руки, то назадъ платка въ карманѣ клалъ, а послѣ операціи свертывая его въ комокъ, бросалъ назадъ черезъ голову. Обязанность этого чиновника была поймать платокъ на воздуѣ и не дать ему упасть на полъ, что онъ и исполнялъ весьма ловко. Когда Шахъ пріѣзжалъ на слѣдующій разъ, то должность эта и обычай были уничтожены.

Еще зимой прошедшаго года я получилъ предложеніе отъ полковника генеральнаго штаба Кисловскаго участвовать въ составленіи Устава Московскаго Земельнаго Банка.

Насъ учредителей было пять: Кисловскій, Коноплинъ, Никифоровъ, представитель конторы Волкова, старшій братъ ихъ Петръ Гавриловичъ и банкиръ Марецкій. За основаніе Устава мы взяли уставъ Харьковскаго Поземельнаго Банка, уже дѣйствовавшаго и, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, представили министру финансовъ Рейтерну. Марецкій и Волковъ гарантировали намъ, что первые два выпуска облигацій они берутся помѣстить у себя въ конторахъ. Половину акцій учредители брали себѣ, а другая половина была предназначена по подпискѣ для публики.

Я и Кисловскій отправились уполномоченными въ Петер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.
Съ фотографіи.

бургъ. Принялъ насъ въ министерствѣ Павелъ Ивановичъ Шамшинъ очень любезно и обѣщалъ полное содѣйствіе нашему проекту. Проектъ былъ отпечатанъ, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ экономіи. Министерство обнадежило насъ въ полномъ успѣхѣ и отпустило въ Москву. Прошло довольно долгое время, а объ утвержденіи нашего проекта ничего не слышно. Наконецъ изъ Петербурга пришло извѣстіе, что въ министерствѣ полученъ другой проектъ, тоже Московскихъ капиталистовъ и помѣщиковъ, во главѣ съ княземъ Черкаскимъ и известнымъ желѣзнодорожникомъ Лазаремъ Соломоновичемъ Поляковымъ. Проектъ былъ точная копія съ нашего проекта. Проектъ былъ напечатанъ также въ министерствѣ и пущенъ въ ходъ, а нашъ задержанъ въ канцеляріи. Волковъ и Марецкій получили приглашеніе вступить съ ними въ товарищество съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ нашего прежде заявленнаго проекта. Съ этимъ извѣстіемъ пріѣхалъ къ намъ полковникъ Кисловскій, говоря, что Волковъ колеблется и что совѣтуетъ намъ бросить дѣло и не бороться съ такими силами, какъ князь Черкасскій и желѣзнодорожникъ Поляковъ.

Подобные поступки меня возмутили. Я окончательно отказался слушать совѣтовъ Волкова и началъ дѣйствовать самостоятельно, единолично. Во первыхъ, вмѣсто Волкова, въ случаѣ его отказа, я сговорился въ Петербургской конторой Лампе, который обязался вступить къ намъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Волковъ, въ случаѣ его отказа. Затѣмъ, на другой же день я поѣхалъ въ Петербургъ и черезъ хорошаго знакомаго моего товарища Государственнаго секретаря Рамбелинскаго, довелъ до свѣдѣнія Чевкина, что кромѣ представленнаго въ Государственный совѣтъ проекта князя Владиміра Черкасскаго и Полякова, въ министерствѣ есть другой проектъ, представленный ранѣе нами. Результатъ моего сообщенія былъ тотъ, что черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Петра Гавриловича Волкова, въ которомъ онъ просилъ меня пожаловать въ его контору для совѣщанія, по поводу полученной бумаги министра финансовъ. Въ назначенный часъ я былъ у него, гдѣ кромѣ хозяина засталъ князя Черкасскаго и Льва Николаевича Вол-

кова. Въ бумагѣ министерства значилось, что: такъ какъ въ канцелярію министерства представлены два проекта одного и того же банка и въ каждомъ изъ нихъ учредители просятъ оставить за собой половину акцій, а другую половину подвергнуть публичной подпискѣ, то министерство спрашиваетъ: не найдутъ ли возможнымъ оба общества учредителей слиться въ одно, тогда министерство предоставитъ учредителямъ всѣ акціи и публичной подписки не будетъ.

Хотя подобное сліяніе не представляло намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ насъ учредителей было всего пять человѣкъ, а у нашихъ опонентовъ—двадцать и мы, по числу голосовъ, теряли всякое значеніе въ собраніи учредителей, но въ виду шаткости нѣкоторыхъ моихъ сотоварищей, я рѣшился пойти на предлагаемую министерствомъ сдѣлку.

Впослѣдствіи оказалось, что Чевкинъ обратилъ вниманіе министра финансовъ Рейтерна на задержаніе нашего проекта въ канцеляріи министерства и министръ приказалъ найти выходъ къ нашему соглашенію.

Проектъ былъ утвержденъ Государственнымъ совѣтомъ и задаточныя деньги внесены нами въ Государственный банкъ.

Въ первое же частное общее собраніе оказалось полное безсиліе нашей партіи. Князь В. А. Черкасскій забралъ все въ свои руки, самовольно утверждалъ постановленія инструкціи и служебныхъ лицъ. При разсмотрѣніи оцѣнки земель по губерніямъ и уѣздамъ, я сдѣлалъ заявленіе въ неправильности разцѣнки по Рязанской губерніи, имѣя въ ней недвижимое имѣніе. Черкасскій обидѣлся, но когда полковникъ Кисловскій, тоже помѣщикъ Рязанской губерніи, доказалъ ему сдѣланную имъ ошибку въ постановкѣ Спасскаго уѣзда выше Пронскаго, то Черкасскій, видя свое безсиліе, съ желчью обратясь къ намъ, сказалъ: «Конечно, противъ такихъ спеціалистовъ я спорить не могу, но въ оправданіе свое могу сказать, что въ Рязанской губерніи я пользовался указаніями Александра Ивановича Кошелева. Кисловскій возразилъ ему, что у Кошелева въ Спасскомъ уѣздѣ есть зеркальный заводъ съ хорошей песчаной землей, что очень цѣнно для зеркальнаго производства, но мало доходно для земледѣлія.

Конечно, послѣ такого инцидента отношенія обострились когда начали распредѣлять акціи, то Кисловскій отказался получить полностью слѣдуемыя ему 400 акцій, а взялъ кажется 50 или 100. Остальныя акціи мы раздѣлили между собой. Въ тотъ же день, напуганный Коноплинъ, видя безцеремонность Черкасскаго, уступилъ свои акціи Лазарю Соломоновичу Полякову, который сразу удвоилъ количество своихъ акцій. Конечно послѣ того всѣ дѣла вершались Черкасскимъ совмѣстно съ Поляковымъ, и намъ ничего не оставалось, какъ продать свои акціи, такъ какъ мы не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣла, что мы въ большинствѣ и сдѣлали.

Въ одно утро 1874 года явился ко мнѣ прежній мой компаньонъ по коммерческо-ссудному банку, Алаевъ съ предоженіемъ вступить съ нимъ въ учредительство новаго комисіонаго банка, на манеръ страхового общества. Банкъ самъ не производилъ никакихъ операцій, но страховалъ ихъ отъ риска, ставя свой бланкъ. Подобныя общества существуютъ за границей. Въ числѣ учредителей былъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, баронъ Бюллеръ, Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. Алаевъ былъ уже разоренъ и кредита не имѣлъ. Мы собирались поочереди у меня и у Полякова. Уставъ былъ выработанъ и представленъ въ кредитную канцелярію министерства финансовъ. Я былъ въ числѣ депутатовъ, ѣздившихъ хлопотать въ Петербургъ. Сначала дѣло пошло было на ладъ, но потомъ Алаевъ объявленъ былъ несостоятельнымъ, учредители разошлись и дѣло разстроилось.

ГЛАВА XXV.

1874 г. Манифестъ 1 января о всеобщей воинской повинности.—Пріѣздъ въ Москву новобрачныхъ Великой Княгини Маріи Александровны съ супругомъ.—Поздравленіе и цѣлованіе руки въ Екатерининской залѣ.—Покупка дома Леве въ Столешниковомъ переулкѣ.

I января 1874 года послѣдовалъ манифестъ о всеобщей воинской повинности. Манифестъ взбудоражилъ купеческое общество. Въ прежнее время купцы, платившіе гильдейскія повинности, были избавлены отъ службы въ войскахъ. Между служащими въ войскахъ, купеческій элементъ представлялся въ минимальной пропорціи. Богатые коммерсанты бросились покупать зачетныя рекрутскія квитанціи, находившіяся въ крестьянскихъ рукахъ, оставшіяся отъ прежнихъ наборовъ, а главное зачтенныя за ратниковъ Севастопольской компаніи не вернувшихся домой. Впослѣдствіи боязнь купеческихъ семей къ службѣ въ войскахъ уничтожилась, и побудила ихъ только добывать научные аттестаты, сокращающіе срокъ службы.

11 января совершилось бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Вскорѣ по совершеніи обряда Государь съ новобрачными прибыли въ Москву, гдѣ пробыли три дня. Въ Екатерининской залѣ Кремлевскаго дворца, представлялись имъ дворяне и старшія чины, при чемъ всѣ допускались къ цѣлованію руки новобрачной герцогини.

Въ одинъ вечеръ занятъ я былъ съ подрядчикомъ Ситниковымъ, который при прощаніи сказалъ мнѣ, что въ Столешниковомъ переулкѣ продается домъ Леве и совѣтовалъ купить его, находя просимую за него сумму, 125 тысячъ выгодною. Не имѣя въ то время свободной такой суммы, я отказался.

Придя въ гостиную къ женѣ, я нашелъ у нея ея двоюроднаго брата Ребиндера съ женою и при нихъ разсказалъ про сдѣланное мнѣ предложеніе. Жена Ребиндера начала уговаривать меня купить этотъ домъ пополамъ съ ними. Сначала я отказался, но потомъ ко мнѣ такъ при-

стали всѣ съ убѣжденіями и настояніями, что я долженъ былъ уступить. На другой день мы съ Александромъ Ребиндеръ поѣхали осматривать домъ и въ тотъ же день купили его. То было время покупной горячки домовъ. Квартиры поднялись сразу чуть не вдвое. Всѣ бросились на покупку домовъ, особенно съ пустопорожними мѣстами. Строительная горячка подняла цѣну на строительные матеріалы, особенно кирпичъ, который поднялся съ 20 до 34 руб., но и по этой цѣнѣ не всегда было возможно его имѣть, такъ что часто работы прерывались за неимѣніемъ строительнаго матеріала. Кредитное Общество открыло широкій кредитъ строителямъ и благодаря этому Москва украсилась многими зданіями. Но впослѣдствіи многіе разочаровались. Вначалѣ Восточная война, а потомъ изгнаніе евреевъ заставили пустовать много квартиръ и тѣмъ разорили новыхъ домовладѣльцевъ.

ГЛАВА XXVI.

1875 г.—Постройка дома въ Столешниковомъ пер.—Комическій бунтъ.—Отставка отъ должности Предсѣдательницы Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ Княгини С. С. Щербатовой.—Г-жа Нейдгартъ.—Поступленіе мое въ должность директора Торлецкаго Пріюта.

Въ 1875 году во время завѣдыванія полицейской властью Москвы оберъ-полицiймейстеромъ Араповымъ, я строилъ на купленномъ мною мѣстѣ въ Столешниковомъ переулкѣ, большой четырехъэтажный каменный домъ. Рабочихъ каменщиковъ было до 400 человѣкъ. Я жилъ съ семьей въ Петровскомъ Паркѣ, но пріѣзжалъ на стройку каждое утро, исключая праздничныхъ дней.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, по пріѣздѣ моемъ на работы, старшій десятникъ доложилъ мнѣ, что вчера наши каменщики затѣяли ссору съ каменщиками строящагося дома Чуксина, въ томъ же переулкѣ. Полиція желала арестовать буяновъ, но рабочіе не дозволили и прогнали блюстителей порядка. Сегодня, докончилъ докладъ десятникъ, квартальный Свистуновъ обѣщался придти къ Вамъ съ

жалобой на каменщиковъ. Съ рабочими я жилъ въ ладахъ, каждую субботу, кромѣ условленной платы, выдавалъ имъ чаевые, всѣмъ безъ исключенія. Кромѣ того не утруждалъ ихъ излишней работой потому и пользовался между ними нѣкоторой популярностью.

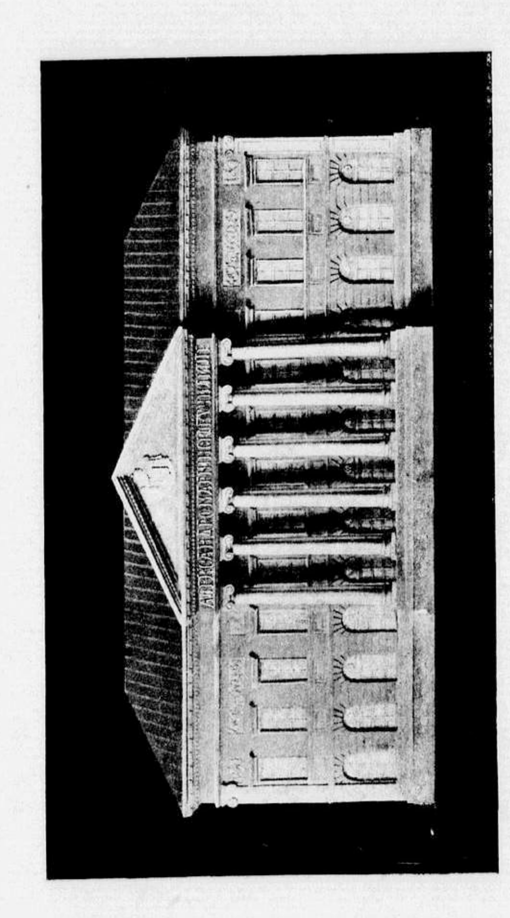
Обходя по лѣсамъ строящагося дома (воздвигался четвертый этажъ) я замѣтилъ усиленное стараніе рабочихъ. Каждый старался показать свое рвеніе въ исполненіи обязанностей. Не показывая вида, что я что нибудь знаю о вчерашнемъ происшествіи, обходя работы я говорилъ только о правильномъ производствѣ ихъ или о домашнихъ и юридическихъ дѣлахъ, касающихся лично ихъ и ихъ семей. Когда, по окончаніи обхода, я спустился на землю и въ ожиданіи обѣденнаго перерыва работъ, сидѣлъ на крыльцѣ сосѣдняго дома Леве, явился квартальный Свистуновъ съ помощникомъ и двумя будочниками.—«Я къ Вамъ съ жалобой»— началъ онъ свою рѣчь. Ваши рабочіе учинили вчера драку на улицѣ и ослушались полиціи, оказавъ ей сопротивленіе, говорилъ мнѣ Свистуновъ, прикладывая руку къ козырьку. Во первыхъ, у меня лично никакихъ рабочихъ нѣтъ, отвѣтилъ я, рабочіе наняты подрядчикомъ и я, какъ и вся Россія послѣ объявленія положенія 1861 года никакихъ правъ на личность людей не имѣю, во-вторыхъ, городская улица принадлежитъ завѣдыванію полиціи, а никакъ не лицу, имѣющему на ней домъ; а третье, меня даже не было вчера въ городѣ, такъ что я не могу быть вамъ полезенъ даже какъ свидѣтель. Но что же вамъ отъ меня угодно?—Я желалъ бы арестовать виновныхъ.—Но кто же вамъ мѣшаетъ? Рабочіе объявили мнѣ, что безъ васъ не дозволяетъ этого сдѣлать. Мнѣ оставалось только пожать плечами. Я буду ждать окончанія вашего обхода на этомъ крыльцѣ. Вся полицейская компанія поднялась на лѣса, и по указанію будочниковъ и помощника квартальнаго, начался арестъ указанныхъ ими лицъ. Всего свели они съ лѣсовъ шесть человѣкъ. Все было покойно. Но вдругъ раздался возгласъ. Да что мы, ребята, выдаемъ своихъ? Бросай работу. Выручай! и вся эта масса въ 800 ногъ затопотала по лѣсамъ, устремясь внизъ по лѣстницамъ, квартальный, помощникъ, будочники съ арестованными, всѣ бросились на крыльцо и спрятались за моей спиной. Положеніе мое было критическое—даже до смѣшного. Я видѣлъ, что эта необузданная толпа, изъ-за глупости и трусости полицейскаго агента, несется себѣ на пагубу, желая совершить необузданный актъ насилія надъ властью.

Я выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ, держа въ правой рукѣ единственное мое оружіе—дождевой зонтикъ. Когда передніе спустились на землю—то я громко крикнулъ. Стой! что вы дѣлаете, безумцы? Сами себѣ роете яму, развѣ можно сопротивляться власти? Прочь, по мѣстамъ и первый, кто тронется впередъ будетъ имѣть дѣло со мной, а не съ полиціей. Я вамъ порука, что ничего противозаконнаго не будетъ учинено съ вашими товарищами. Не знаю что? Громкій ли мой голосъ, комически ли грозная моя фигура или нѣкоторый авторитетъ, которымъ я пользовался между рабочими сдѣлали то, что толпа стихла, остановилась и тихо поплелась опять по лѣсамъ на работы. Свистуновъ быстро скрылся съ арестованными. Я тотчасъ поѣхалъ къ мѣстному полиціймейстеру Огареву и разсказалъ ему трагикомическое происшествіе. Никакого хода рапорту Свистунова не дали. 6 каменщиковъ выслали изъ Москвы, но они черезъ три дня вернулись обратно и работали у того же подрядчика только на другихъ стройкахъ

Правителемъ дѣлъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ Серебряковъ. Онъ же былъ и Правителемъ дѣлъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Предсѣдательница перваго была княгиня Четвертинская, а Вицъ-предсѣдательница кавалерственная дама Варвара Евграфовна Чертова. Предсѣдательницей Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, а также его учредительницей была княгиня Софія Степановна Щербатова. Повидимому все шло гладко въ обоихъ обществахъ. Въ одно утро, когда я пріѣхалъ съ какимъ-то дѣломъ къ Варварѣ Евграфовнѣ Чертовой, услыхалъ новость, что Софія Степановна Щербатова взяла себѣ въ Правители дѣлъ вмѣсто Серебрякова,

сына своего, бывшаго Московскимъ городскимъ головой, князя Александра Алексѣевича Щербатова, найдя какія-то неисправности по канцеляріи. Двоевластіе Серебрякова окончилось и часть канцеляріи съ дѣлами перебралась на Никитскую, въ домъ князя Щербатова.

На одномъ изъ общихъ собраній въ домѣ и квартирѣ княгини Софіи Степановны, гдѣ обязательно присутствовали всѣ попечительницы со своими секретарями, намъ объявили, что Серебряковъ отказался отъ исполненія обязанностей правителя дѣлъ попечительства, но князя Александра Алексѣевича не было, его замѣнялъ какой-то чиновникъ, которымъ руководила сама княгиня Щербатова. Говорили, что князь А. А., узнавъ стороной, что дѣла канцеляріи идутъ не совсѣмъ правильно, уговаривалъ свою мать отстранить Серебрякова, и когда старая княгиня возразила, что трудно найти человѣка, который бы съ пользою замѣнилъ Серебрякова, пробывшаго болѣе 30-ти лѣтъ правителемъ дѣлъ, то князь, въ пылу разговора, предложилъ свои услуги. Никто не сомнѣвался въ истинно рыцарски-честныхъ побужденіяхъ князя, но всеобщій голосъ былъ, что князь пробудетъ правителемъ дѣлъ недолго. Князь—истый баринъ, не могъ быть приказной строкой и возиться съ разными личностями, нажаждущими за пожертвованные ими гроши—наградъ. Надобно было имѣть много терпѣнья и уклончивости, чтобы ладить со всѣмъ этимъ людомъ. Канцелярія была сдана князю Александру Алексѣевичу и бумаги перевезены въ домъ его на Никитской, во флигель на дворѣ. Вотъ все, что мы знали объ этомъ инцидентѣ. Серебряковъ остался правителемъ дѣлъ только Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ. По желанію вицъ-предсѣдательницы совѣта я поступилъ почетнымъ членомъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ и вотъ канцелярія совѣта потребовала мой формулярный списокъ изъ Дамскаго Попечительства, но несмотря на нѣсколько повтореній—отвѣта никакого. Наскучивъ ожиданіемъ, я отправляюсь на Никитскую гдѣ мнѣ говорятъ, что князь въ деревнѣ, а канцелярія на дворѣ, во флигелѣ. Отправляюсь туда. Передъ флигелемъ протянута веревка и по ней бѣгаетъ на цѣпи огромный мохнатый песъ, съ лаемъ бросающійся на всѣхъ дерзавшихъ подходить близко къ

Домъ, гдѣ родился Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

флигелю. Долго соображалъ я о способѣ попасть въ канцелярію, крѣпко охраняемую мохнатымъ стражемъ и наконецъ былъ выведенъ изъ затрудненія дворникомъ, объявившимъ, что въ канцеляріи никого нѣтъ и даже письмоводитель уѣхалъ въ деревню. Я долженъ былъ отправиться въ мѣсто прежняго моего служенія, комендантское управленіе, гдѣ и досталъ копію моего формулярнаго списка, по которому и былъ утвержденъ на службѣ Дѣтскихъ Пріютовъ. Конечно, по такому способу веденія дѣлъ, ничего дурного въ канцеляріи происходить не могло.

Не прошло и года по увольненіи отъ завѣдыванія дѣлами Дамскаго Попечительства Серебрякова и принятіи его обязанностей на себя княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, какъ распространился слухъ, что князь уговариваетъ свою мать отказаться отъ должности Предсѣдательницы Совѣта. Вицъ-Предсѣдательницей совѣта была Варвара Евграфовна Чертова, покровительствовавшая бывшаго правителя дѣлъ Серебрякова; слѣдовательно, въ случаѣ назначенія ея на мѣсто княгини Щербатовой, возобновился бы прежній режимъ, чего князь Александръ Алексѣевичъ допустить не желалъ. Придумана была такая комбинація. Княгиня Софія Степановна письмомъ къ Государынѣ Императрицѣ просила, чтобы ей, какъ учредительницѣ общества, дозволено было вопреки устава, предложить членамъ совѣта избрать самимъ предсѣдательницу. (По уставу предсѣдательница назначалась Высочайшею властью). Государыня, снисходя къ просьбѣ княгини Щербатовой, дозволила избраніе предсѣдательницы на этотъ разъ, оставивъ назначеніе въ будущемъ себѣ. Вотъ тутъ-то и началась подпольная работа. Большинство дамъ попечительницъ, уважая достойную Софію Степановну соглашались предоставить рѣшеніе выбора ей, которая и выбрала Марію Александровну Нейдгартъ, попечительницу Маріинскаго женскаго училища. Меньшая же часть попечительницъ стояла за выборъ вицъ-предсѣдательницы Чертовой. Была одна попечительница, подавшая голосъ за дочь княгини Щербатовой, княгиню Голицыну. Марія Александровна Нейдгартъ была утверждена предсѣдательницей совѣта. Но тутъ-то и началась война. Чертова отказалась отъ званія Вицъ-предсѣдательницы и вмѣстѣ съ

тѣмъ подала прошеніе на Высочайшее Имя, объ отдѣленіи завѣдываемаго ею Александро-Маріинскаго училища отъ Дамскаго Попечительства на томъ основаніи, что Училище это учреждено и содержимо ею безъ всякаго пособія совѣта. Всѣ это до того ее разстроило, что она заболѣла нервной горячкой и жизнь и здоровье ея было въ опасномъ положеніи.

Не только Московское общество, но даже Петербургскій административный міръ заговорилъ объ этомъ инцидентѣ и пошла писать губернія. Результатъ вышелъ мышиный. В. Е. Чертовой дозволено было дѣлать представленія помимо Совѣта, прямо въ Канцелярію Вѣдомства Императрицы Маріи, но Училище осталось въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ. Княгиня Софія Степановна старалась всячески затушить поднявшуюся бурю и безпрестанно навѣщала В. Е. Чертову, но ничего сдѣлать не могла. Пріѣзжалъ въ Москву по тому же поводу и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, но все это уладилось только наружно, а скрытое недовольство осталось до настоящаго времени. Поѣздка В. Е. Чертовой въ Петербургъ и представленіе ея покойной Императрицѣ Маріи Александровнѣ тоже не измѣнило и не подвинуло ея завѣтныхъ желаній, хотя и оказано было ей много вниманія отъ Высочайшихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ. Только въ 1899 году Училище передано было Военному Вѣдомству съ переименованіемъ въ «Институтъ Кавалерственной Дамы Чертовой».

ГЛАВА XXVII.

1876 г. Болѣзнь жены. Поѣздка за границу. Порученіе Принца П. Г. Ольденбургскаго.

Весной 1875 года здоровье жены моей опять ухудшилось и я окончательно потерялъ голову. Профессоръ Николаевъ былъ большой любитель уженья рыбы и часто уѣзжалъ для этого изъ Москвы. Въ одну изъ его поѣздокъ на нѣсколько дней, жена моя сильно расхворалась. Не желая оставлять ее безъ серьезной помощи, я пригласилъ доктора Мамонова, который впослѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ Медицинскаго Департамента. Лѣченіе шло малоуспѣшно, несмотря на то, что мы поочередно приглашали всѣхъ Московскихъ знаменитостей на консиліумы. Въ маѣ переѣхали мы въ Петровскій Паркъ, нанявъ дачу рядомъ съ докторомъ Мамоновымъ, чтобы имѣть его всегда подъ руками. Осенью 1875 года здоровье жены моей несмотря на разнообразіе и количество докторовъ, было настолько плохо, что ей необходимо было ѣхать за границу совѣтоваться къ тамошнимъ знаменитостямъ. Я былъ занятъ постройкой моего Столешниковскаго дома, а жена въ концѣ сентября поѣхала въ Берлинъ къ тогдашней знаменитости, доктору Траубе. Послѣднее время лѣчилъ ее докторъ Мамоновъ и въ ея напутствіе, для показанія своей дѣятельности заграничнымъ свѣтиламъ, написалъ цѣлую тетрадь, исторію ея болѣзни и способы лѣченья, принимаемыя Московскими знаменитостями. Я проводилъ жену до Смоленска, а далѣе она поѣхала съ моей сестрой и гувернанткой дочери. По пріѣздѣ въ Берлинъ она тотчасъ же поѣхала къ Траубе и вотъ что произошло на этомъ свиданіи. Траубе долго читалъ представленный фоліантъ и изрѣдка поглядывалъ на утомленную, болѣзненную фигуру жены моей. Наконецъ фоліантъ прочитанъ. Траубе отложилъ его въ сторону и, обернувшись къ женѣ моей, сказалъ: «Какое у Васъ крѣпкое здоровье». Жена была изумлена рѣчью знаменитаго профессора и приняла это за шутку. «Какое же мое здоровье— сказала она—если я едва имѣю силы сидѣть передъ Вами, профессоръ». «А я повторяю Вамъ—какое у Васъ крѣпкое здоровье. А знаете почему?»—Нѣтъ, отвѣтила жена. «Московскіе эскулапы употребили всѣ, чтобы разстроить Ваше здоровье и уморить Васъ, а Вы на зло имъ, остались живы и сидите передо мной. Бросьте всѣ лѣкарства, поѣзжайте въ Монтрё, пейте молоко, а за обѣдомъ и завтракомъ стаканъ краснаго вина и будете здоровы. Теперь я дамъ Вамъ пилюли для исправленія Вашего разстроеннаго желудка отъ Московскихъ лѣкарствъ, а послѣ поправки, бросьте и ихъ. Затѣмъ на зиму поѣзжайте въ Римъ, гдѣ не такъ жарко, какъ въ другихъ курортахъ и менѣе вѣтра». Всѣ прика-

занія Траубе были исполнены и весной жена вернулась настолько окрѣпшей, что мы больше для лѣченія за границу не ѣздили. Изъ Берлина жена моя поѣхала въ Монтрё, куда я пріѣхалъ къ ней въ началѣ ноября нашего стиля. Въ концѣ ноября новаго стиля въ Монтрё выпалъ небольшой снѣгъ и мы тронулись въ Римъ, куда послѣ многихъ остановокъ и прибыли 1-го декабря новаго стиля. Въ Римѣ мы остановились на площади Пополи, въ гостиницѣ Россія, но сырая мѣстность, а главное сумрачныя комнаты, не выходящія на солнечную сторону, заставили насъ искать другого помѣщенія для жительства. Я обратился въ справочную контору для указанія квартиры, гдѣ съ меня конечно, прежде всего взяли деньги за рекомендацію, потомъ дали чичероне, которому я тоже долженъ былъ уплатить субсидію и я въ наемномъ фіакрѣ отправился съ нимъ на поиски. Проѣздивши нѣсколько часовъ, я ничего не нашелъ подходящаго, грустно возвращался домой, въ душѣ браня контору и плохого чичероне. Не доѣзжая площади Барберини я замѣтилъ только что отстроенный отель «du Louvre», на правой солнечной сторонѣ улицы. Приказавъ остановиться экипажу, я взошелъ въ отель. Гостиница только что была отдѣлана, но жильцовъ въ ней никого не было. Я былъ первый наниматель. Мы скоро сошлись съ содержателемъ, и въ бель-этажѣ двѣ спальни и салонъ я нанялъ на полномъ пансіонѣ за 50 франковъ въ день. Къ вечеру мы переѣхали на новое жительство.

На другой день мы начали съ осмотра достопримѣчательностей Рима. Первое, что мы посѣтили, былъ дворецъ Барберини на площади того же названія, гдѣ находится знаменитый портретъ Беатричи-Чинчи, портретъ ея матери и сцена свиданія ея съ матерью въ тюрьмѣ, накапунѣ казни. Я не стану описывать всего видѣннаго нами въ теченіе всей зимы въ дворцахъ Рима,—на это нужны цѣлые томы. Мы ежедневно что-нибудь осматривали, но любопытнаго было такое громадное количество, что осмотрѣть все подробно не хватило бы и двухъ лѣтъ.

Погода въ Римѣ была не жаркая, приблизительно держалась 10°, но устойчивая. Хотя ночью нерѣдко бывало нѣ-

сколько градусовъ мороза, но съ восходомъ солнца ледъ таялъ. Очень хороши были фонтаны, у которыхъ не солнечная сторона покрыта кусками льда, когда противоположная блещетъ свѣжими струями воды. Вѣтра въ городѣ почти не было, только на Монте Пинчіо и окружающихъ холмахъ Рима былъ онъ замѣтенъ, во время загородныхъ нашихъ экскурсій. Въ одно время съ нами проживалъ въ Римѣ нашъ хорошій знакомый Николай Дмитріевичъ Селезневъ, съ которымъ мы часто совершали осмотры музеевъ и окрестностей Рима. За нѣсколько дней до Рождества случилось въ Римѣ маленькое землетрясеніе. Я помню, мы приказали затопить каминъ, но черезъ нѣсколько минутъ наши комнаты наполнились дымомъ, такъ что мы вынуждены были залить огонь. Мы отнесли это къ неисправности трубъ, но на слѣдующій день узнали изъ газетъ о случившемся землетрясеніи, бывшемъ даже причиной паденія статуй и скульптурныхъ украшеній съ домовъ.

Гостиница, въ которой мы заняли комнаты, была только что отстроена и мы были первые жильцы, въ ней поселившіеся. Содержатель очень за нами ухаживалъ. Вскорѣ, по примѣру, нашему, жильцы стали прибывать и, къ концу сезона, весь Hôtel былъ занятъ. Черезъ улицу отъ нашей гостиницы былъ небольшой двухъ-этажный домъ. Онъ сдавался въ наемъ, но не былъ покамѣстъ никѣмъ занятъ. Въ Римѣ разнеслась вѣсть, что скоро долженъ пріѣхать Джузепе Гарибальди. Пошли приготовленія для его встрѣчи. Находящійся противъ насъ домъ былъ нанятъ для его пребыванія.

Въ день его пріѣзда въ Римъ, толпы народа, съ утра стремились на дебаркадеръ. Шли корпораціи съ флагами, съ вѣнками, а также съ хорами музыки. Мы смотрѣли на все это изъ оконъ нашего дома. По его прибытіи на дебаркадеръ Рима, мимо нашего дома, по направленію къ площади Барберини прокатилась коляска, запряженная вмѣсто лошадей—людьми. Народъ выпрягъ лошадей изъ коляски и пожелалъ везти его на своихъ раменахъ, но національный герой, не желая ѣздить на себѣ подобныхъ, вышелъ изъ экипажа и, опираясь одною рукой на кого-то изъ своихъ

пріятелей, а другой — на костыль, тихо шелъ къ приготовленному ему дому, сопровождаемый несмѣтною толпою народа. Долго стояла толпа на дворѣ дома и кричала «evviva Гарибальди». Гарибальди показался на балконѣ въ своей традиціонной шапочкѣ и курткѣ и обратился съ рѣчью къ народу. Я отправился на дворъ его дома, но онъ говорилъ такъ слабо, что ничего невозможно было услышать и понять. Кромѣ того, толпа такъ шумѣла, что и протодіаконскій голосъ не могъ бы быть слышенъ. Черезъ нѣсколько дней Гарибальди перешелъ куда то на другую квартиру.

Осматривали мы галереи, сады, дворцы и загородныя виллы. Помѣщеніе короля показывалось всѣмъ безъ всякихъ хлопотъ и стараній. Когда мы пріѣхали во дворецъ и осматривали парадныя комнаты, залы и капеллу квиринала, въ которой Божественной службы не производилось, по случаю отлученія Короля Виктора Эммануила эдиктомъ Папы Пія IX, то я пожелалъ видѣть и столовую залу Короля, гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть парадный обѣдъ. Насъ тотчасъ повели. Зала весьма небольшая. Столъ былъ накрытъ покоемъ. Бронза и канделябры самые ординарные, въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ у насъ нанятые кондитера, однимъ словомъ, какъ у помѣщика средней руки. Пошли мы также въ садъ. Параллелограмъ съ прямыми ординарными дорожками, кучи неубранной земли и разбитыхъ цвѣточныхъ горшковъ. Полная простота и безпорядокъ. Однимъ словомъ, жилище частнаго человѣка, а не Короля объединенной Италіи.

Любили же короля ужасно: я помню одинъ эпизодъ, въ которомъ я участвовалъ лично.

Во время карнавала наняли мы съ Николаемъ Дмитріевичемъ Селезневымъ комнату съ балкономъ на площади, противъ почты на Корсо. Балконъ убрали коврами и пріѣзжали на нѣсколько часовъ любоваться масками, процессіями и толпами гуляющихъ.

На Корсо было полное оживленіе, — бросали другъ въ друга цвѣтами и особенно мучными конфети. Кромѣ насъ съ Н. Д. Селезневымъ и его секретаря Новикова, на балконѣ была моя маленькая дочь Нина со своей гувернанткой. Утомившись всѣмъ этимъ уличнымъ гамомъ, мы уда-

лились въ комнату къ чайному столу. На балконѣ осталась дочь моя со своей гувернанткой, а около нихъ стояла корзина съ мучными конфети и со всѣмъ приборомъ для бросанія ихъ. Дѣвочку занимала эта забава и она безпрестанно перебрасывалась съ проѣзжими. Мы заняты были чаепитіемъ въ комнатѣ. На улицѣ послышалось шиканье всей площади наполняющаго ее народа. Невольно мы бросились на балконъ и увидѣли взоры всѣхъ устремленные къ нашему балкону, а Короля Виктора Эммануила удаляющимся въ коляскѣ, внизъ по Корсо, осыпаннаго конфети и мукой. Ребенокъ, бросая конфети въ проѣзжающіе экипажи, осыпалъ ими и Короля, гувернантка засмотрѣлась и не предупредила ее. Король, увидя, что получилъ подарокъ отъ ребенка наклоненіемъ головы благодарилъ дѣвочку, а публика, возмущенная безтактностью гувернантки, ошикала ее.

Постомъ, общество художниковъ сыграло премилую штуку съ римскими фланерами. По случаю проведенія новой національной улицы отъ дебаркадера желѣзной дороги къ Корсо, ломали много старинныхъ домовъ и планировали мѣстность для предполагаемой улицы. Въ землѣ нерѣдко находили старинныя скульптурныя и бронзовыя вещи. Это породило спортивный характеръ на находки, и покупки ихъ собирателями древностей. Въ недостроенномъ новомъ домѣ, гдѣ едва былъ постланъ временный полъ, общество художниковъ устроило выставку древностей и панорамъ Рима. Цѣна за входъ была объявлена одна лира (нашихъ 25 коп.). Передъ входомъ навѣсили флаговъ, убрали антре деревьями, стѣны были затянуты коленкоромъ. Однимъ словомъ—все было сдѣлано, что дѣлается на обыкновенныхъ выставкахъ. Публика повалила. На полкахъ, обтянутыхъ коленкоромъ, разложены были гвозди, разбитыя бутылки и горшки и другой хламъ. Надписи гласили: гвоздь изъ дома Юлія Цезаря, вбитый имъ лично въ стѣну, изломанная шпора перваго крестоносца; горшокъ матери Гракховъ и тому подобное. Въ проходѣ играла шарманка допотопные марши, а въ отдѣльной комнатѣ показывались уличныя панорамы разныхъ Римскихъ развалинъ. Всякій чувствовалъ себя одураченнымъ, но, не желая быть въ одиночествѣ и при-

держиваясь пословицы: «на міру и смерть красна», выходя увѣрялъ публику, что выставка очень интересна. Въ теченіи трехъ дней всѣ любители выставокъ, перебывали и бѣдные получили порядочное пособіе отъ дохода съ любопытныхъ.

Въ концѣ февраля мы цѣлой компаніей отправились въ Неаполь, гдѣ нашли чудесную погоду. Начались осмотры Неапола и его окрестностей. Осмотрѣли національный музей, дворцы городской и загородной. На воротахъ перваго увидѣлъ я двухъ старыхъ знакомыхъ — бронзовыхъ коней съ Аничкина моста въ Петербургѣ, подаренныхъ Императоромъ Николаемъ I Неаполитанскому Королю, во время пребыванія Императрицы Александры Феодоровны въ Палермо. Передъ дворцомъ миніатюрную колонаду, копію съ колонады св. Петра въ Римѣ. Потомъ осматривали окрестности Неаполя, направо черезъ тунель къ храму Минервы. Заѣзжали, конечно, въ сѣрные гроты—бани, гдѣ мальчишка, пробѣгая кругомъ горячаго сѣрнаго источника испекалъ въ рукахъ сырыя яйца. Были въ Помпеѣ, Кастеламарѣ, Соренто и другихъ окрестностяхъ.

Нигдѣ не видѣлъ я народа болѣе развращеннаго и лѣниваго, какъ въ южной Италіи. Нищихъ масса. Проституція почти поголовная. Я былъ страшно пораженъ видомъ, когда на улицѣ молодой малый, прося милостыну, увѣрялъ, что онъ не имѣетъ даже рубашки, причемъ не стѣсняясь тѣмъ, что съ нами были дамы, распахнулъ свой балахонъ и показался намъ въ костюмѣ Адама. Можно также удивляться развитію легкихъ у дѣтей. Мы цѣлой компаніей поѣхали осматривать окрестности. Толпа дѣтей окружила насъ, прося у насъ сольди. Мы бросили имъ нѣсколько монетъ. Конечно произошла свалка. Между ними была прехорошенькая дѣвочка лѣтъ 9-ти-10-ти, на которую обратили вниманіе и желая разсмотрѣть ее поближе бросили ей 2 су, потомъ, показывая мѣдныя деньги, постоянно бросали ей; она не отставала отъ нашего экипажа цѣлый часъ и провожала насъ, несмотря на крупную рысь нашихъ лошадей.

Въ мартѣ мы покинула Неаполь и черезъ Римъ, Кар-

Московскій комендантъ Генералъ отъ инфантеріи Фридериксъ.

Съ современной гравюры.

рару, Геную отправились въ Ниццу. Останавливались въ Пизѣ на одинъ день осматривать ея достопримѣчательности; соборъ и падающую башню.

Подъѣзжая вечеромъ къ Ниццѣ во время слѣдованія черезъ Ментону, я обратилъ вниманіе на особенно тепличную температуру Ментоны, такого теплаго воздуха не было и въ Неаполѣ. Устроивъ жену въ Ниццѣ, я долженъ былъ ѣхать въ Россію по случаю окончанія моего отпуска. Жена въ концѣ апрѣля поѣхала въ Гейдельбергъ, совѣтоваться съ тамошней знаменитостью, профессоромъ Фредериксомъ, по совѣту котораго поѣхала пить воды въ Эмсъ, гдѣ также лѣчился Государь Императоръ Александръ II и Германскій Императоръ Вильгельмъ I. Я же возвратился въ Москву и занялся окончаніемъ постройки новаго дома моего въ Столешниковомъ переулкѣ.

Въ 1875 году, по желанію вицъ-предсѣдательницы В. Е. Чертовой, кромѣ моей службы въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ, я зачислился почетнымъ членомъ Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ, съ платою нѣсколькихъ сотъ рублей. Сдѣлалъ я это по двумъ причинамъ: 1) я занималъ должность ниже моего чина, и не могъ быть произведенъ въ слѣдующіе чины за выслугу лѣтъ; 2) предсѣдательницей пріютовъ значилась княгиня Четвертинская, но фактически должность исправляла Чертова, и потому могла дѣлать всякія представленія, какія ей заблагоразсудится и наобѣщала мнѣ съ три короба, за дѣятельность и работу мою по Александро-Маріинскому училищу. По обыкновенію, обѣщаній своихъ не исполняла и я кромѣ сладкихъ словъ и милыхъ писемъ, ничего не получилъ за всю 12-ти лѣтнюю работу въ училищѣ, и за потраченныя на него собственныя средства.

Не прошло и полугода, какъ я получилъ предложеніе отъ предсѣдательницы Совѣта Дѣтскихъ Пріютовъ принять должность директора Торлецкаго Дѣтскаго пріюта, вслѣдствіе отказа отъ этой должности директора Зырева. Кромѣ того, попечителиница Торлецкая отказала въ помѣщеніи пріюту, занимавшему квартиру въ домѣ ея мужа, на Моховой противъ Манежа. Въ кассѣ пріюта денегъ не оказалось, кромѣ того за старшиной Торлецкимъ числился

21

текущій долгъ въ суммѣ 8,200 руб. Вотъ въ какомъ положеніи принялъ я пріютъ. Принявъ на себя обязанность директора Торлецкаго Дѣтскаго Пріюта, я перевелъ заведеніе въ домъ жены моей на Пречистенкѣ. Кромѣ ста приходящихъ дѣтей было еще 15 живущихъ. На содержаніе пріюта тратилось болѣе 5 тысячъ. Совѣтъ долженъ былъ ежегодно приплачивать слишкомъ три тысячи, такъ какъ Торлецкій обязался вносить въ кассу Совѣта только 2 тысячи, но послѣдніе четыре года не вносилъ ничего. Залоговое свидѣтельство, выданное имъ Совѣту въ обезпеченіе исправной уплаты возвращено ему было въ 1873 году подъ расписку для замѣны его новымъ. Прежній взносъ обезпечивался домомъ Торлецкаго въ городской части. Домъ былъ проданъ Торлецкимъ Россійско-Американской компаніи. Торлецкій, несмотря на обѣщаніе, новаго свидѣтельства не представилъ, и денегъ не платилъ. Все это породило неудовольствіе между попечительницей Еленой Григорьевной Торлецкой и директоромъ Зыревымъ, который и счелъ за лучшее удалиться.

По вступленіи моемъ въ должность, Совѣтъ, вслѣдствіе приказанія Главноуправляющаго Вѣдомствомъ Императрицы Маріи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго отъ 12 ноября 1876 года за № 622, выдалъ мнѣ предписаніе, какъ о взысканіи слѣдующихъ за прошедшее время 8200 рублей процентовъ, такъ и навзысканія капитальной суммы—40 тысячъ, пожертвованныхъ имъ, въ обезпеченіе содержанія живущихъ призрѣваемыхъ дѣтей, или потребовать представленія залоговаго свидѣтельства на недвижимое его имущество. Положеніе мое было крайне затруднительно. Я долженъ былъ вести дѣло съ мужемъ моей попечительницы, нѣкоторымъ образомъ моей начальницы и съ нимъ—моимъ помощникомъ, по званію его старшиной пріюта. Конечно, о началѣ судебнаго дѣла я и не думалъ, надѣясь уладить его мирнымъ путемъ. Но даже и мирные разговоры съ обоими, были весьма щекотловаго свойства. Конечно мнѣ было обѣщано пополнить всѣ недоимки, но на дѣлѣ ничего не выходило.

Въ слѣдующій пріѣздъ Его Высочества въ Москву я

былъ потребованъ къ нему. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, то первое, что онъ спросилъ: взысканы ли 48 тысячъ съ Торлецкаго? На мой отвѣтъ, что взыскана только часть суммы изъ числа слѣдующихъ съ Торлецкаго за прежніе годы процентовъ, Его Высочество объявилъ мнѣ, что слѣдуетъ энергичнѣе требовать какъ проценты, такъ и капиталъ, и объявить Торлецкому, что если онъ не внесетъ денегъ или залоговаго свидѣтельства, то съ пріюта снимутъ названіе «Торлецкій». Я просилъ дозволенія не начинать дѣла судомъ, хотя Торлецкій не исполнилъ своего обоцанія воспользовался тѣмъ, что получилъ изъ канцеляріи залоговое свидѣтельсто для перемѣны продалъ домъ, а другого свидѣтельства не представилъ. Но въ виду того, что это пожертвованныя деньги, просилъ дать мнѣ время заставить ихъ уплатить добровольно всю сумму сполна, какъ капитала, такъ и процентовъ. Я началъ съ того, что расходъ по пріюту уменьшилъ съ 5500 р. на 3500 р. Потомъ, по немногу получилъ съ Торлецкаго всѣ 8 тысячъ рублей долга и ежегодно плату 2000 руб. Совѣтъ приплачивалъ къ нимъ всего съ небольшимъ тысячу руб. Впослѣдствіи попечительница Торлецкая перевела пріютъ опять въ свой домъ, и взяла всѣ расходы на себя. Когда мужъ ея продалъ домъ на Кузнецкомъ мосту доктору Захарьину за милліонъ руб., то и капиталъ въ 40 тысячъ былъ внесенъ въ кассу Совѣта.

Исполнивъ предписаніе Его Высочества, я перешелъ директоромъ въ Ольгинскій пріютъ, и всѣ мои расчеты съ Торлецкимъ пріютомъ были окончены.

ГЛАВА XXVIII.

1876—1877 г.—Покупка второй половины Столешниковскаго дома.—Статьи Аксакова.—Движеніе въ Московскомъ обществѣ.—Сербская война.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка.

Весной 1876 года сотоварищъ мой по владѣнію домомъ въ Столешниковомъ переулкѣ, Александръ Ребиндеръ, пожелалъ продать кому нибудь свою часть, и начать постройку новаго дома. Я предложилъ ему возвратить ему

затраченную имъ сумму вдвое, т.-е. за полтора года дать ему сто процентовъ на капиталъ, но онъ не согласился, находя, что это мало. Начались поиски покупателя. Никто не давалъ больше, несмотря на массу разныхъ комиссіонеровъ. Наши отношенія изъ пріятельскихъ стали весьма натянуты. Ребиндеръ не платилъ слѣдуемыхъ съ него процентовъ въ Кредитное Общество, такъ что домъ могъ быть назначенъ въ продажу съ публичныхъ торговъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ я прибавилъ ему кромѣ двойной затраты имъ капитальной суммы еще 2 или 3 тысячи и купилъ его половину, взявъ кромѣ того совершеніе купчей на свой счетъ. Сдѣлка эта, конечно, не улучшила моихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Была пора завѣтныхъ мечтаній! Квартиры поднялись на 30 и больше процентовъ и всѣ мечтали составить себѣ капиталы на спекуляція домами, тѣмъ болѣе, что неурядицы съ рабочими заставили многихъ продавать свои насиженныя гнѣзда, а «Московское Кредитное общество» широко выдавало ссуды и процентъ его былъ гораздо снисходительнѣе пресловутаго Золотого Банка.

Мечты эти скоро разрушились. Сначала Сербская и Восточная войны, а потомъ изгнаніе евреевъ изъ Москвы, заставили пустовать много квартиръ и цѣнность ихъ упала до первоначальной стоимости. Процентовъ, не изъ чего было уплачивать въ Кредитку, и начались перезалоги и дополнительныя ссуды, совсѣмъ разорившіе многихъ домовладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что драконовскія распоряженія Городского Головы Алексѣева и исполняющаго должность Оберъ-Полицiймейстера Власовскаго окончательно подорвало ихъ финансовое положеніе. Теперь начинается та же комедія и можетъ быть будетъ длиться до пришествія новыхъ Алексѣева и Власовскаго. Но что будетъ далѣе, увидятъ потомки.

Весной 1876 года славянское благотворительное общество, во главѣ съ И. С. Аксаковымъ пропагандировало защиту славянскихъ народовъ отъ звѣрства турокъ. Московское общество всецѣло высказалось въ пользу возставшихъ славянъ. Московскій благотворительный Комитетъ собиралъ обильныя денежныя средства для веденія освободительной

войны. Въ теченіе весны было собрано болѣе семисотъ тысячъ рублей, кромѣ различныхъ пожертвованій матеріалами. Кромѣ денежной помощи въ Москвѣ были снаряжены походные госпитали для раненыхъ и отправлены въ Сербію и Черногорію. Масса отставныхъ военныхъ солдатъ и офицеровъ отбыли въ Сербію и Черногорію, чтобы встать въ ряды защитниковъ угнетеннаго славянства, всѣхъ этихъ лицъ снабжалъ одеждой, вооруженіемъ и деньгами на путешествіе, Московскій комитетъ славянскаго общества. Количество отъѣзжающихъ было настолько велико (благодаря дамскому увлеченію москвичекъ, посылавшихъ на освободительную войну своихъ вздыхателей), что одинъ членъ судебной корпораціи, по прибытіи въ Бѣлградъ, не могъ найти себѣ другой дѣятельности, какъ сдѣлаться разносчикомъ пакетовъ и офиціальныхъ писемъ, чего легко могъ бы достигнуть и въ Москвѣ. Много было толковъ про пожертвованіе Тульскихъ дворянъ и внесеніе въ благотворительную кассу трехсотъ тысячъ рублей Петромъ Федоровичемъ Самаринымъ, но послѣдніе оказались пуфомъ. При отправленіи сестеръ милосердія и врачей на войну, служили торжественные молебны и желали имъ побѣду надъ врагомъ славянства.

Кромѣ словесныхъ громовъ, газеты, журналы и отдѣльныя изданія громили варварство турокъ и тѣмъ увеличивали стремленіе народонаселенія стать въ защиту угнетеннымъ. Принятіе на себя званія Главнокомандующаго генераломъ Черняевымъ, до того воспламенило защитниковъ славянства, что даже генералы отправились къ возставшимъ. Количество протестующихъ было ничтожно и какъ капля не могло утишить пожара. Князь Вяземскій писалъ. Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнетъ силою возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Нисколь, а напротивъ—мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги «Il est grand, il est beau de faire des ingrats!» Это говоритъ поэзія, а политика не то говоритъ. Лучше имѣть для насъ сбоку слабую Турцію, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Сла-

ванію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ. И когда были намъ въ пользу Славяне? Россія для нихъ дойная корова и только. А всѣ сочувствія ихъ уклоняются къ Западу. А мы даемъ доить себя до крови...

Несмотря на то, что повстанцы терпѣли пораженіе за пораженіемъ, такъ что только по требованію Императора Александра II, поддерживаемому другими державами, заключено было перемиріе. Общественное возбужденіе въ Россіи возрастало съ каждымъ днемъ. Добровольцы отправлялись въ Сербію партіями. На обмундированіе ихъ отпускалось сукно и холстъ изъ казенныхъ складовъ, офицерамъ давались долговременные отпуска, и они отправлялись добровольцами въ Сербію.

Особенно кипучую дѣятельность проявлялъ И. С. Аксаковъ, отправивъ въ Ливадію посланцемъ А. А. Пороховщикова, желая довести до свѣдѣнія Государя о настроеніи умовъ въ Москвѣ. 21 сентября Государь милостиво принялъ А. А. Пороховщикова, выслушалъ докладъ его о всеобщемъ сочувствіи народа, растрогавшій добросердечнаго Государя до слезъ. Отпуская Государь обнялъ и поцѣловалъ его.

По возвращеніи А. А. Пороховщикова въ Москву, онъ разсказывалъ въ англійскомъ клубѣ подробности своего пріема Императоромъ, всецѣло доказывавшаго доброе и отзывчивое сердце Государя.

19 октября получено было извѣстіе о разгромѣ сербовъ и взятіе турками Джиниша и Алексинца и только благодаря требованію Императора Александра II движеніе турокъ было пріостановлено.

Телеграмма опалила крылья воинственнымъ ораторамъ Славянскаго Комитета, но зато наполнила гордостью другихъ русскихъ, видѣвшихъ въ покорности турокъ силу земли русской и могущество ея Царя.

Конечно, если бы не интриги нашей недоброжелательницы Англіи, то восточный вопросъ былъ бы улаженъ безъ кровопролитной войны.

28 октября вся Царская семья прибыла въ Москву. 30 октября, принимая въ Кремлевскомъ Дворцѣ Московское дворянство и представителей городской думы, поднес-

шихъ всеподданнѣйшіе адресы, Императоръ сказалъ имъ слѣдующее: «Благодарю Васъ, господа, за чувства, которыя Вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ событій. Они теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять Вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда истинными героями. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать про Сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію, но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же этого не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя бы обезпечивали исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Рѣчь Государя въ Кремлевскомъ дворцѣ, разнеслась съ быстротою молніи не только по Москвѣ, но и по всей Россіи и вызвала сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ.

И. С. Аксаковъ, въ восторженной рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета сказалъ: «Въ Кремлѣ, среди святыни и древности Московской, рус-

скій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами, и держалъ къ нему рѣчь, навѣки врѣзавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры. Нѣтъ мгновеній, возвышеннѣе тѣхъ, когда внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ нею живою движущею силой и весь народъ послышитъ себя единымъ цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствѣ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуту пережили мы съ Вами въ завѣтный день 30 октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя его мысль и слово и устами Москвы же въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть выражала свою вѣру и страстное желаніе: «Да прейдетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человѣчеству, во славу истины Божіей». Вторя Москвѣ, возликовала и заговорила вся русская область и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски. Эти слова Государя не были дѣломъ случайнымъ, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ какъ преемникъ Царей, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ,—какъ преемникъ Петра и Екатерины какъ вѣнчанный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта.

Надежда на миръ исчезла какъ дымъ. Хотя конференція въ Константинополѣ и старалась уладить, но было ясно, что вскорѣ война должна была разразиться. Всѣ приготовленія къ ней велись усиленно, и дѣйствительно русскія войска перешли Прутъ 12 апрѣля 1877 года.

Весной 1877 года выдалъ я подрядчику малярныхъ работъ чекъ на Коммерческій Ссудный Банкъ для полученія съ текущаго моего счета, за исполненныя имъ работы слѣдуемыя ему деньги. Спустя часа полтора послѣ его ухода, докладываютъ мнѣ, что подрядчикъ вернулся и принесъ чекъ обратно, такъ какъ по немъ въ Банкѣ уплаты не произвели. Меня крайне удивило такое обстоятельство. На текущемъ счетѣ Банка у меня лежало нѣсколько тысячъ, и я предположилъ, что чекъ былъ неправильно выписанъ, или случилась бухгалтерская ошибка. Приказавъ подрядчику идти обратно въ Банкъ, я тотчасъ же поѣхалъ туда самъ. Въ Банкѣ хотя операціи производились, но видно было всеобщее смущеніе и какая-то сутолока между всѣми служащими въ Банкѣ. На вопросъ мой у кассира о причинѣ невыдачи денегъ по моему счету; мнѣ отвѣтили, что это было недоразумѣніе служащихъ и тотчасъ же я получилъ слѣдуемую мнѣ сумму. Распорядителя Банка Полянскаго не было въ Москвѣ, онъ уѣхалъ на отдыхъ въ Ялту. Миліоти и другой директоръ ничего положительнаго мнѣ не сказали. Отъ служащихъ въ Банкѣ я узналъ, что сейчасъ же будетъ собранъ совѣтъ Комитета по поводу ревизіи иностраннаго отдѣленія, въ которомъ вкрались какіе-то безпорядки. Директоръ иностраннаго отдѣленія былъ еврей Ландау, прогорѣвшій Варшавскій банкиръ. Я уѣхалъ изъ банка, не подозрѣвая, что случилось что-нибудь особенно важное. На утро Банкъ былъ опечатанъ, у кассы стояла полиція. Купецъ Алексѣевъ (бывшій впослѣдствіи Городскимъ Головою), не получивъ слѣдуемыхъ ему изъ Банка денегъ, заявилъ Прокурору о растратѣ въ Коммерческомъ Ссудномъ Банкѣ, и по его заявленію были положены печати на кассу Банка.

Члены Совѣта хотѣли одновременно внести растраченный капиталъ, считая его около 2-хъ милліоновъ, но ни Министръ Финансовъ, ни Министръ Юстиціи не согласились на это. Впослѣдствіи оказалось фальшивыхъ квитанцій знаменитаго Струсберга почти на семь милліоновъ рублей. Началось дѣло. Много было толковъ по поводу грандіознаго процесса краха Коммерческаго Ссуднаго Банка, оправданіемъ присяжными части членовъ Совѣта Банка, а остальныхъ Сенатомъ; обвинили толь-

*) Рѣчь И. С. Аксакова въ Моск. Слав. Комитетѣ 6 марта 1877 г.

ко директоровъ Полянскаго и еврея Ландау. Послѣдній хотя былъ главный и истинный виновникъ краха, но благодаря украденнымъ имъ милліонамъ, несмотря на полное обвиненіе, счастливо уѣхалъ за границу, гдѣ и проживаетъ на благопріобрѣтенный капиталъ. Рѣшеніемъ суда онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ съ ссылкой въ Сибирь, но, какъ подавшій просьбу о кассаціи приговора въ Сенатъ, былъ отданъ на поруки полиціи. При немъ постоянно находился квартальный и два полицейскихъ служителя, жившихъ въ его квартирѣ. Въ одно утро квартальный донесъ, что Ландау бѣжалъ и съ тѣхъ поръ извѣстій о немъ не имѣется. Квартальный былъ преданъ суду, но отдѣлался только увольненіемъ отъ службы. Слухи ходили, что въ ней онъ не нуждался, бывъ хорошо вознагражденъ Ландау за способствованіе къ побѣгу. Были лица, про которыхъ говорили, что они даже слышали, какъ полицейскіе желали уѣзжавшему Ландау, во время его бѣгства, счастливаго пути. Громкаго же дѣла о побѣгѣ Ландау и наказанія его пособниковъ мы не слышали. Не даромъ онъ укралъ семь милліоновъ. Публика расплатилась за свою довѣрчивость. Крахъ Банка стоилъ мнѣ болѣе тридцати тысячъ.

Пострадалъ только Полянскій. Струсбергъ былъ высланъ какъ иностранецъ за границу. Пострадали вкладчики, и особенно акціонеры, потерявшіе весь свой капиталъ, потеря эта стоила мнѣ 35 тысячъ. Полянскій былъ сосланъ въ Сибирь, впослѣдствіи прощенный вернулся въ Москву, но въ Москвѣ ему не удалось пристроиться на мѣсто, и онъ взялъ мѣсто у желѣзнодорожника Лазаря Соломоновича Полякова въ Сибири, гдѣ вскорѣ и скончался.

ГЛАВА XXIV.

1877 г.—Объявленіе Восточной войны.—Пріѣздъ Государя въ Москву,—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Устройство больницъ въ Москвѣ.—Сборъ пожертвованій.—Санитарные поѣзда.—Пріѣздъ Государя въ декабрѣ.—Празднество столѣтія рожденія Императора Александра I.—Пожалованіе званія Александровскаго Комитету о раненыхъ.

Ожиданіе начала военныхъ дѣйствій на берегахъ Дуная и на окраинахъ Азіатской границы въ Закавказьи были всеобщи. Всѣ ждали и готовились къ войнѣ. Наконецъ 12 апрѣля манифестъ былъ подписанъ и война объявлена.

Государь изъ Кишинева выѣхалъ въ Одессу, откуда черезъ Кіевъ прибылъ 22 апрѣля вечеромъ въ Москву.

На Курскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ его встрѣтила Государыня Императрица Марія Александровна и Цесаревна Марія Ѳеодоровна, только что прибывшія изъ Петербурга. Улицы Москвы были ярко иллюминованы, такъ какъ въѣздъ въ Москву имѣлъ торжественную обстановку. У часовни Иверской Божіей Матери все царское семейство вышло изъ экипажей и прикладывалось къ иконѣ.

23 апрѣля утромъ Государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ Московскаго дворянства и городской думы, поднесшихъ адресы.

Выслушавъ ихъ, Императоръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ посреди нашего древняго родного Кремля, я выразилъ Вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ донельзя щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ этомъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государыней Императрицей благодарить

всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за Вѣру, Царя и Отечество».

Вслѣдъ за пріемомъ депутацій состоялся Высочайшій выходъ съ Краснаго Крыльца въ Успенскій Соборъ. При выходѣ на Красное Крыльцо Государь былъ восторженно привѣтствуемъ народомъ, наполнившимъ соборную площадь. До 1877 года Москва не имѣла не только ни копѣйки общественныхъ долговъ, но обладала запаснымъ капиталомъ въ милліонъ рублей. Этотъ капиталъ городъ предложилъ Государю на нужды войны. Государь впослѣдствіи вознаградилъ Москву. Когда по представленію ходатайства Городской думы о недостаткѣ городской пригородной земли, приказалъ уступить городскому обществу Сокольничью рощу за 350 тысячъ рублей, когда она, въ сущности стоила нѣсколько милліоновъ. Изъ-за этой рощи впослѣдствіи въ 1879 году возникнулъ печальный инцидентъ.

Восточная война прибавившая столько славы русскому оружію, сильно потрясла ея финансовую жизнь и особенно повліяла на торговлю Москвы. Многіе магазины закрылись и торговыя фирмы обанкротились. Магазины и квартиры пустовали годами и нерѣдко цѣлые этажи и дома были оклеены бѣлыми билетиками съ надписью: «отдается внаймы». Цѣнность квартиръ сразу упала на тридцать процентовъ.

Въ началѣ недоразумѣній нашихъ съ турецкимъ правительствомъ войска двинулись на южную границу Россіи. Квартировавшая въ Москвѣ 1-я Гренадерская дивизія направилась въ Азіатскую Турцію подъ начальствомъ своего командира генерала Роопа. Выходъ войскъ не былъ замѣтенъ въ Москвѣ. За ихъ удаленіемъ, начали формироваться резервы въ такомъ же, если еще не въ большемъ количествѣ. Дѣятельность благотворительныхъ обществъ усилилась, начались сборы, разныя пожертвованія и приготовленія больничныхъ теплыхъ и походныхъ вещей, для будущихъ больныхъ и раненыхъ. Устроилось нѣсколько временныхъ больницъ и лазаретовъ на частныя средства. На Поварской, въ домѣ Государственнаго Коннозаводства учредился комитетъ изъ дамъ общества, для сбора пожертвованій деньгами и вещами на помощь ушедшимъ войскамъ. Газеты были полны разсказами звѣрствъ турецкихъ башибузуковъ надъ жителями Болгаріи. Художественныя выставки пестрѣли изображеніемъ погрома, совершеннаго турками по ту сторону Дуная. Общество сильно взволновалось и ожидало объявленія войны. Аксаковъ и К° громили въ газетныхъ листкахъ варварскую Турцію, и призывали всѣхъ на брань для защиты меньшихъ братій. Наконецъ 12 апрѣля 1877 года Манифестомъ Государя была объявлена война и войска наши перешли границу Имперіи. Я не буду описывать ходъ военныхъ событій, а разскажу только то, что дѣлала Москва. Пожертвованія, стекавшіяся со всей Россіи по Главному Московскому Комитету дѣлились надвое: часть посылалась за Дунай, а другая въ Азіатскую Турцію. Въ Москвѣ постепенно нанимались квартиры для помѣщенія больныхъ, заводились въ нихъ кровати, посуда и устраивались временные госпитали на нѣсколько десятковъ кроватей. Персоналъ докторовъ и сестеръ милосердія находился всегда въ полномъ комплектѣ.

Маленькія больнички были очень симпатичны и предпочитались больными большимъ госпиталямъ и лазаретамъ. Оно не удивительно. Квартира съ простой обстановкой напоминала частную квартиру, въ какой въ прежнее время привыкъ видѣть себя больной. Не было той казенщины, что царитъ въ госпиталяхъ. Персоналъ служащихъ былъ въ большинствѣ женскій и притомъ женщинъ, добровольно принявшихъ на себя многотрудную и утомительную обязанность. Мягкость отношеній совсѣмъ противоположная нашимъ мундирнымъ комиссарамъ. Все это заставляло забывать больного, что онъ лежитъ въ госпиталѣ, а не въ квартирѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ. На Поварской въ домѣ Коннозаводства былъ главный складъ всѣмъ жертвуе-

мымъ вещамъ и также былъ пріемъ жертвуемыхъ денегъ. Городъ Москва пожертвовалъ почти весь свой запасный капиталъ—милліонъ рублей. Телеграммы съ театра войны ожидались съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Было устроено нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ съ различными приспособленіями въ вагонахъ. Прибытіе первыхъ раненыхъ въ Москву было событіемъ дня. Многія московскія барыни выѣхали встрѣчать ихъ на дебаркадеръ желѣзной дороги и какъ милости просили помѣстить ихъ въ завѣдываемый ими лазаретъ. Отступленіе нашихъ войскъ изъ-за Балканъ и долговременная осада Плевны сильно волновала всѣхъ москвичей. Всѣ, кто могъ, рвались за Дунай. Военные просили перевода, другіе командировки, а гражданскіе чины желали попасть хотя въ санитарный поѣздъ. Наша Московская благотворительница А. Н. Стрекалова воспользовалась настроеніемъ общества и устроила въ Всѣхсвятской рощѣ городокъ для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Было выстроено нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и близъ нихъ каменная прелестной архитектуры церковь. Этимъ инвалиднымъ городкомъ завѣдывалъ полковникъ (теперь генералъ-лейтенантъ) Дмитрій Васильевичъ Мерчанскій, въ то время чиновникъ особыхъ порученій Генералъ-Губернатора. Балы, вечера, аллегри и сборы разныхъ видовъ устраивались безпрестанно. Дамы общества искали случая попасть въ завѣдующія и даже въ сестры милосердія временныхъ лазаретовъ. Помѣщеній для лазаретовъ была масса. Москва сразу опустѣла и билетики объ отдачѣ квартиръ видились на каждой улицѣ. Взятіе Плевны въ концѣ ноября наполнили радостью Москвичей. Затѣмъ событія перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы, несмотря на суровое зимнее время, пошли такъ быстро, что въ половинѣ января было видно, что окончаніе военныхъ дѣйствій должно совершиться въ скоромъ времени. Мѣстъ въ Московскихъ лазаретахъ было такъ много, что недостатка въ помѣщеніи раненыхъ никогда не ощущалось. Въ концѣ поста начали возвращаться нѣкоторые изъ Московскихъ добровольцевъ. Возвращались они въ такомъ испитомъ видѣ, благодаря Дунайскимъ лихорадкамъ, что жалко было на нихъ смотрѣть.

Родной климатъ скоро возстановлялъ утраченныя ими силы. Проѣздъ Государя Императора изъ арміи черезъ Вильно въ Петербургъ обрадовалъ всѣхъ, показавъ, что скоро будетъ конецъ нашимъ невзгодамъ. И, дѣйствительно, 19 февраля былъ заключенъ миръ. Либеральная партія была опечалена, получивъ извѣстіе въ одно время съ вѣстью заключеніи мира, печальную вѣсть о кончинѣ гражданскаго правителя Болгаріи, бывшаго городского головы г. Москвы князя Черкасскаго. Много разочарованій принесъ намъ Берлинскій конгрессъ. Хотя мы ожидали много непріятностей отъ зависти къ намъ англичанъ, но іезуитское поведеніе канцлера Германской Имперіи князя Бисмарка озадачило всѣхъ. Благодаря содѣйствію Россіи, маленькая Пруссія обратились въ обширную Германскую Имперію и въ благодарность за то, въ первый же удобный моментъ предала ее созванному ареопагу, какъ Іуда не за тридцать сребренниковъ, а за эфемерную славу быть маклеромъ Европы.

Въ декабрѣ 1877 года отъ московскаго дворянства, г. Москвы и Земства Московской губерніи посланы были депутаціи съ адресами по случаю возвращенія Государя изъ арміи въ Петербургъ. Депутаціи желали поздравить Государя съ паденіемъ Плевны и плѣненіемъ Османа-паши со всей его арміей. Государь вернулся въ столицу 10 декабря, 12-го праздновалъ рожденіе Императора Александра I и Комитету о раненыхъ присвоилъ названіе Александровскаго.

Московскія депутаціи дворянъ и земства были приняты Государемъ 25 декабря, на привѣтствіе ихъ Государь отвѣчалъ: «Благодарю Васъ, господа за выраженіе чувствъ Вашихъ. Чувства эти я давно знаю, въ искренности ихъ никогда не сомнѣвался и твердо увѣренъ, что они вовѣкъ останутся неизмѣнными. Да поможетъ намъ Господь со славою и честью довести до конца свято дѣло наше. Жалѣю, что Васъ нѣсколько задержалъ. Думская депутація представлялась нѣсколько дней ранѣе.

Въ концѣ 1877 года всѣ газеты были наполненый дѣломъ, поднятымъ присяжнымъ повѣреннымъ Плевако отъ имени Общества крестьянъ Тульской губерніи, имѣнія графа Боб-

ринскаго, противъ ихъ владѣльца. Крестьяне отыскивали какія-то права свои на земли графа Алексѣя Васильевича. Либеральныя газеты зашумѣли, посыпались разныя были и небылицы отъ разныхъ корреспондентовъ, такъ что если бы ихъ послушать, можно было бы вообразить себя живущимъ въ средневѣковыя времена. Впослѣдствіи все это оказалось неправдою, изобрѣтенной знаменитымъ Плевако, особый адвокатскій фортель и реклама своему самовосхваленію; но не въ томъ дѣло.

Шумъ, поднятый Плевако и К⁰, былъ разсчитанъ на то, что въ январѣ 1878 года графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій, бывшій въ то время Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства долженъ былъ баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе. Компанія эта думала, что графъ, боясь выборовъ, пойдетъ на ихъ удочку. Большинство дворянъ были возмущены такимъ неблаговиднымъ подвохомъ либеральствующаго меньшинства и конечно, совѣтовали графу не обращать вниманія на либеральную шумиху и предоставить дѣло суду. Выборы открылись и сразу показали ясно—на чьей сторонѣ большинство. Къ несчастью небольшая кучка либераловъ все-таки пропагандировала идею Плевако. Когда мы не сошлись во взглядахъ на кандидатуру въ Губернскіе Предводители Дворянства, то я предложилъ моему оппоненту во время выборовъ придерживаться англійскаго порядка, гдѣ Виги смѣняютъ Торіевъ, а Торіи—Виговъ. Мы—Торіи предложимъ графа Бобринскаго, какъ нашего представителя, а вы Виги, предложите вашего принципала знаменитаго Плевако. Всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ собравшихся слушателей. Спору былъ конецъ. Когда приступили къ чтенію параграфовъ порядка выборовъ въ Губернскіе Предводители, гдѣ говорится, что лицо, занимавшее мѣсто Губернскаго Предводителя баллотируется первымъ»,—Графъ Алексѣй Васильевичъ сказалъ: «Пользуясь моимъ правомъ, я прошу баллотировать меня» и удалился изъ залы. Громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова графа. Конечно онъ былъ выбранъ блистательно,—почти единогласно, а г. Плевако проигралъ въ судѣ и въ общественномъ мнѣніи.

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи выборовъ, когда графъ Алексѣй Васильевичъ обѣдалъ у меня въ кругу своихъ близкихъ друзей В. А. Шереметева, Д. А. Столыпина, графа Гудовича и др., то во время тоста, предложеннаго мною за его избраніе, отвѣчая мнѣ, сказалъ: «Благодарю Васъ за пожеланія, въ искренности которыхъ я не сомнѣваюсь, хотя мнѣ извѣстно, что кромѣ моей кандидатуры, вами былъ предложенъ мой оппонентъ». Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на юмористическую шутку, въ прибавленіе его отвѣтнаго тоста.

ГЛАВА XXX.

Возвращеніе войскъ въ Москву.—Дворянскій выборъ графа Бобринскаго.—Покупка дома для военнаго вѣдомства на Пречистенкѣ.—Губернаторы: Дурново, Перфильевъ.

Понемногу стали возвращаться въ Москву войска изъ Азіатской Турціи и лица, чѣмъ нибудь связанныя съ военнымъ бытомъ. Въ Москву былъ назначенъ новый начальникъ Военнаго округа графъ Бревернъ-де-Лагарди, а начальникъ штаба Сергѣй Михайловичъ Духовской (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Туркестана), теперь покойникъ. Прежній начальникъ Московскихъ войскъ генералъ Гильденштубе былъ переведенъ въ Петербургъ. Въ продолженіе лѣта, многіе лазареты еще функціонировали, но къ осени все вошло въ свою колею, только въ военномъ городкѣ въ Всехсвятской рощѣ прибавилось обитателей. Осенью Москва начала свои веселья, ожидалось нѣсколько свадебъ, по возвращеніи войскъ съ похода, а зимой должны были состояться выборы дворянства, подогрѣтыя еще либеральной шумихой, пропагандирующей дѣло крестьянъ графа А. В. Бобринскаго. Когда графа выбрали блистательно, то почти все дворянство прямо изъ зала собранія поѣхало къ нему поздравить его съ наступленіемъ новаго трехлѣтія его дѣятельности на пользу Московскаго дворянства. Конечно графъ былъ утвержденъ въ должности. Графъ недолго оста-

вался Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, бывъ вскорѣ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. На экстренныхъ выборахъ губернскимъ предводителемъ былъ выбранъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, прежній кандидатъ графа Бобринскаго. Понемногу все начало приходить въ свою обычную колею. Возвращеніе войскъ и вступленіе въ новую должность командующаго войсками графа Бревернъ-де-Лагарди началось съ того, что военнымъ Министерствомъ былъ купленъ одинъ изъ домовъ, оставшихся не проданными на рукахъ кредитнаго общества. Домъ занималъ почти цѣлый кварталъ, выходя фасадомъ на Пречистенку, бокомъ простираясь по всему Всеволожскому переулку и выходя снова отдѣльнымъ домомъ по улицѣ Остоженкѣ. Домъ этотъ остался за кредитнымъ обществомъ за четыреста тысячъ и правленіе не находило покупателя. Военное министерство взяло его за долгъ общества. Теперь домъ этотъ цѣнится въ полтора милліона. Странная судьба этого дома. Принадлежалъ онъ въ старину богатымъ помѣщикамъ Всеволожскимъ, владѣльцамъ извѣстныхъ желѣзныхъ заводовъ. Во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Большой домъ, выходящій фасадомъ на улицу Пречистенку сгорѣлъ. Остались однѣ фундаментальныя стѣны. Окна и двери были заколочены досками и домъ стоялъ необитаемъ. Такъ засталъ я его въ 1841 году. Флигеля по Всеволожскому переулку и домъ по улицѣ Остоженкѣ, были заняты мелкими квартирантами, но имѣли всегда видъ полуразрушеннаго дома, въ немъ болѣе ютились мастеровые. Большой домъ по Пречистенкѣ поражалъ проѣзжающихъ, какъ слѣпецъ, своими заколоченными окнами, а зимой вой вѣтра въ его опустѣлыхъ, безъ половъ и потолка, залахъ, производилъ такую музыку, особенно въ ночное время, что легенда приписывала ему быть обиталищемъ безплотныхъ духовъ разныхъ наименованій. Въ началѣ 70-хъ годовъ уполномоченный купца Ананова, армянинъ Степановъ, удалившись отъ дѣлъ, купилъ у Администраціи Всеволожскихъ эту руину и началъ ея отдѣлку. Большой домъ по Пречистенкѣ былъ сданъ и приспособленъ для вновь учредившагося яхтъ-клуба. Но клубъ, несмотря на поддержку своего командора Мейна

и другихъ желѣзнодорожныхъ строителей, просуществовалъ недолго, и за неимѣніемъ средствъ, закрылся. Я только разъ обѣдалъ тамъ по случаю какого-то празднества. Отдѣлка клуба была роскошная, но имѣла видъ Московскаго купеческаго пошиба. Дѣла Степанова пошатнулись, квартиры пустовали и наконецъ домъ за неплатежъ остался за кредитнымъ обществомъ во время домовладѣльческаго кризиса. Военное Министерство приспособило квартиры для разныхъ учрежденій своего вѣдомства и заняло ими весь кварталъ домовъ.

Москва заживала опять своею, ею одною выработанною оригинальною жизнью. У генералъ-губернатора князя Долгорукова также повторялись его четыре бала: одинъ большой для всѣхъ и три малыхъ для избраннаго общества, всѣ увеселенія кончались въ воскресенье на масляницѣ folle journée. Въ 12 часовъ подавался ужинъ a la fourchette и всѣ расходились по домамъ. Болѣе любезнаго и внимательнаго хозяина трудно было найти. Князь, несмотря на свои преклонные года, встрѣчалъ всѣхъ и провожалъ всѣхъ въ пріемной комнатѣ, а всѣмъ его адъютантамъ и чиновникамъ особыхъ порученій, вмѣнено, было въ обязанность наблюдать, чтобы приглашенныя барышни не оставались безъ танцующихъ кавалеровъ.

14-го Апрѣля 1879 года Москва праздновала пятидесятилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ своего генерала-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Празднество это отличалось общимъ единодушіемъ. Князя любили въ Москвѣ за его доступность всякому нуждающему въ его власти. Не было часа дня, когда бы, въ случаѣ крайней необходимости, князь отказался принять просителя.

Съ ранняго утра 14-го Апрѣля домъ генералъ-губернатора кишѣлъ народомъ подобно улью.

Я былъ въ числѣ депутаціи отъ Александро-Маріинскаго женскаго училища, поднесшаго князю изображенное изъ серебра подобіе дома, гдѣ родился князь. Домъ подносился отъ имени Варвары Евграфовны Чертовой, Юліи Альбертовны Воейковой и меня. Я съ двумя чиновниками канце-

ляріи, несшими этотъ тяжелый подарокъ, помѣстились въ желтой гостиной, но вскорѣ мы были потребованы въ нижній этажъ дома въ жилыя комнаты князя, гдѣ онъ желалъ прежде выхода своего въ парадныя залы принять В. Е. Чертову. Домъ этотъ былъ первымъ подношеніемъ князю за этотъ достопамятный для него день. Идея этого подношенія была моя, большинство же капитала Юліи Адальбертовны Воейковой.

По окончаніи литургіи въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, князь началъ пріемъ въ желтой гостиной, сперва начала дамъ общества, затѣмъ духовенство и потомъ прочія депутаціи. Пріемъ длился до 6 часовъ вечера. Многочисленныя депутаціи принесли многочисленныя подношенія, которыя князь по своей кончинѣ пожертвовалъ въ Румянцовскій музей, гдѣ они и хранятся теперь.

Вечеромъ гражданскій губернаторъ В. С. Перфильевъ давалъ въ честь князя обѣдъ, на которомъ присутствовали депутаты, прибывшіе изъ С.-Петербурга. Затѣмъ 17 апрѣля давалъ обѣдъ Московскій губернскій предводитель графъ А. В. Бобринскій. Чрезъ нѣсколько дней давалъ обѣдъ въ честь князя Московскій Городской Голова С. М. Третьяковъ. Московскій Англійскій клубъ тоже чествовалъ князя обѣдомъ.

Вообще популярность князя въ Москвѣ была всеобщая. Конечно этому много способствовало благоволеніе къ князю Императора Александра II, который во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, явно выказывалъ свое къ нему расположеніе и постоянно утверждалъ всѣ награды, которыя князь испрашивалъ для жителей Москвы.

Но награды эти создали массу благотворительныхъ учрежденій, существующихъ и прогрессирующихъ до сихъ поръ, тогда какъ большинство получившихъ награды спятъ вѣчнымъ и спокойнымъ сномъ. Списки же полученныхъ ими отличій хранятся только въ различныхъ архивахъ ихъ служебной дѣятельности.

Перемѣна въ обществѣ на пріемахъ и балахъ Московскаго генералъ-губернатора отразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ прежнее время попасть на балъ къ генералъ-губернатору женѣ какого нибудь мелкаго чиновника, или женѣ купца считалось почти недоступнымъ событіемъ, но въ послѣдніе годы своего генералъ-губернаторства князь Владиміръ Андреевичъ измѣнилъ свою тактику, на его балахъ не рѣдко появлялись богатыя купчихи, жены мелкихъ чиновниковъ и однажды видѣли на балѣ еврейку жену адвоката.

На поздравленіяхъ съ новымъ годомъ и праздникомъ Св. Пасхи, кромѣ служащихъ лицъ, принимались всѣ гласные городской думы. Гласные въ то время были многочисленны, была между ними такъ называемая черная сотня, у которой былъ свой предводитель мѣщанинъ Жадаевъ. Жадаевъ въ роли либеральнаго предводителя черной сотни являлся на поздравленіе въ длиннополомъ сюртукѣ, а при выходѣ на улицу накидывалъ синюю, засаленную потертую чуйку. При одномъ разъѣздѣ, когда мы на парадномъ крыльцѣ ждали своихъ экипажей, вышелъ на него Жадаевъ въ своей чуйкѣ. Часовой жандармъ не замѣтилъ выхода Жадаева изъ дома, и предполагая, что онъ пробрался на крыльцо, изъ числа глазѣющихъ на разъѣздъ площадной публики, грубо дернулъ его за рукавъ и сказалъ: «зачѣмъ толкаешься на господскомъ мѣстѣ, ступай на ту сторону въ народъ». Я гласный, крикнулъ Жадаевъ. Ступай, ступай, твердилъ жандармъ, препровождая его между плечъ, тамъ околоточный разберетъ какого ты согласія. Брань и крикъ Жадаева привлекли вниманіе полиціи, и сцена была прекращена.

Нечаянное паденіе моей дочери со стула во время урока англійскаго языка, причинившее ей разстройство нервной системы было причиною, что мы съ женою мало выѣзжали въ эту зиму. Кромѣ того, вслѣдствіе продажи дома жены моей на Пречистенкѣ,—мы устроивали для себя квартиру въ домѣ моемъ въ Столешниковомъ переулкѣ, что также отвлекло насъ отъ посѣщенія вечеровъ и баловъ.

Московскій-губернаторъ Петръ Павловичъ Дурново былъ переведенъ въ Петербургъ и на мѣсто его былъ назначенъ Московскій вицъ-губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ, мой сосѣдъ по Тамбовскому имѣнію. Перфильевъ

былъ у насъ въ Тамбовѣ, Членомъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ его очень любили. Дѣйствительно, это былъ душа-человѣкъ, весь въ отца Степана Васильевича, бывшаго начальника Московскаго жандармскаго управленія, во время царствованія Императора Николая I; смѣло можно сказать, что отецъ и сынъ лично отъ себя не сдѣлали никому вреда, а всякому старались помочь по возможности, въ чемъ это отъ нихъ зависѣло. Англійскій клубъ перешелъ опять въ свое прежнее помѣщеніе и страсти, возбужденныя прошедшей войной и неудачной наемкой дома Малкіеля, понемногу утихли.

ГЛАВА XXXI.

1879 г. Броженіе въ студенческихъ кругахъ.—Скандалъ въ Городской Думѣ.—Выходъ въ отставку: Головы, помощника и членовъ управы.—Выборъ Чичерина.—Покушеніе Соловьева.—Взрывъ на пассажирской станціи Курской дороги.

Зима 1878—1879 года прошла въ Москвѣ тихо, только изъ Петербурга постоянно было слышно о разныхъ заговорахъ, устройствахъ взрывчатыхъ аппаратовъ и подпольномъ броженіи въ средѣ нашей учащейся молодежи. Вообще въ воздухѣ много было электричества, на время было затихшаго, во время кампаніи, а теперь съ новою силою работающаго въ подпольномъ нигилистическомъ царствѣ.

Между студентами университета были постоянныя волненія. Неоднократно начальство университета, не бывъ въ состояніи утишать волненіе, прибѣгало къ помощи администраціи и только благодаря принятымъ ею мѣрамъ волненіе утихало.

Слухи изъ Петербурга волновали Москву. Смерть шефа жандермовъ Мезенцева, убитаго среди бѣлаго дня на людной улицѣ столицы, возбуждало всеобщее негодованіе, на бездѣятельность и близорукость полицейской власти. Всеобщій голосъ утверждалъ, что это было слѣдствіемъ оправданія Вѣры Засуличъ, покушавшейся на жизнь Ѳ. Ѳ. Трепова. Петербургъ конечно не обратилъ вниманія на негодованіе Москвичей. При назначеніи Лорисъ-Меликова Ѳ. Ѳ. Треповъ ушелъ съ поста С.-Петербургскаго Градоначальника—его замѣстилъ генералъ-маіоръ Федоровъ.

Вѣсть о покушеніи уволеннаго сельскаго учителя Соловьева на жизнь Государя 2 апрѣля, когда Государь возвращался съ прогулки близъ Зимняго дворца, сильно волновала Москвичей. Государь раненъ не былъ, хотя Соловьевъ стрѣлялъ на весьма близкомъ разстояніи и плащъ Государя былъ прострѣленъ, въ чемъ видѣли особое счастіе.

Когда Государь вскорѣ проѣзжалъ черезъ Москву, то безчисленная толпа явилась на желѣзнодорожную станцію привѣтствовать Государя и поздравить его съ счастливымъ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности. Государь ѣхалъ въ томъ плащѣ, который былъ на немъ въ день катастрофы и показывалъ плащъ обступившимъ его дамамъ Московскаго общества, говоря: «По мнѣ стрѣляли, какъ по зайцу».

Государь прослѣдовалъ въ Ливадію, гдѣ по случаю, болѣзни Императрицы пробылъ вторую половину апрѣля и май и только 28 вернулся въ Петербургъ.

Въ Московской городской думѣ тоже произошла революція. Большинство гласныхъ возстали на Городскую Управу, а особенно на городского голову Третьякова, товарища его Леонида Николаевича Сумбула и члена Управы Петунникова. Причина была выставлена — плохое хозяйничаніе во вновь пріобрѣтенной городомъ Сокольничей рощѣ, но подъ рукой говорили, что умыселъ другой тутъ была. Послѣ рѣзкихъ думскихъ дебатовъ, бывшихъ въ засѣданіи думы, Городской голова Третьяковъ съ составомъ всей управы рѣшились подать аъ отставку; но въ дѣйствительности подали кромѣ головы и его помощника только часть членовъ, да и то въ послѣдствіи нѣкоторые вернулись въ Управу. Болѣе всѣхъ пострадалъ Петунниковъ, насадитель и украшатель бульваровъ. Петунниковъ учредилъ Новинскій бульваръ, садъ на Лубянской площади и бульваръ на Трубной площади. Вообще Петунниковъ, какъ магистръ ботаники старался развить древесную растительность въ пыльной Москвѣ.

Обида, нанесеная Третьякову была ему чувствительна потому, что по его ходатайству, правительство уступило городу Сокольники за триста тысячъ, когда они стоили болѣе милліона. Городъ нуждался въ пригородной землѣ, потому ходатайство его было уважено и правительствомъ принято было во вниманіе, что Москва первая пожертвовала, при началѣ послѣдней войны на нужды государства, весь свой запасный капиталъ, заключающійся въ милліонѣ рублей серебромъ.

Москва обезголовилась окончательно, такъ какъ товарищъ головы тоже подалъ въ отставку. Начались поиски кого бы посадить на вакантное мѣсто. Предлагали бывшему Головѣ князю Александру Алексѣевичу Щербатову, но тотъ помня обиду, нанесенную ему во время баллотировки его и Лямина, отказался отъ предлагаемой чести. Начались шушуканья по угламъ нашихъ воротилъ, и вскорѣ разнеслась вѣсть, что Московскимъ головой будетъ бывшій профессоръ Московскаго Университета Б. Н. Чичеринъ, Тамбовскій помѣщикъ. Чичеринъ былъ рекомендованъ гласными: княземъ Щербатовымъ, Аксаковымъ и Дмитріемъ Федоровичемъ Самаринымъ. У Чичерина не было никакой собственности въ Москвѣ. Нашли какую-то продающуюся хибарку на окраинахъ столицы, заложенную въ знаменитой кредиткѣ, которую тотчасъ же купили на имя Б. Н. Чичерина и утвердили во владѣніи новаго собственника и въ первое же засѣданіе Думы выбрали новаго голову. Но недолго управлялъ Москвою Б. Н. Чичеринъ. Вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, во время коронаціи Императора Александра III, Чичеринъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Д. С. С. Тарасовымъ, вскорѣ сошедшимъ съ ума, за нимъ наступила Алексѣевщина, но я зашелъ далеко, объ этомъ впослѣдствіи.

19 ноября ожидали прибытія въ Москву проѣздомъ изъ Ливадіи Государя Императора, гдѣ онъ пребывалъ по случаю болѣзни Императрицы Маріи Александровны, уѣхавшей 16 числа для лѣченія за границу.

Государь прибылъ въ назначенное время въ Москву благополучно, помолившись по обычаю у чудотворной Иконы

Иверской Божіей Матери, прослѣдовалъ въ Кремлевскій дворецъ. На утро былъ назначенъ выходъ въ Успенскій Соборъ.

Но послѣ пріѣзда Государя близъ станціи случилась невѣроятная катастрофа, которую власти незнали и непредвидѣли.

На слѣдующее утро въ обычный часъ мы начали собираться въ залы дворца, гдѣ уже шли обсужденія вчерашняго происшествія. Въ Екатерининской залѣ ораторствовалъ Князь Д. Д. Оболенскій, который слѣдовалъ во второмъ свитскомъ поѣздѣ. Князь говорилъ, что когда на третей верстѣ, не доѣзжая станціи Москва, поѣздъ былъ остановленъ вслѣдствіе взрыва полотна въ Рогожской части, то онъ тотчасъ же, на извозчикѣ, поѣхалъ въ Кремль, гдѣ всѣ уже спали. Приказавъ разбудить графа А. В. Адлерберга, онъ разсказалъ ему про происшедшую катастрофу въ 10 час. 25 мин. ночи. Подкопъ былъ сдѣланъ изъ одного изъ домовъ, находящихся близъ полотна дороги. Заговорщики перемѣшали поѣзда свитскій и Императорскій, принявъ одинъ за другой и потому покушеніе вышло неудачно и главное безцѣльно.

Когда Государь на утро слѣдующаго дня вышелъ въ Георгіевскую залу, то взрывъ восторга и громкое неумолкаемое ура встрѣтило Государя отъ собравшейся публики.

По окончаніи выхода Государь принималъ представителей сословій, которымъ сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на которомъ люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше Отечество постепенно развивающееся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое какъ вамъ, такъ и Мнѣ.

Государь пробылъ въ Москвѣ два дня. Это былъ предпослѣдній пріѣздъ Государя въ Москву.

Затѣмъ въ слѣдующемъ году въ февралѣ разнесся слухъ

о взрывѣ 5 числа въ Зимнемъ дворцѣ, но мѣры къ искорененію крамолы принимались только паліативныя и привели, наконецъ, къ злодѣйству 1 марта.

ГЛАВА XXXII.

1880 г.—Возвращеніе Государыни въ Россію —Кончина Ея.—Постройка выставочнаго зданія на Ходынскомъ полѣ.—Приготовленіе къ освященію Храма Христа Спасителя.—Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ.—Празднованіе 25-ти лѣтія вступленія на престолъ Императора Александра II.

23 января Государыня Императрица, чувствуя упадокъ силъ, пожелала вернуться въ отечество и прибыла въ Петербургъ. Силы ея быстро падали и она уже не вставала съ постели и 22-го мая мирно опочила.

Весной 1880 года началась постройка на Ходынскомъ полѣ Всероссійской выставки. Толки и разговоры по приготовленію къ ней занимали Москву. Освященіе такъ долго строющагося Храма Христа Спасителя хотѣли также пріурочить къ этому времени. Но все это разстроилось кончиною Государя Александра II.

Постройкой выставки завѣдывалъ профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго Института Вышнеградскій, бывшій впослѣдствіи нашимъ министромъ финансовъ, послѣ отставки Бунге. На мѣстѣ, распланированномъ для нея въ свободныхъ мѣстахъ былъ разбитъ паркъ, остатки котораго мы видимъ теперь на Ходынскомъ полѣ. Въ первый разъ Москва увидала на практикѣ электрическую дорогу, устроенную по выставкѣ какою-то компаніею. Городская управа разработала бывшій на Ходынскомъ полѣ колодезь и провела изъ него воду въ будущее зданіе выставки. Ожиданій и выгодъ отъ предстоящей Всероссійской выставки было много, но послѣдствія показали, что не всѣ ожиданія исполняются.

19 августа Государь былъ проѣздомъ въ Ливадію въ Москвѣ. Государь пробылъ всю осень въ Крыму и вернулся въ Петербургъ 28 ноября.

Взрывъ 5-го февраля въ подвальномъ помѣщеніи Зимняго дворца наполнилъ ужасомъ сердца всѣхъ истинно русскихъ людей. Недостаточность мѣръ, принятыхъ Петербургской администраціей, была очевидна. Но петербургскіе либералы думали болѣе о томъ, что скажетъ о нихъ заграничная либеральная пресса, чѣмъ что скажетъ о нихъ православная Россія, преданная порядку и любви къ отечеству. Диктатура сердца надѣла трауръ на всю Россію.

19 февраля въ Петербургѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованіе Государя. Въ Москвѣ все было тихо; кромѣ оффиціальныхъ торжествъ время это прошло безъ выдающихся событій. Московскій Генералъ-Губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ уѣхалъ въ Петербургъ для присутствія въ Комитетѣ, въ числѣ созванныхъ туда всѣхъ Генералъ-Губернаторовъ.

ГЛАВА XXXIII.

1881 г.—Кончина Государя.—Похороны Государя.

Осенью, послѣ покушенія на жизнь покойнаго Государя Александра II Соловьевымъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ огромными полномочіями, былъ назначенъ Кавказскій генералъ новоиспеченный графъ Лорисъ-Меликовъ. Либералы торжествовали, увѣряя, что, несмотря на представленную ему диктатуру, онъ будетъ укрощать бунты и заговоры диктатурой сердца. Первымъ отвѣтомъ на его программу было покушеніе на его жизнь какимъ то евреемъ, котораго кротко повѣсили. Но диктатура кротости не удалась, а завершилась неслыханнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 года. Царь, давшій свободу милліонамъ крѣпостныхъ, давшій свободу слова и свободу печати, былъ звѣрски убитъ людьми, выведенными Имъ изъ мрака неволи.

1 марта вечеромъ жена моя, возвратясь съ панихиды по матери своей, разсказала мнѣ, что сестра ея княгиня Шахеева, отъ пріѣзжихъ на Петербургскомъ вокзалѣ, слышала, что на Государя было сдѣлано покушеніе и что Государь

смертельно раненъ. Сначала я принялъ это за утку, но утреннія газеты подтвердили дѣйствительность этого грустнаго происшествія. Я собрался было тотчасъ же ѣхать въ Петербургъ, но семейное горе остановило мою поѣздку въ столицу. 27 февраля вечеромъ скончалась мать моей жены Анна Павловна Гевличъ. Похороны и горе моей жены задержали отъѣздъ мой въ Петербургъ. Устроившись въ Москвѣ, я 7-го марта выѣхалъ въ Петербургъ, желая поклониться праху покойнаго Государя и если возможно присутствовать на его похоронахъ. Судьба устроила такъ, что я по придворному званію назначенъ былъ дежурнымъ при гробѣ и регаліяхъ въ день похоронъ Государя. Въ 9½ часовъ утра я былъ уже въ Петропавловскомъ соборѣ, что въ крѣпости; начало послѣдней заупокойной обѣдни было назначено въ 10 часовъ утра. Въ соборъ допускались только дежурные придворные кавалеры и чины первыхъ трехъ классовъ, такъ какъ мѣстъ по необширности собора не хватало. Всѣмъ остальнымъ лицамъ входъ былъ недозволенъ. Я помню какъ нѣкій камеръ-юнкеръ С., когда дежурный церемоніймейстеръ просилъ его удалиться изъ собора, спрятался за колонну, но оттуда былъ извлеченъ и удаленъ изъ собора. Во время служенія обѣдни и панихиды, я стоялъ въ ногахъ гроба, у лѣвой подушки отъ головы, наискось противъ Государя Александра III и всей Царской Фамиліи. По другую сторону, у ногъ почившаго Императора, стояла группа всѣхъ министровъ. Заупокойная обѣдня съ панихидой окончилась во второмъ часу. Послѣ послѣдняго прощанія царскаго семейства съ покойнымъ Императоромъ, гробъ былъ закрытъ и Императорское семейство удалилось, а за ними ушли и всѣ присутствовавшіе. Соборъ былъ запертъ, въ немъ оставались только дежурныя части изъ свиты придворныхъ особъ. Гробъ сняли съ катафалка, отнесли къ приготовленному склепу, уставили въ мѣдный гробъ, запертый двумя ключами при внутреннемъ замкѣ и опустили въ склепъ. Одинъ ключъ взялъ Министръ Двора Графъ Адлербергъ, а другой вручили коменданту крѣпости. Затѣмъ сводъ склепа былъ задѣланъ, плиты уложены на мѣсто. Протоколъ былъ подписанъ дежурствомъ и мы вмѣстѣ съ Императорскими регаліями удалились изъ собора. Разсадили насъ въ придворные экипажи, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ конвоемъ конногвардейцевъ, и траурнымъ торжественнымъ маршемъ тронулись мы черезъ замерзшую Неву къ Зимнему дворцу. На льду Невы, по всей дорогѣ стояли шпалерами казаки, охраняя нашъ поѣздъ. Императорскую корону везъ генералъ-адмиралъ графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ съ ассистентами, а державу Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. Всѣхъ экипажей было болѣе десяти. Въ Зимнемъ дворцѣ регаліи встрѣтили дежурныя части. Мы торжественно понесли ихъ въ брилліантовую комнату и въ 4 часа разъѣхались по домамъ. Пробывъ съ 9 часовъ до 4-хъ на ногахъ, я очень очень усталъ и радъ былъ добраться до дому. Петербургъ былъ мраченъ, разнородныхъ толковъ была масса; всѣ ждали новыхъ катастрофъ, но, благодаря Бога, понемногу все успокоилось и вошло въ свою колею. Лорисъ-Меликовъ вскорѣ былъ уволенъ и уѣхалъ за границу. Оберъ-полицеймейстеръ отчисленъ отъ службы по неспособности, и долженъ былъ искать ее въ частныхъ занятіяхъ. Я пробылъ въ Петербургѣ нѣсколько дней. Всеобщее недоумѣніе царило въ обществѣ. Разнородные толки бродили между жителями. Всякій предсказывалъ будущее направленіе согласно своему желанію и той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Государь молчалъ и самые близкіе къ нему люди не знали, что будетъ на завтра. Я уѣхалъ въ Москву спустя три дня послѣ похоронъ.

Москва болѣе предугадывала грядущія событія, чѣмъ либеральный Петербургъ. Тогда какъ послѣдній мечталъ о конституціяхъ и еще большей распущенности въ администраціи и юриспруденціи, первая подъ главенствомъ Каткова взывала объ обузданіи расходившихся либераловъ и болѣе строгому правленію Державной власти, указывая тѣмъ, что только тогда крамола исчезнетъ въ подпольѣ, когда власти не будутъ дремать, а зорко слѣдить за исполненіемъ ввѣреннаго имъ управленія.

Смѣна графа Лорисъ-Меликова съ поста Министра Внут-

ренних Дѣлъ ясно показала Россіи, что Государь не сочувствуетъ распущенности администраціи подъ либеральной окраской. Замѣнившій его графъ Игнатьевъ не долго удержался на мѣстѣ. Затѣмъ твердая воля Государя Императора, оставившаго скользкій путь, избранный нашей либеральной партіею, въ сторонѣ, скоро показала, что большинство русскихъ не сочувствуетъ либеральной шумихѣ, совсѣмъ не сродной русскимъ. Перемѣна политическихъ взглядовъ успокоила общество и заставила реакціонеровъ попрятаться въ свои клопиныя щели. Понемногу и Москва приняла свой обычный и спокойный видъ. Предполагавшаяся къ открытію Всероссійская выставка вслѣдствіе траура была отложена на неопредѣленное время. Храмъ Христа Спасителя тоже не былъ освященъ. Оба торжества отложены были до окончанія траурнаго срока.

ГЛАВА XXXIV.

Кончина Принца П. Г. Ольденбургскаго.—Отставка Серебрякова и выборъ новаго правителя дѣлъ пріютовъ.

Въ іюнѣ 1881 года получилось горестное извѣстіе о кончинѣ Главноуправляющаго Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи Вѣдомства Императрицы Маріи. Его Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Его Высочество долго состоялъ во главѣ благодѣтельнаго учрежденія, своей добротой и отзывчивостью къ помощи ближняго пріобрѣлъ такую массу истыхъ поклонниковъ въ завѣдываемыхъ имъ учрежденіяхъ, что кончина его удручающе подѣйствовала на весь персоналъ служащихъ. Всякій зналъ, что всегда могъ разсчитывать на полное сочувствіе и немедленную помощь нуждающемуся, а тутъ почти внезапная смерть, сразу закрыла настежь открытыя для нужды и помощи двери. Было отъ чего задуматься многимъ.

По кончинѣ Его Высочества Принца Ольденбургскаго на его мѣсто былъ назначенъ статсъ-секретарь Гротъ. Ждали мы пріѣзда новаго начальства въ Москву. По слухамъ новое начальство хотѣло перемѣнить способъ благотворенія по другому режиму. Пріѣздъ Грота показалъ намъ, что Петербургъ косо смотрѣлъ на Московскихъ заправилъ благотворительныхъ обществъ, и всѣми способами хотѣлъ удалить нѣкоторыхъ изъ насиженныхъ ими мѣстъ. Я въ то время занималъ должность директора Торлецкаго Пріюта, почти независимо отъ Совѣта, какъ содержимаго на пожертвованные Торлецкимъ капиталы, сборомъ съ воспитанниковъ за ученіе, а остальные недобранные гроши уплачивала попечительница Елена Григорьевна Торлецкая. По пріѣздѣ Грота въ Москву для обозрѣнія всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, всѣ служащіе въ вѣдомствѣ являлись къ нему, въ числѣ прочихъ, конечно, и я. Въ субботу Гротъ обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда онъ подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ о правителѣ дѣлъ канцеляріи пріютовъ тайномъ совѣтникѣ Алексѣѣ Дмитріевичѣ Серебряковѣ. Видимо было, что Гротъ по слухамъ былъ недоволенъ Серебряковымъ и желалъ выпытать отъ меня справедливость дошедшихъ до него слуховъ. Но я уклонился отъ того, заявивъ, что занимаюсь только ввѣренной мнѣ частью, а не принадлежу къ группы пріятелей Серебрякова и помощника его Сафонова, и не знаю подробностей канцеляріи. Вскорѣ былъ назначенъ ревизіонный совѣтъ по дѣламъ канцеляріи изъ всѣхъ директоровъ пріютовъ, попечительницъ и чиновника для особыхъ порученій Грота, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барановскаго, съ братомъ котораго Гротъ былъ одно время губернаторомъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, и находился въ большой дружбѣ. Бывшій губернаторъ былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, а братъ чиновникомъ особыхъ порученій. Выборъ послѣдняго былъ неудаченъ. Барановскій, получивъ предписаніе отъ Грота уничтожить Серебрякова началъ безтактно проводить свои нападки къ мелочамъ канцелярской переписки. Помощникъ Серебрякова Сафоновъ, тотчасъ подалъ въ оставку il a reculér pour mieux sottée. Совѣтъ пріютовъ постоянно собирался въ квартирѣ предсѣдательницы Чертовой. Я хотя постоянно бывалъ на Совѣтахъ, но мало принималъ участія въ дебатахъ, а болѣе

слушалъ безсодержательную болтовню. Барановскій придирался къ мелочамъ, а Серебряковъ и компанія слабо отвѣчала ему, какъ будто бы боясь затронуть глубже вопросъ, и навесть Барановскаго на истинный путь. Можетъ быть страхъ ихъ былъ не разсердить Грота своими рѣзкими отвѣтами, Рѣчи Барановскаго были день-ото-дня рѣзче и смѣлѣе, что обижало старуху Чертову. Лично до управляемаго мною пріюта, не произнесено было ни одного звука неодобренія, а напротивъ, Барановскій всячески искалъ моей поддержки въ своихъ нападкахъ на канцелярію Совѣта; я молчалъ или слабо старался примирить враждующія стороны. Бывъ однажды у князя Владиміра Андреевича Долгорукова, я былъ спрошенъ имъ, что дѣлается въ нашихъ совѣщаніяхъ у Чертовой. Я разсказалъ ему суть дѣла. Князь спросилъ меня,—отчего не дадутъ отпора Барановскому? Я пояснилъ князю, что дѣлами канцеляріи я никогда не интересовался, а занимался только ввѣреннымъ мнѣ пріютомъ, а такъ какъ лично мое заведеніе и мою дѣятельность не критикуютъ, то я и держусь въ сторонѣ. Тогда князь обратился ко мнѣ, сказавъ:, Чертова пріѣзжала ко мнѣ жаловаться на безцеремонное обращеніе Барановскаго и просила меня помочь ей. Вотъ бы вы защитили ее на совѣщаніяхъ. Князь, отвѣтилъ я, защищая Чертову и Серебрякова, я дѣлаюсь врагомъ Грота, моего прямого начальника, что не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе, что въ бытность его въ Москвѣ, онъ былъ любезенъ со мной, и не смотря на всю сдержанную натуру, наговорилъ мнѣ много лестнаго. Я имѣю свѣдѣнія изъ Петербурга, сказалъ князь, что Гротъ на-дняхъ будитъ удаленъ, а въ случаѣ какихъ нибудь осложненій, я беру все на себя и вы ничего не потеряете, я вамъ въ томъ порука. Въ слѣдующее засѣданіе послѣ горячаго вступленія Барановскаго, когда онъ потребовалъ отвѣта у Серебрякова, я всталъ и просилъ слова. Барановскій, думая, что я всталъ, желая говорить для его поддержки, былъ полное вниманіе. Началъ свою рѣчь тѣмъ, что, соглашаясь съ мнѣніемъ почтеннаго Александра Ивановича Барановскаго въ непорядкахъ канцеляріи пріютовъ, я счелъ себя обязаннымъ заявить,

что не это тормозитъ развитіе заведеній, а другія обстоятельства, въ совѣщаніяхъ, совсѣмъ не затронутыя; что же касается до замѣчаній А. И., то это такая мелочь, основанная на бабьихъ сплетняхъ, что и собираться для выслушиванія ихъ совѣту не подобаетъ. Потомъ перешелъ къ деталямъ: вначалѣ Барановскій, хотя былъ ошеломленъ оборотомъ моей рѣчи, возражалъ, но разбитый на всѣхъ пунктахъ, бѣжалъ изъ засѣданія Совѣта, забывъ даже накинуть свою шубу; такъ что швейцаръ догналъ его на половинѣ двора близъ воротъ дома Чертовой. Черезъ день Барановскій уѣхалъ въ Петербургъ жаловаться Гроту на постановленіе Совѣта, оправдавшаго Серебрякова и признавшаго всѣ навѣты Барановскаго вздорными и незаслуживавшими вниманія. Оправданный Серебряковъ обидѣлся сдѣланнымъ на него навѣтомъ и подалъ въ отставку, отъ званія правителя дѣлъ Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ, оставшись членомъ совѣта Попечительства при Московскомъ генералъ-губернаторѣ. Барановскій даромъ съѣздилъ въ Петербургъ. Гротъ былъ уволенъ и ревизія окончила свое существованіе. Въ Москвѣ началась новая іереміада. Пресловутая Анна Степановна Воейкова, при посредствѣ Варвары Евграфовны Чертовой, начала хлопоты, желая помѣстить землемѣра Евгенія Николаевича Сафонова, бывшаго прежде помощникомъ Серебрякова, и бѣжавшаго отъ своего принципала, какъ только началась надъ нимъ гроза. Мало того, что Анна Степановна желала помѣстить Е. Н. Сафонова правителемъ дѣлъ пріютовъ, но и желала дать ему жалованіе 2400 руб. въ годъ. Собрали совѣтъ въ залѣ Чертовой. За Сафонова составился ареопагъ изъ Чертовой, Воейковой, Кохъ и Торлецкой, которыя прежде предложенія къ избранію лица, могущаго замѣстить должность правителя дѣлъ совѣта, предложили назначить ему жалованіе 2400 р. Противъ предложенія были Давыдовъ, Никифоровъ и другіе, говоря, что никогда правитель дѣлъ въ благотворительномъ обществѣ жалованья не получалъ. Второе, что 2400 р. жалованіе намъ не по силамъ. За такую сумму мы можемъ содержать пріютъ для приходящихъ дѣтей на сто человѣкъ. Но вслѣдствіе просьбы Чертовой

пошли на компромисъ. Положили жалованіе правителю дѣлъ 1200 рублей, оставивъ тѣ же 1200 р. на разъѣзды, что и составило тѣ же 2400 рублей. Выбрали, конечно, Сафонова, тѣмъ болѣе, что никого другого, болѣе предложено не было. Со дня избранія Сафоновъ считалъ своими врагами меня и Давыдова, и при всякой возможности старался дѣлать намъ непріятности. Въ первое время онъ велъ свои дѣла осторожно, но, взявъ въ члены совѣта своихъ пріятелей, и забравъ понемногу въ руки Чертову, онъ развернулся во всю. Тѣмъ болѣе, что пріобрѣлъ себѣ дружбу директора пріютовъ Канцеляріи Императрицы Маріи Князева. По прежнему Уставу всѣ совѣщанія для разсмотрѣнія дѣлъ, назначенныхъ къ рѣшенію въ Совѣтѣ, разбирались директорами пріютовъ. Сафоновъ это самовольно уничтожилъ. За подписью Чертовой посылались бумаги въ Петербургъ не только неразсмотрѣнныя директорами, но и не доложенныя Совѣту, прямо въ канцелерію Вѣдомства. Даже къ подписанію всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ многіе директора и попечительницы не приглашались, а для увеличенія подписей Сафоновъ набралъ своихъ нріятелей изъ почетныхъ членовъ, которыхъ состояли сотни при Совѣтѣ. Конечно, въ этихъ отчетахъ писались не то, что было, а что нужно было показать Сафонову. Задумалъ Сафоновъ устроить себѣ квартиру и вотъ пошло предложеніе купить домъ, нанимаемой канцеляріей. Домъ ветхій, никуда негодный. Но Сафоновъ настоялъ на своемъ, несмотря на сопротивленіе членовъ Совѣта домъ былъ купленъ за награды, хотя эфемерныя. Затѣмъ явился жертвователь, пожелавшій перестроить домъ и учредить въ немъ храмъ Но тутъ пошла распря между Сафоновымъ и Чертовой. Благотворитель желавшій устроить храмъ былъ переманенъ ею въ Александро-Маріинское училище и проектъ не состоялся. Но Сафоновъ не унывалъ, и началъ строить на купленномъ мѣстѣ новый домъ, сломавъ старыя гнилушки. Планъ постройки онъ скрывалъ отъ большинства членовъ Совѣта, показывая его только своимъ пріятелямъ, которыхъ и заставлялъ подписывать журналы, посылаемые въ Петербургъ отъ имени всего Совѣта. Особенно все это пряталось отъ Давыдова и отъ

меня, такъ какъ я былъ противъ покупки дома за 37 тысячъ, зная его ветхость и плохую постройку, что впослѣдствіи и оказалось. Домъ признанъ негоднымъ и уничтоженъ до основанія. Когда домъ былъ готовъ, то оказалось— въ двухъ этажахъ расположена квартира Сафонова и канцелярія, въ третьемъ предполагался пріютъ, а въ четвертомъ въ мансардѣ спальни воспитанниковъ. Сафоновъ поселился тотчасъ, а пріютъ гораздо позднѣе. Все что-то было неготово. Сюрпризъ былъ всѣмъ неожиданный. Я громко протестовалъ противъ такого самоуправства, но кромѣ вражды Сафонова ко мнѣ, ничего не вышло. Его сильно поддерживалъ директоръ пріютовъ Князевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ:

Стр.

Портреты:

Виды:

ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 62 съ низу 12 строка напечатано Милютинъ Николай Александровичъ, слѣдуетъ читать Николай Алексѣевичъ.